

Надежда Мамаева

Интервью для Мэри Сью.
Раздразнить дракона

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

Попала в другой мир, да не абы как, а из огня — в полымя... Да где наша журналистская братия не пропадала! Дала клятву, которая грозит смертью... теперь только и остается, что выполнить зарок. Встретила дракона, что ненавидит людей... это уже из разряда супербонуса затейницы-судьбы. Все это обо мне, скромной студентке журфака, с которой случилась одна досадная неприятность — я немножко умерла. Теперь мне нужно выжить в мире, где в небе среди облаков парят твердины — земли драконов, кнессы урядов делят между собой власть, а правду отстаивают на божьем суде с помощью меча. И это бы даже легко удалось, если бы за тем артефактом, что я получила вместе с шансом на новую жизнь, не охотилась тьма людей и нелюдей... Когда враги пытаются достать тебя ядом, каленым железом и чернокнижным колдовством, единственным щитом становится любовь. Но вот готов ли к ней тот, у которого я, попаданка, собралась взять интервью?

- [Надежда Мамаева](#)
 -
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА 1, она же первый вопрос:](#)
 - [ГЛАВА 2, она же вопрос второй:](#)
 - [ГЛАВА 3, она же вопрос третий:](#)
 - [ГЛАВА 4, она же вопрос четвертый:](#)
 - [ГЛАВА 5, она же вопрос пятый:](#)
 - [ГЛАВА 6, она же вопрос шестой:](#)
 - [ГЛАВА 7, она же вопрос седьмой:](#)
 - [ГЛАВА 8, она же вопрос восьмой:](#)
 - [ГЛАВА 9, она же вопрос девятый:](#)
 - [ГЛАВА 10, она же вопрос десятый:](#)
 - [ГЛАВА 11, она же вопрос одиннадцатый:](#)
 - [ГЛАВА 12, она же вопрос двенадцатый:](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Надежда Мамаева
ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ МЭРИ СЬЮ.
РАЗДРАЗНИТЬ ДРАКОНА

ПРОЛОГ

— Предатель! — в сердцах воскликнула я, глядя, как на моем надежном товарище и верном соратнике вспыхнул красный индикатор.

Старенький диктофон будто извинялся и предупреждал: прости, подруга, но еще несколько часов работы, и я разряжусь уже навсегда.

Умом я понимала, что рано или поздно этот день настанет, но в душе жила неистребимая вера, что «когда-то» — еще далеко и уж точно — не сегодня. Но вот и она сдохла вместе с аккумулятором.

Захотелось расплакаться от отчаяния.

Я была неразлучна с диктофоном с тех самых пор, как попала сюда. Он выручал меня, бережно храня в своей цифровой памяти малейшие оттенки смыслов, интонаций, витиеватых сплетений велеречивых рассуждений и четких отрывистых реплик, что больше всего напоминали приказы. Мой диктофон. Подарок самой себе на двадцатилетие. Он был той связующей нитью, тем канатом, на котором держалась моя вера в то, что я вернусь.

Вновь окунуть в круговерть если не совсем счастливой, то хотя бы понятной жизни с повышенной стипендией, стажировкой, навязчивым однокурсником Сашкой, задавшимися целью перенести наши строго вертикальные (хотя я вообще мечтала о параллельных) отношения в горизонтальную плоскость...

Все это, еще недавно такое привычное и уютное своей повседневностью, оказалось в прошлом. Сейчас меня окружала суровая реальность мира, где не ведают, что такое Интернет. Зато о троллях наслышаны. И даже знают верное средство от них. Тяжелое, как веское слово, и острое, как политическая шутка, но весьма материальное. Называется — двуручный меч.

Один такой «прибор для борьбы с троллями» лежал сейчас неподалеку. В комплекте к нему должен был прилагаться рыцарь. Но это у приличных людей набор соответствует инструкции. У таких же рыжих, как я, недостающие детали вечно приходится заменять ее величеством Импровизацией. Так и в этот раз.

Меч, одна штука, был. Сдохший тролль, тоже в количестве одной единицы, наличествовал. А воином в нержавейке от местного «Армани», увы и ах, даже не пахло.

Впрочем, и без помощи рыцаря из меча и здоровенного горного уродца

вышла презанятная композиция, разместившаяся посреди лесной поляны. Единственным зрителем оной была я, сидевшая под разлапистой елкой. Но мне не было дела до раскинувшегося звездой тролля, пронзенного мечом и ныне на полставки изображавшего шашлык.

Я скорбела по своему диктофону. Ему я порой решалась выговориться без утайки, он выручал меня, когда память могла подвести. В этом мире, где в небесах царствуют драконы, а под землей роют шахты гномы, старенький диктофон, собранный трудолюбивыми руками жителей Поднебесной, был моим талисманом, амулетом, который оберегал веру в то, что я сумею вернуться домой.

Слезы все же побежали по щекам. Злые, горькие, отчаянные, беззвучные. Решительно стерла их рукавом. Глянула на горного истукана: здоровенный, зараза. Но справилась же я с ним. Значит, и с остальным тоже справлюсь! Сумею, смогу — во что бы то ни стало. Я же будущая журналистка.

Взгляд упал на экран. До полной разрядки еще есть пара часов записи. Отложить? Растянуть агонию или...

В памяти верного друга было множество звуковых файлов. Голоса, записанные тайно и в открытую, мысли и рассуждения... Но все — чужие.

Нажала на кнопку записи. Пусть хотя бы последняя будет обо мне.

Время шло. Начать говорить о себе оказалось на удивление тяжело.

На поляне стояла тишина, а я все не могла произнести ни звука. Наконец, чтобы облечь слова в форму, решила взять интервью. Сама у себя. Мысль еще не успела до конца оформиться, а журналистский рефлекс уже сработал, и прозвучал стандартный вопрос, с которого начинается большинство интервью.

ГЛАВА 1, она же первый вопрос: — Расскажите немного о себе

Сразу стало как-то легче и проще. Даже тролль — и тот показался более привычным, что ли. Словно я влезла в любимые разношенные домашние тапочки. Слова нашлись сами. Много.

Тот день был обычным, ничем не примечательным среди остальных побратимов календаря. Одиннадцатое апреля. Сугробы только-только стаяли, и из-под юбок начали пробиваться первые коленки. Хотя ветер все еще норовил укусить холодом, а воздух сквозил промозглостью.

В общем, весна. Очаровательное время для влюбленности и насморка. И если первого в моем арсенале не наблюдалось, то второго было — с лихвой. Я хлюпала носом, мои кроссовки — щедрым подношением, впитанным в одной из луж.

Как ни торопилась, на планерку все же опоздала. Стянула вязаную шапочку, пятерней пригладила растрепавшиеся волосы и пристроила свою выдавшую виды куртку на вешалку. Моя одежда удостоилась соседства с шикарным кожаным плащиком Лики Южной (по паспорту — Марии Головкиной, но, как говорится, в статьях о гламуре все должно быть прекрасно, и имя автора — в том числе). Я лишь хмыкнула. Ну да, мне, Сашке Конокпаевой, стажерке, едва сводящей концы с концами, до Лики-Марии, а по совместительству и пассии главреда, как сумоисту до габаритов балерины. Разве что наша одежда может висеть рядом. В остальном...

Как оказалось чуть позже, связывать нас с Южной может не только вешалка. Едва я просочилась в кабинет начальства и приготовилась мимикрировать под цвет стен, как наш главред (за глаза величаемый почетным главгадом) оскалился приветственной улыбочкой:

— А-а-а, вот и наша звезда госпожа Конокпаева пожаловала! Милочка, вы отнюдь не прехорошенькая женщина, и уж точно не отличная мысль, чтобы приходить с опозданием! Но тем не менее...

Я уставилась в пол, памятуя, что пять минут позора — это не только плата за опоздание (чтоб тому водителю, что подрезал маршрутку, в которой я так торопилась на работу, весь год из покрышек гвозди вынимать!), но и возможность получить в этом месяце полную зарплату. Увы, три месяца стажировки и оплачивались соответственно. То есть

почти никак. Оттого я для себя решила: если издевки начальства я еще могу перетерпеть, то голодный желудок и визгливую хозяйку квартиры, у которой я снимаю комнатку, — нет.

Поэтому я терпеливо молчала, пока главгад Игорь Сергеевич, выпятив свою изрядную пивную мозоль, изгалялся в остроумии.

Нет, можно было развернуться и уйти, тем более что журнальчик «Сплетни live» не чета «Форбсу», но и я Пулитцеровской премии в анамнезе не имела, а лишь мечтала о ней. К тому же, пусть официально и числилась студенткой пятого курса журфака, но по факту... Занятия у нас почти закончились еще в январе. На повестке дня стояло написание диплома.

В то время когда мои одноклассники наслаждались последними месяцами безмятежной студенческой жизни, я решила приступить к активным поискам постоянной работы. Нашла. На свою голову. Сначала (аж несколько часов) гордилась должностью штатного журналиста и мысленно даже похвалила себя за предусмотрительность: в июне-то, когда все получают дипломы, будут с руками отрывать любые вакансии по свежееобретенной специальности, а я к этому времени уже...

Радовалась ровно до того момента, пока не познала всю глубину паскудного характера главгада.

Вот и сейчас, пока он пытался ужалить побольнее, мыслями была с зарплатой и второй частью диплома, которую нужно сегодня дописать.

— ... Эй, Конокпаева, ты все еще с нами?

Главгад подошел вплотную и пребольно щелкнул меня по носу.

— А? — Я заморгала.

— Я говорю, что тебя удостоили чести взять интервью у самого Артура Бейметова.

Я не поверила своей удаче: сам Бейметов! Режиссер, умудрявшийся создавать клипы не хуже, чем у заграничных звезд. Кстати, правильно сделала, что не поверила.

Задание, на первый взгляд весьма интересное и, что немаловажно, питающее не только дух, но и кошелек, оказалось, как та пресловутая кастрюля супа, в которую от щедрот шмякнули половник васаби, теоретически съедобной: проглотить и переварить можно, а на практике... От Лики Южной у меня были изжога, несварение и тошнота почище, чем у будущих мамочек в первые месяцы беременности. Но именно эту гламурную фифу мне отрядили в наперсницы и соавторы статьи. Бонусом шел фотограф, относительный мастер репортажной съемки. Относительный, потому что относился к ней спустя рукава, хотя кадры

выходили отличными.

Впрочем, этот фотолодырь так же наплевательски снимал и свадебные шабашки, которые приносили ему гораздо больше, чем пресловутая зарплата в «Сплетни live». Своей работой в журнале он козырял, пуская пыль в глаза «левым» заказчикам его услуг.

В общем, после планерки я находилась в том состоянии, когда материться хочется, а нельзя. Подошедшая ко мне Южная подлила масла в огонь своим заявлением, что-де к режиссеру она не поедет, а доверит эту почетную миссию мне. Сама же Лика поищет «горячую» информацию о Бейметове на просторах Интернета, что, несомненно, не столь интересно, как мое задание...

Речь Южной была сладкой до тошноты. Лика вообще всегда разговаривала так, что после пяти минут общения с ней непременно хотелось выпить стакан простой воды, чтобы во рту не было так приторно. Вот только за этим рахат-лукумом торчала во все стороны, как антенны из подводной мины-ежа, банальная правда: над статьей придется корпеть мне одной, а в печать она уйдет за двумя подписями. К тому же я абсолютно уверена, что фамилию «Конокпаева» поставят второй, мелким серым шрифтом, чтобы, когда взгляд скользнет по глянцу, ее сразу было не прочитать.

Лика же наверняка весь день просидит в офисе, зависая во «вкашечке» и «мордакниге», прочирикает в «Твиттере» со своими заклятыми подружками о моде и макияже. Но самое главное — назовет это все умными словами «мониторинг личных данных Артура Бейметова в социальных сетях». Результат одного — фото с профиля режиссера и пара строк о его заслугах с сайтов телеканалов.

А по итогам: лавровый венок — Юпитеру, «травку», в смысле, «капусту» (жаль, что не долларовую, а рублевую) — быку.

Лика все еще щебетала, а я еще раз убедилась: те, кто утверждают, что наглость — второе счастье, беззастенчиво врут. Первое. Но я прикинула, что стипендия — это, конечно, хорошо, но когда остается лишь она — это уже плохо.

Потому, нацепив на лицо самую идиотскую из своих улыбок, заверила: таки интервью возьму и все будет в лучшем виде. И на согласование ей обязательно отправлю. А потом невинно поинтересовалась: а за «обязательно» премия полагается?

От такого простого вопроса Лика сморщилась, как от неожиданно неприятного запаха сероводорода, который вдруг исторг из себя флакон с надписью «Шанель № 5». Она манерно поджала искусно нарисованные

губы, но все же ласково (вкуче с неприязненным взглядом — убийственное сочетание) пропела:

— Наверняка. Игорь Сергеевич всегда поощряет понятливых сотрудников.

В общем, сказать можно было гораздо проще: паши и не вякай, тогда тебе что-нибудь перепадет.

Фотограф, прислонившись к стенке, без зазрения совести подслушивал наш милый девичий разговор. Пардон, не подслушивал, а собирал информацию и анализировал полученные данные.

Когда же Лика уплыла из кабинета, фотолодырь, оставшись со мной тет-а-тет, притворно печально вздохнул и выдал:

— А я думал, вы поцапаетесь и не придется ехать на это водохранилище...

Я прекрасно его понимала: тащиться за двести километров от города «на натуру» — занятие не из приятных. Именно по этой причине Южная и возжелала себе соавтора статьи, а в том, что взять в «помощницы» меня — ее идея, я не сомневалась. Будь интервью где-нибудь в городе, скажем, в ресторане или дома у режиссера, Южная полетела бы туда на своих пятнадцатисантиметровых цокалках единолично. И никакие соавторши ей бы нужны не были. Но «Prada», пусть и родом из Китая, плохо сочетается с распутицей.

А все из-за режиссера, который всегда неохотно общался с прессой, а в этот раз отчего-то решил снизойти до интервью. Но! Гений клиповой съемки отказался разговаривать по телефону или скайпу, заявив, что если «Сплетням» так надо, то он может лично ответить на несколько вопросов без отрыва от рабочего процесса. А происходил этот самый «процесс» на берегу водохранилища.

Четыре часа тряски в поезде, два часа оздоровительной прогулки по просеке леса, радовавшего взор голыми ветками и грозящего просыпающимися от спячки клещами, — все это шло в комплекте с интервью. Фотограф трепался о ерунде, я поддакивала.

Мы уже подходили к береговой линии, когда навигатор заверил: еще немного — и наша цель будет достигнута. Березы впереди расступились, и в просвете замаячила свинцовая гладь. Свежая колея, оставленная внедорожником, подтверждала: мы на верном пути.

Наконец пришли. Выбрались из леса как раз недалеко от съемочной площадки. Я огляделась, переводя дух.

Плотина была здоровой. Прямо по курсу высился длиннющий заслон из бетона, что отгораживал верхний уровень воды. Режиссеру взбренило

отснять свой гениальный клип аккуратно рядом с трубами сброса.

Не могу отрицать, что дистрофичная девушка, чья фигура олицетворяла собой шпалу, весьма интересно смотрелась в полосках бинтов и ярком макияже. Босая (и это в то время, когда температура не превышала пяти градусов по дедушке Цельсию), на деревянном плоту аккуратно под одной из труб — она невольно приковывала к себе внимание.

Фотограф тут же расчехлил камеру. Ее затвор споро защелкал, собирая в цифровую память кадры.

Впрочем, не он один спешил запечатлеть девушку на плоту. Камеры съемочной группы активно писали картинку и звук. Режиссер, расположившись в раскладном кресле, контролировал процесс.

Увидев свою цель, я потянулась к рюкзаку за диктофоном.

Именно в этот момент произошло событие, напрочь изменившее мою жизнь: открылись шлюзы. Причем, если первую пару секунд вода из труб была не в полную силу и режиссер, как истинный фанат красивого кадра, даже успел дать команду: «Мотор!» — то дальше...

Плот под девушкой закачался, и она с воплем, который никак не шел к образу отрешившейся от всего мирского героини, упала в воду.

Раздались крики: «Вылавливайте!», «Быстрее!», «Успел отснять?» Деловая суета, спасательный круг, брошенный тонущей...

В голове запоздало всплыла информация о том, что в этом году в сводках МЧС постоянно проскакивали сообщения о рекордно высоком уровне паводковых вод. Значит, Артур Бейметов решил поехать в эту глушь не просто так, а за редкими кадрами. Наверняка подгадывал под дату сброса. Но согласовал ли съемку с безопасниками? Или, как всегда, все будет оформлено задним числом?

За всем этим никто не заметил главного: как пошел трещинами монолит бетона. Зато треск запорной арматуры слышали все.

Ревущая дурным ревом водная стихия пробивала себе путь. И не только через систему сброса. Поток, еще минуту назад казавшийся относительно безопасным и контролируемым, теперь напоминал косу жнеца смерти, сметающую все живое на своем пути.

Я развернулась и припустила прочь. Напрасно. Бешеный поток толкнул меня в спину, сбил с ног, закрутив, протащил по земле. Я неосознанно вцепилась руками в первое попавшееся. Им оказался ствол. Грудь словно разрывало изнутри. Голова гудела, сознание ускользало. Вода жгла холодом и болью. Рук я уже не чувствовала. Пальцы разжались сами. Я открыла глаза, чтобы в последний миг увидеть в окружавшей меня пенной мути проплывающее тело режиссера. Почему-то сразу поняла: он

окончательно и бесповоротно мертв. Может, потому, что не бывает живых с лицами, взирающими остекленевшими глазами на собственные лопатки.

«Ну вот и все. Причем — всем», — была моя последняя мысль. Стало до жути обидно. Я не хотела умирать. Вот так. Прямо сейчас. Здесь.

Отчаянная решимость выжить придала сил. Их хватило ровно на несколько гребков в этой бешеной круговерти, где небо и земля постоянно менялись местами. А потом я потеряла сознание: то ли от боли, то ли банально в легких закончился кислород. Но во мрак я проваливалась с единственным желанием: «Хочу жить!»

Всегда считала, что, умирая, идешь по лунной дороге или светлomu тоннелю, а вокруг если и не поют херувимы, то хотя бы не смеются над тобой столь глумливо. Но на деле... Непроглядная хмарь — сводная сестра кромешного мрака — мягко обнимала за плечи, накинув мне на голову сотканную из неясных перешептываний вуаль. Тихие голоса вокруг, в речи которых слов было почти не разобрать, становились все громче, словно в шелест осенней листвы вдруг со всей мощью вплелся порыв стылого ветра.

Неужели это и есть голоса тех ангелов, которым по штату положено встречать души? Но если бы они лишь переговаривались... Звуки становились все громче, резче, четче. Наконец раздался смех. Хотя смех — слабо сказано. Ржание — вот точное слово. Прямо как в конюшне: нагло, громко и выразительно.

Ржание повторилось, настойчиво ввинчиваясь в уши, перекрыло все остальные звуки. «Даже мое посмертие — и то отдает дешевой рекламой, в которой все красиво, пока далеко и на картинке. А на поверку...» Я не успела додумать мысль, как почувствовала: внутренности стремятся покинуть меня, причем через горло.

Потом пришло ощущение опоры. Я лежала на чем-то рыхлом, холодном, влажном. Пальцы нащупали стебли склизкой травы.

Где я нашла в себе силы, чтобы, опираясь на руки, чуть приподнять голову? Не знаю. Но меня тут же начало выворачивать. Казалось, вместе с водой из горла выплевывается часть легких, а заодно желудка. Слипшиесея то ли волосы, то ли водоросли будто приклеились к лицу, обвили шею.

Наконец я смогла сделать глубокий вздох. Все тело болело. Я каждой клеточкой чувствовала пульсирующую волну боли и была счастлива. Захотелось безумно рассмеяться: жива.

По ушам вновь ударило лошадиное ржание. Я слепо завертела головой и только сейчас поняла: ничего не вижу. Слышу, ощущаю запахи. Руки чувствуют под пальцами жижу, но я ни черта не вижу.

Так, Сашка, без паники! Прорвешься. У тебя всегда все получалось.

Даже поступить в институт без блага. Хотя максимум, что светило девчонке из неблагополучной семьи, — это ПТУ.

Попыталась сесть, чтобы отдышаться.

Шелест. Шелест вокруг при каждом движении, дуновении ветра, даже вдохе. Жужжание. Недалеко фыркнула лошадь, ей вторило ржание второй. Бряцанье железа о железо. Упряжь? И тихий стон.

А потом до меня сквозь запах тины и молодой свежесорванной травы донесся он — с привкусом железа на языке, тошнотворно сладкий, едва уловимый вначале, но все больше забивавшийся в ноздри... запах. Так пахнет страх. Тот, что сродни животной всепоглощающей панике. Он-то и заставил меня вновь видеть.

Как оказалось, глаза мои все время были открыты. Просто в какой-то момент мгла начала принимать очертания, истончаться, прорезаться светом. Я моргнула. Потом еще и еще. Каждый раз, когда веки поднимались, картинка становилась все четче, ярче. А до меня с запозданием начало доходить: не бывает в апреле стрекоз. И рогоз, что по ошибке обыватель зовет камышом, не зеленеет весной так отчаянно, как и кроны деревьев, замеченных невдалеке.

Осторожно вытянула шею, пытаюсь разглядеть за колышущимися коричневыми свечками, что вот-вот должны были начать сыпать пухом, где я. Лучше бы я этого не делала.

Меня выкинуло на берег. Вернее, на илистое камышово-остролистное мелководье. Шуршащие невысокие заросли жестких кожистых листьев, витающий над водой полуденный зной, а за ним, на берегу, жуткая в своей статичности картина.

Несколько повозок с впряженными в них лошадьми стояли у берега. Добротнo сколоченные борта, деревянные колеса, оглобли, тюки, громоздившиеся на телегах. И все залито кровью. Лошади нервно стригли ушами, нет-нет да раздавалось ржание. Оно казалось вдвойне страшнее, поскольку это были единственные живые звуки среди трех дюжин трупов. Вокруг, да и на самом обозе, лежали люди. Некоторые — в броне, иные — в домотканой одежде. Но и те и другие — утыканные стрелами или зарубленные.

Я ущипнула себя. Потом отчаянно замотала головой, искренне надеясь, что привидевшееся — бред. Я просто здорово приложилась о ствол, или это галлюцинации от недостатка кислорода. Но видение не исчезало. Раздался стон, едва слышимый, но вымораживающий изнутри. Так в мучительном бреде, граничащем с агонией, мог звать только тот, кто отчаянно хотел жить. Так же сильно, как совсем недавно и я.

Инстинкт кричал, что надо бежать как можно быстрее. Не важно — куда. Главное, чтобы подальше отсюда. Тело еще помнило ощущения, когда тебя словно выворачивает наизнанку от осознания того, что все — это твой конец.

Но та часть меня, которая еще могла мыслить, чувствовать, которая и делает человека — человеком, заставила выползти из прибрежных зарослей. На четвереньках, раздвигая головой камыши и остролист, царапая кожу жесткими краями осота, я ползла и волочила за собой неподъемный рюкзак. Едва руки почувствовали дерн вместо ила, встряхнулась, точно мокрый пес. Потом стянула с плеча ляжку рюкзака, некогда миниатюрного и симпатичного, хоть и жутко дешевого по той простой причине, что прежняя хозяйка возжелала от него избавиться. В общем, нас с моим заплечным мешочком свели судьба и сайт покупок подержанных вещей.

Сейчас он упал на траву, а я все так же, на четвереньках (ибо сильно сомневалась, что, если решу распрямиться, двуногая конструкция не грохнется), двинулась на стон.

Саму меня изрядно штормило. Да и если рассуждать логично, ну чем я, полуобморочная, могла помочь тому, кто был нашпигован стрелами и явно отдавал концы? Но это — доводы холодного разума.

Еще оставалось то, что ломало и гнуло все доводы рассудка, — знание. Глубинное понимание: если я развернусь, попробую уйти, не попытаюсь помочь... внутри что-то сломается. Порвется тонкая нить, связывающая все внутри меня воедино. И я уже никогда не буду прежней.

А потерять саму себя сейчас казалось вдвойне страшнее, еще и от осознания того, что телом-то я уже потерялась. Берег, камыши, эта жуткая поляна, обоз с кучей человеческих трупов в старинных одеждах. Стрелы, раны, кровь... — целый чужеродный мир, которого существовать просто не могло. В двадцать первом веке. В цивилизованной стране. Не могло — и точка. Но он был. Существовал. Казался настолько реальным и до дрожи настоящим, что чужеродным элементом в нем оказывалась именно я: в мокрых джинсах, старых кроссовках и несурзной болоньевой куртке.

Другой мир, иной мир... — догадка, от которой все внутри начало скручиваться узлом. Но я, переставляя ладони и колени, тащила вперед, ориентируясь на стон, и гнала, гнала прочь эту сумасшедшую мысль, как и слепней, почуявших во мне новую поживу.

Я нашла его, вернее, ее под одной из телег. Стрела, пробившая насквозь грудь, скорее всего, задела легкое, дала жертве чуть больший срок, чем другим, и сделала кончину мучительнее.

Открытое лицо, пухлые бескровные губы, мутный взор серых глаз — ее можно было бы принять за пацана, одетого в портки и рубаху. Вот только набрякшая от крови ткань четко обрисовывала девичью грудь, да и слетевшая с головы шапка, валявшаяся рядом, не прятала тугой длинной русой косы.

Ее уже стекленеющие глаза увидели меня. Наши взгляды встретились, и я, сама не понимая, как, подползла ближе, нырнула под телегу. И тут умирающая с неожиданной для полутрупа резвостью цепко схватила меня за руку.

Ее губы то ли прошипели, то ли прошептали:

— *Meateina, nonitmieresta.* — Девушка тяжело сглотнула. Наверняка эти слова выжали из нее последние силы, но она все же продолжила: — *Toukneissa. Obesmier.*

И пристально посмотрела на меня. словно через снайперский прицел. Ждала ответа. Я не поняла ни слова, нахмурилась.

— *Obesmier,* — требовательный взгляд и голос, хотя последний и был невероятно тих.

Я мотнула головой, смахивая слепня, навязчиво нарезавшего круги около меня, а умирающая приняла этот кивок на свой счет. На ее губах вдруг проступила улыбка, словно она сумела передать какую-то эстафету. Черты ее лица разгладились, голова неестественно повернулась в сторону — не иначе мышцы шеи отказали — и девушка собралась преспокойно отбыть в мир иной. Все бы ничего: моя совесть, не сдавшись в плен шкурным инстинктам, осталась при мне, а девушка умерла, судя по лицу, счастливой... Но тут я заметила змею, до этого прикрытую воротом рубахи.

Тугая, в чулке серого узора, обнимавшего ее ажурным плетением. Гадюка? Она текла по шее девушки, шуршала чешуйчатым, нагретым на солнце телом. Ее чуть сплюснутая ромбовидная голова нырнула в ворот рубахи, и я увидела, как медленно поднималась ткань там, где прокладывала себе путь сероузорная, когда скользила по плечу, потом по локтю девушки, чтобы появиться на ее запястье. А дальше... Дальше — была ладонь, что так крепко держала мою руку. Мертвой хваткой держала. Во всех смыслах этого слова.

Я оцепенела, застыла и не могла пошевелиться. А змея неспешно заскользила уже по моей руке, обвиваясь поверх мокрой, прилипшей, словно вторая кожа, куртки. Змеевна достигла плеча. А я все так же не шевелилась. Страшно. До жути страшно, хотя и хотелось скинуть ядовитую, взвизгнуть, вскочить. Но я понимала — поступишь так — и она обязательно укусит. Вонзят клыки. Пока же змеевна только текла по мне и

даже не шипела.

«Может, примет меня за валун и сползет? Или попытаться ее медленно-медленно с себя снять?» — додумать я не успела.

Змеевна начала неспешно обвиваться вокруг моей шеи. Я перестала дышать. Чувствовала лишь тяжесть, чуть шероховатое, на удивление приятное сухое тело и то, как медленно, волнообразно сокращаются мышцы под шкурой. Наконец змея улеглась, удобно устроившись на мне. Ее голова и хвост как раз находились на уровне подключичной впадины, словно все тело сероузорной было кольцом. А потом я кожей ощутила, как живое превращается в металл: холодеет, тяжелеет, сглаживается.

Рискнула приоткрыть один глаз, потом второй. Увидеть, что за ярмо у меня на шее, не удалось. Тогда решила сделать вдох и медленный-медленный выдох. Рука же сама собой потянулась к «украшению». Через пару минут вечности я убедилась в двух вещах: змея и правда превратилась в металлическую, а я до сих пор жива.

Последнее особенно радовало. Голова закружилась, и я поняла: еще немного — и грохнусь рядом с только что умершей девушкой. Посему выдернула руку из пальцев усопшей и начала осторожно выбираться из-под телеги.

Говорят, что от вида крови человеку может стать дурно и он способен даже потерять сознание. Наверное, у кого-то так и происходит. Но то ли в моих генах дремлет наследие великих хирургов (хотелось думать именно о них, а не о мясниках), то ли просто я натура не столь тонкая и чувствительная... Как бы то ни было, меня картина обоза, подвергшегося нападению, наоборот, отрезвила. Прямо как хлесткая пощечина.

Хватило сил даже распрямиться и встать. Обвела взглядом телеги и увидела то, чего не заметила доселе: обезглавленное тело девушки. То, что и на этот раз передо мною именно дивчина, поняла по одежде: что-то, отдаленно напоминавшее понева с затейливой вышивкой по подолу, изящные сапожки, монисто на обезглавленной шее, расшитые рукава рубашки. Их хозяйка явно не из простых. Была.

Я сглотнула. Попятилась. Тут ноги ощутили вибрацию. Змея на моей шее начала нагреваться, словно предупреждая об опасности.

Кто бы это ни был, опоздавшая подмога или налетчики, вернувшиеся за поживой, я решила, что самое разумное — дать деру. Ибо в моем случае поговорка «бег продлевает жизнь» имела не фигуральный, а самый прямой смысл. Поэтому я действовала как при облаве, когда первыми надо смываться невиновным, у которых нет навыков убедительно оправдываться.

Быстро попятилась, скрылась в тех же зарослях, из которых выползла не так давно, не забыв прихватить свой рюкзачок. Как оказалось, весьма правильно сделала.

Конных было четверо: в легкой броне, с мечами. Один, спешившись, подошел к обозу и стал бесцеремонно осматривать убитых, оттягивать им ворота, словно что-то искал.

Когда я сквозь траву увидела отрезанную девичью голову, притороченную к седельной сумке — чуть не завизжала. Наверное, помогла журналистская привычка. А может, собственный кулак, поднесенный ко рту. И губа, прикушенная до крови.

За всем этим не сразу сообразила, что начала понимать, о чем говорят тати. Нет, не слышать слова, а именно понимать общий смысл. Как если бы не вчитывалась в отдельные предложения, а просто смотрела на текст.

Они искали какую-то кнессу с печатью. В голове сразу же всплыл образ здорового штампа, которым ставят оттиск «оплачено». Но что-то подсказывало, что это не то. А потом до меня, как посылка до адресата, отправленная по почте России, с опозданием дошло: это змея на моей шее... Разбойник ведь заглядывал именно в горловины рубашках...

У моей головы имелось одно свойство, которое я до сей секунды считала достоинством. Она была богата на всякую правдоподобную фантазию. Конечно, без такого полезного навыка журналистом, увы, не стать (во всяком случае, успешным — точно), посему эту способность я даже оттачивала. Но сегодня чересчур резвое воображение, получившее нехилую порцию адреналина и вагон непереживаемых (для обозников, которые, увы, полученные впечатления не смогли совместить с собственной жизнью) и непередаваемых (или передаваемых нецензурной лексикой) впечатлений, сыграло злую шутку.

Это самое воображение, словно костяшки на счетах, отщелкало неутешительную сумму моего долга фортуне, которая решила каким-то чудом оставить меня в живых.

Выходило, что в обозе ехала эта самая кнесса, девушка далеко не бедная, и везла с собой печать. Вернее, змею. Или нашейный обруч... Тут я слегка забуксовала, поскольку разум все еще отказывался верить в то, что змеевна, живая и вполне бодро ползающая, способна стать металлическим украшением. Но факты были налицо, вернее, были на моей шее. А посему женская логика, которая тем и хороша, что может криками, скандалами, слезами или простым «а почему бы и нет?» заставить замолчать даже законы физики, просто приняла случившееся как данность. И я, прислушиваясь к разговорам налетчиков, стала лихорадочно складывать

мозаику событий.

Судя по тому что обезглавили девушку в богатом одеянии, ее и приняли за кнессу. А настоящая, получается, ехала в обозе под видом простого мальчишки? Значит, переодевшаяся подозревала подобный исход событий. Или на нее уже были нападения?

В общем, так или иначе, но та, в монисто, сыграла роль любимой многими журналистами водоплавающей птицы — утки. Подсадной и весьма убедительной, на свою же голову.

Между тем время шло. Головорезы, не находя искомого, злились. Я бдела в камышах.

Самым сложным в засаде оказалось даже не сидеть тихо: ведь страх хорошо парализует, почище двустороннего инсульта. И даже не бороться с собственными мыслями, которые норовили пуститься галопом, ввергнуть хозяйку в панику и выдать с головой. Вовсе нет. Самым сложным было не замерзнуть в воде, которая показалась мне сначала весьма теплой. Не парное молоко, конечно, но и не та захлестнувшая волна паводковой мути, что ненамного теплее крещенской проруби.

А еще я выяснила, что в данной речке вода не просто чистая, а экологически чистая. Как? Мной решила подзакусить пиявка. Говорят, что эти твари обитают только в чистой пресной воде. Вот когда я пожалела, что сию не в озере с масляной пленкой. Хотя... где бы я тогда спряталась?

Камыши ведь тоже в столь «облагодетельствованной» человечеством калаужине не выросли бы.

Пока я размышляла о плюсах и минусах индустриального природопользования, шелковая черная лента длиной с мизинец решила, что моя лодыжка — это совсем-совсем недурственно. Пиявка примерилась и таки впилась в мокрую джинсу. Прокусить не прокусила, но место ее страстного воссоединения с тканью я ощутила.

Слепни от водной обитательницы не отставали и кружили над головой. Ударить или стряхнуть кого-либо я не решалась: вдруг разбойники услышат?

А последние между тем активно рылись. Уже в тюках, разбрасывая вокруг пушнину, одежду, снесь. Не нашли печати и решили, что ее везли отдельно от тела?

Но, что самое удивительное, чем дольше я слушала грабителей, тем больше понимала отдельные слова. А моя змеевна на шее все так же «грелась». «Прямо как аккумулятор усиленно работающего телефона», — подумалось вдруг. Хотя почему «как»? Ведь понимать местную речь я начала после того, как меня «осчастливили» этой печатью.

Разбойники искали долго и с остервенением. Но когда солнце начало клониться к закату, они все же убрались. Подозреваю, что недалеко и не насовсем. Это были не простые грабители, которым нужна пожива. Наемники. Киллеры местного разлива. Как я поняла, нанятые с одной конкретной целью: добыть печать.

А посему они будут искать и искать. Пока не найдут. А с учетом того, что эта зараза сейчас на мне, заберут ее у нынешней хозяйки без церемоний. И бонус в виде моей глупой башки тоже прихватят.

Едва тати скрылись, а звуки конского топота растворились в вечернем воздухе, я дала низкий старт из камышей. зуб на зуб у меня уже давно не попадал, зато голова, в отличие от одеревеневших мышц, работать не отказывалась. Времени же, чтобы подумать, было предостаточно.

По всему выходило — меня занесло куда-то дальше злополучных чертовых куличек. Мысли о том, что я умерла и в раю, почему-то не посещали. Может, оттого, что в Эдеме трупы, по идее, не водятся? Им как бы там по штату быть не положено. Значит — другой мир. Сколь бы бредово это ни звучало. И чтобы не умереть еще и тут — стоит поторопиться.

О том, как меня сюда вообще занесло, почему и с чего такая честь — старалась пока не думать. Хоть мой процессор, в смысле, голова, — вещь и многозадачная, но «оперативка» и так трещала от всего, что я увидела и услышала.

Я попрыгала, согреваясь, а потом рысцой добежала до одного из распотрошенных тюков. Рубахи, юбки, жилеты, мех.

С убитых не знаю, сняла ли бы. Наверное, все же не смогла бы пересилить себя, но тут... Мародерство отвратительно, но сдохнуть — вдвойне отвратительнее. Потому я стянула с себя мокрые джинсы, куртку, водолазку и нырнула в рубаху. Брюк, что подошли бы на мою субтильную фигуру, видно не было, а искать — тут каждая секунда на счету. Пришлось прихватить юбку, безрукавку и полотняный отрез. Расстелив отрез, кинула в него свои мокрые вещи. Рюкзачок, в котором обретались диктофон и прочие мелочи, повесила на плечо.

Самая большая заминка вышла с обувкой: все сапоги оказались гренадерского размера, здоровые, мужские. С деревянными башмаками, выдолбленными из цельного куска дерева — та же история. А намотать кучу портянок на манер онучей — да я бы этим извращением до утра занималась! Посему плюнула и решила, что мокрые кроссовки — тоже ничего.

В последний момент, уходя с поляны, вспомнила о деньгах. С

совестью боролась недолго, но отчаянно. Эта паршивка вопила и не заткнулась до конца, даже придавленная тяжестью напоясного кошель, который я позаимствовала у одного из убитых.

— Прости, — сами собой прошептали губы.

Звук получился, словно из проколотой шины воздух вышел. Глупо просить прощения у трупа, но за сегодняшний день произошло столько бреда, что бредом больше, бредом меньше, какая уж разница?

«Обо всем этом стоит еще раз подумать. Хорошенько. Но потом. А сейчас пора сматываться», — решила я, словно отсекла путы, потом, подхватив рюкзачок и узел с мокрыми вещами, нырнула в заросли.

Лес встретил меня мошкаррой и густыми, как смола, сумерками. Не покидало ощущение, что я здесь чужачка. Да, в сущности, так оно и было. В свои двадцать три я по пальцам могла пересчитать дни, проведенные на лоне природы. Потому трезво рассудила, что от тракта далеко отходить не стоит, но и идти по нему открыто — значит нарываться на крупные неприятности.

Так и шагала леском в полусотне метров от дороги, чтобы видеть ее хотя бы иногда, но если вдруг появятся конные или пешие — сразу же нырнуть с головой в траву.

Когда солнце почти скрылось за горизонтом, а ситуация окончательно подтвердила, что страшнее комара зверя нет, я поняла, что умная женщина никогда не будет брать тяжелого — в руки, а дурного — в голову. Но то — мудрая. Увы, я таковой ни разу не была. Потому как сумела прихватить и то, и другое: куль с мокрой одеждой весил изрядно, а мысли, бродившие в голове, — и того больше.

Каждый шаг давался все тяжелее. В животе не просто урчало, там, судя по звукам, выл Джигурда. Голова кружилась. Наконец я сдалась. Плюхнулась под первым попавшимся деревом и вытянула ноги.

Задним числом пожалела, что взяла все, кроме самого главного: еды. С водой в организме после продолжительных принудительных водных процедур пока был порядок.

Стала перебирать в уме, что же я знаю о съедобных растениях и грибах. Оказалось, что только как их искать. Да и то не в лесу, а в «Гугле». Но тут взгляд упал на поклажу, и я вспомнила о недоеденном батончике.

Руки, до этого неподъемные, почувствовав, что организму светит углеводная пожива, потянулись к рюкзачку. Уже спустя минуту я с утробным урчанием уплетала остатки шоколада с орехами. Когда фантик был в третий раз тщательно облизан, пришлось с прискорбием признать: вечерней трапезе конец. Пора подумать о ночлеге. Идти куда-то сил не

осталось. А ночевать на земле...

Я уже убедилась, что моя кровушка — весьма недурственная закуска для местных обитателей. И если комарам и пиявкам посягательства можно было пусть и не простить, но хотя бы смириться, то с волками, подозреваю, я ста граммами второй отрицательной не отделаюсь. Решение заночевать на дереве показалось правильным.

«Кровати» на мой непритязательный взгляд отличались лишь тем, что одни были — с иголками, другие — с листьями. Последние мне нравились больше.

Задрала голову. Я сидела как раз под раскидистым дубом.

«Значит, дуб», — решила и с кряхтением встала. Как залезла на дерево уже почти в темноте — отдельная сага. Но нет в мире той стены, что устоит перед женской целеустремленностью. Хотя в моем случае — скорее банальным упрямством. В итоге я все же оседлала одну из веток. Убедившись, что подо мною метра четыре свободы, решила, что я пока корочек пилота не имею, оттого к полетам мое брэнное тело допускать не стоит. Достала из узла джинсы, выдернула из них ремень и, привалившись спиной к толстому стволу, вытянула ноги вдоль ветки.

Чтобы приковать себя за талию, длины ремня не хватало, но вот соединить ногу и толстый сук — вполне.

Думала, что в таком положении долго не засну. Ан нет, сегодняшней день измотал меня настолько, что я вырубилась практически сразу же.

Вот только сон был недолгий. Проснулась от грохота. Едва не свалилась, но чудом успела вцепиться в ветку. Вокруг еще было темно, и я, слепо щурясь, начала лихорадочно озираться. А когда наконец углядела, что там внизу, под дубом, сердце ушло в пятки.

Она была мертва. Стеклянный взгляд, бледное до синевы лицо, неподвижное, как гипсовая маска. Слишком прямая спина, неестественно вывернутая шея, руки как плети. Рубаха, заляпанная кровью. Посреди пятен, прямо в груди — торчащая стрела.

Кнесса стояла, не смея зайти под сень дубовой кроны.

Мое сознание будто хлестнули огненной плетью. Сон отлетел напрочь. Зато животный ужас, от которого хотелось выть и бежать без оглядки, заполучил меня в свою безраздельную власть.

Гостья стояла, смотрела на меня немигающими глазами и не шевелилась. Я тоже будто приросла к дубу и уже представила, как эта посланница нави сейчас, взобравшись по стволу, начнет меня душить. Почему именно душить? Я сама не знала. Но воображение почему-то отдало предпочтение именно этому способу убийства.

Все же усилием воли если не отогнала, то хотя бы чуть приглушила панику. Ободрила себя тем, что если бы пришла могла со мной разделаться, то давно бы это сделала, пока я спала.

Она же стояла, как проржавевшие «жигули»: теоретически двигаться могла, но считала это ниже своего достоинства. Хотя... Закралось подозрение, что убиенной мешает именно дуб. Ну боятся же вампиры осины? Может, и у этой неупокройницы аллергия на конкретные деревья?

Не знаю, сколько бы мы с ней играли в гляделки, но вдалеке пророкотал гром. Этот предвестник гнева туч, брюхатых отчаянным дождем, будто подстегнул загробницу.

Она заговорила. Ее голос, такой же неживой, размеренный и негромкий, как удары метронома, тем не менее ввинчивался в уши и, казалось, даже забирался под кожу.

— Моя жертва оказалась ненапрасной. Несколько последних веретен жизни стоили того, чтобы отдать их в обмен на услышанную мольбу. Перед тем как я уйду в навь, хочу напомнить. — В ее речи не было пауз, что нужны живым для вдоха, оттого смотреть на говорящую было жутко вдвойне. — Ты обещала сохранить мир. Ты поклялась передать печать кнессу Верхнего предела, стражу Небесных врат.

Тут я не выдержала и перебила монотонный монолог:

— Помедленнее, пожалуйста, сейчас запишу! — то, что я слышала, было столь бредовым, что мозг отказался воспринимать и верх взяли рефлексы. Благо не безусловные, вроде глотательного и дыхательного, а сугубо профессиональные, журналистские.

Руки потянулись к рюкзачку, в котором лежал диктофон. Мне бы подумать: ведь электронный трудяга мог и не пережить купание, во время которого я сама чуть не сдохла. Но вопреки всему водонепроницаемый китайский чехол оказался действительно водонепроницаемым.

Пальцы нащупали кнопку, мигнул красный огонек: запись пошла.

Мертвая гостя наоборот — тут же умолкла. То ли ее смутила моя просьба, то ли результат работы гения инженерной мысли, что сейчас исправно записывал звуки тишины.

— Простите, а можно поподробнее, чем вы пожертвовали, кому и при чем здесь я?

Как оказалось, умершие — натуры тонкие и с ограниченной функцией памяти. Сразу несколько вопросов им задавать нельзя, иначе зависают почище интернет-эксплорера, в котором сразу открыли двадцать окон.

Пока я постигала азы некромантии, в частности, училась общаться со свежевоскресшими трупами, удалось выяснить, что эта кнесса в обмен на

последние часы своей жизни (или как здесь принято отмерять время — веретена) и крохи собственной магии решила-таки выполнить возложенную на нее отцом миссию. То бишь передать эту долбаную печать адресату. Но поскольку сама умирающая по понятным причинам этого сделать не могла, провидение послало ей того, кто оказался рядом.

На мое осторожное замечание, что не так близко я была от этой кнессы (другой мир как-никак), умершая обронила, что, значит, я очень хотела жить и ее зов совпал с моим желанием. К тому же мертвые легко проходят между мирами, в отличие от живых...

В общем, кто ближе и роднее всего полутруп? Правильно — второй такой же полутруп. Только в моем случае «подлежащий восстановлению»: ран, оторванной головы или тройной дозы яда у меня не было, а посему вернуть к жизни мою персону можно было, всего лишь вытолкнув из водной круговерти. А там, как говорится, если сильно хочешь жить, сама справишься. Другого объяснения всему этому я просто не нашла.

Но вот если в первой части нашей милой беседы, которую периодически перекрывали громовые раскаты, все было понятно, то вопрос касательно самой печати и ее «доставки»... Змея на моей шее являлась грузом архиценным, но почему-то шла исключительно в комплекте с носителем.

Я уже наострилась задать очередной вопрос, когда блеснула молния. Совсем близко.

Мертвая посмотрела на небо и, обронив: «Мое время вышло», — сделала шаг назад. В этот миг новая молния, вылетевшая из тучи словно арбалетный болт, ударила ровно в то место, где стояла неупокоенная.

Яркая вспышка, от которой кровь застыла в жилах. Оглушительный треск, раздирающий барабанные перепонки. Но даже сквозь него я не услышала, ощутила последние слова кнессы: «Не исполнишь зорока — умрешь и телом, и душою. Станешь небытием».

За молнией, поразившей пришлою, сразу ливанул дождь. Капли не разменивались на морось. Они били тяжело, стеной. А я сидела на дереве и боялась пошевелиться. В мозгу все звучали последние слова кнессы.

Дождь барабанил по листьям раскидистого дуба. Молния сверкала теперь где-то вдалеке, уже не такая яростная — словно спустившая пар склочная баба, что отгавкивается по привычке, когда пыл свары уже прошел, но поднятая пыль еще не улеглась.

«Вроде бы при грозе надо прятаться в кустах, а никак не на деревьях», — мелькнула мысль. Мелькнула и пропала. В отличие от холодного ручейка, что тек аккуратно мне за шиворот.

Крона укрыла шатром, но этот тонкий, с иголку, ручеек не иначе как по стечению обстоятельств избрал местом десантирования именно мою злополучную шею. Наверное, исключительно ему стоило быть благодарной за то, что я окончательно не впала в протрацию от всего пережитого и увиденного за сегодня. Палец сам собою нажал кнопку остановки записи на диктофоне. Медленно, словно это был непосильный труд, убрала самописец в рюкзачок. А мысли были об ином.

До мозга наконец-то начало доходить — он не только понимал, но осознавал и принимал: я в другом мире. Другом, мать родная! Или отец? О местном пантеоне я ровным счетом ничего не знала, поэтому предпочла мыслить привычными категориями.

Сказать, что я была ошеломлена — значит, не сказать ровным счетом ничего. Еще сегодня утром сетовала на несправедливость жизни? Три раза «ха»! Но отчего я такая везучая? Вроде бы мои полушария защищены черепом, а не штанами, так отчего у меня в жизни все через заднее место?

Теперь подозреваю, что именно время земной жизни стану вспоминать как самое счастливое и беззаботное. Лика Южная, что так любила загребать жар чужими руками, главгад, самоутверждавшийся за счет унижения сотрудников, да даже собственная мать, которая скинула меня, как мусор с совка, едва я поступила в университет... Хотя она и до этого не сильно обо мне пеклась. И дело вовсе не в том, что я лишь одна из пяти ее детей. Моя мать вообще не особо переживала по поводу своего «выводка», считала, что это — забота ее очередного мужа. На моей памяти таковых было три. А уж «хахалей» (как точно характеризовал список любовников моей родительницы конклав околоподъездных бабулек-сплетниц) у маман водилось без счету. Но что больше всего меня поражало — мужья терпели любые загулы родительницы и разводилась все три раза именно мать.

Несмотря на то что моя жизнь была отнюдь не золотой, она меня устраивала. Я была уверена, что не останусь голодной и не сдохну в обшарпанном подъезде хотя бы потому, что все свое детство и отчаянные школьные годы провела далеко не в тепличных условиях. В тринадцать лет я уже освоила десяток законных способов зарабатывать деньги на кусок хлеба и три десятка — относительно законных. Я мыла стекла и сливала бензин из баков машин — бабушкиных ровесниц, могла шпилькой открыть почтовый ящик, убедить в крайней, буквально жизненной необходимости абсолютно бесполезной вещи случайную тетку на рынке и даже продать ей эту фигню. В общем, как и любой подросток, я хотела денег. Вот только, в отличие от большинства сверстников, не для походов в кино.

Может, я в конце концов связалась бы накрепко с уличной шпаной и

наплевала на школу, но тут при очередном разводе моей матери объявилась тетка. Эта сухопарая чопорная старуха из пятерых детей отчего-то решила облагодетельствовать именно меня. Хотя я точно не могла быть ее кровной племянницей, поскольку ее брат удочерил меня, когда я уже радовала мир дырками от молочных зубов.

Но, несмотря на это, после развода родительницы с отчимом Эльза Марковна забрала у матери меня, вазу, лично подаренную ею на свадьбу брата с «этой распутной женщиной» и долг по кредиту своего великовозрастного кровника. К слову, самого братишку она даже не пожалела и не поздравила с «кончиной» его брака, с усмешкой заявив: «Не плачься, я предупреждала, что из вашего супружества ничего путного не выйдет».

Мне на тот момент едва стукнуло пятнадцать.

Тетка оказалась, мягко говоря, эксцентричной, но чего у нее было не отнять — это железной воли. Впрочем, у меня тоже. Но Эльза Марковна все же победила и умудрилась наставить меня на путь истинный. Я окончила школу без золотой медали (скорее уж хорошо, что по некоторым предметам в аттестате не стояло двоек), но зато профильные дисциплины, как свидетельница ЕГЭовы, оттяпала у тестовой системы на высокий балл. Настолько высокий, что поступила в университет на бесплатное отделение. Жаль только, что тетя этого уже не узнала. Она отбыла в мир иной аккурат накануне экзаменов.

К матери я вернулась ровно на месяц, да и то — не в силу душевного порыва, а по велению законодательства. А потом мне исполнилось восемнадцать. Спустя четыре недели началась моя новая студенческая жизнь.

...Я сидела, прислонившись к дубу, и молчала. По щекам текли беззвучные слезы. Я перебирала свою прежнюю жизнь, как четки, и осознавала, что сегодняшний день отрезал меня от нее. Самым дорогим в этом отсеченном куске были воспоминания об Эльзе.

Рассвет встретила, не сомкнув глаз. Сначала запели соловьи, потом отчаянно закрикала утка, а когда зачирикали воробьи, лес стрелами пронзили утренние лучи.

Комариные тучи, поредевшие от тяжелых капель, лениво висели в воздухе.

Сползла с дуба. Есть хотелось не просто зверски. Я была голодна настолько, что чувствовала: еще немного, и начну убивать за еду.

Зато, как и вчера, пить не особо хотелось. Одежда оказалась настолько мокрой, что я могла конкурировать с коренными обитателями болот. Но все

же я напилась с листа лопуха, так сказать, впрок.

Особых идей не возникало, кроме как убраться подальше от разграбленного обоза. Хотя на тракт выходить я все же не рискнула и кралась, как и накануне, по лесу. Чуть позже выяснилось, что предосторожность была отнюдь не излишней. До полудня меня обогнали две телеги и один всадник, мчавшийся, как угорелый, а вот ближе к вечеру...

Конский топот и ржание оповестили о том, что на дороге появились новые путники. Едва я увидела знакомую четверку всадников в броне, к которым примкнули еще несколько конных, — тут же нырнула в траву.

Они проехали мимо. Бряцанье сбруи и доспехов уже давно стихло, а мое сердце все еще гулко отсчитывало удары. Но потом все же отпустило: обошлось.

Когда добралась до развилки, на лес опускалась ночь. Поскольку особой цели у меня пока не имелось, я поступила в лучших традициях неверных супругов: пошла налево. Эта дорога была ничем не лучше и не хуже другой, но, как человек, закаленный очередями в кассах супермаркетов, я всегда выбирала именно «левую полосу».

Когда уже не было видно ни зги, а желудок успешно переваривал сам себя, обещая язву (заверял он в этом уверенно, как депутат на предвыборной кампании), я решила, что у меня начались галлюцинации. Иначе чем объяснить то, что мой нос уловил запах жареного мяса?

Сначала я помотала головой, прогоняя ароматический мираж. Но нос еще сильнее защекотало, а рот наполнился слюной. И я пошла на гастрономический зов. Крадучись, замирая от каждого шороха.

Когда осторожно выглянула из кустов, поняла: это не глюки. Еда здесь действительно имелась, но добраться до нее — все равно что украсть кошелек у профессионального вора. Но все же я решила рискнуть. Голод — не лучший напарник, но учитель отменный. Объясняет коротко и доходчиво.

Внимательно оглядела лагерь и в углу поляны заметила клетку. По ее прутьям пробегали всполохи, словно деревянные брусья были под напряжением. А внутри сидел мужчина и смотрел прямо на меня.

Наши взгляды встретились. Меня поразили его глаза. Такие редко увидишь даже на просторах Интернета, а уж на этом складе бедлама чего только нет! Про суровую жизнь, лишенную магии фотошопа, я и вовсе молчу. Глаза были золотистые у самого зрачка, словно пламя костра, и будто обведены углем по краю. В них не сквозило ни обреченности узника, ни злости несправедливо осужденного пленника. Лишь презрение.

Не отрывая взгляда, незнакомец усмехнулся, словно видел меня насквозь: голодную воровку, что нацелилась на вертел с мясом, оборванную, мокрую, с волосами, некогда рыжими, а сейчас из-за слоя грязи похожими на паклю.

Я испугалась: вдруг сейчас этот заключенный поднимет бучу? Ему-то что, он в клетке. А мне опять по темному лесу нестись? Хотя, может, просто выйти к костру, попросить еды?

Подумала и усмехнулась: дюжина здоровых мужиков у костра и ни одной женщины. К тому же они никак не тянули на монахов, соблюдающих целибат. Скабрезные шуточки, что доносились до моих ушей, скрежет металла о металл (кто-то из охранников точил меч), плеск то ли воды, то ли чего покрепче в бурдюке, который передавали по кругу.

Да, среди них не обнаружилось той четверки головорезов, которую я видела накануне. Но кто сказал, что эти — не подобны вчерашним?

В общем, я решила, что путь открытого диалога — выйти и сыграть скорбную умом, давя на жалость, — не мой вариант. Ибо вместе с жареным мясом эти ребята могут как следует отжарить и меня. По кругу. Пустив по рукам, как этот бурдюк.

Пока размышляла о том, насколько высоки моральные принципы охраны, заметила, что пленником-то особо никто не интересуется. Даже не следят. Но по прутьям его решетки все так же пробегали искры.

Тут я услышала обрывок разговора:

— Отнеси этой мрази пожрать... Да не миску, дурак. Пусть кость погложет. Он же не человек. Тварь. А тварям и такая еда сойдет, — громко, так, чтобы слышали с другой стороны костра, крикнул детина в стеганке.

Из круга тут же поднялся парень, еще не мужчина, но уже не подросток, и пошел в сторону клетки. В руках «гонец» и вправду держал кость. Причем лопатку — то ли коровы, то ли какой-то местной здоровенной зверюги. Этот плоский обглодыш оказался настолько хорошо очищен, что на нем не осталось даже следов мяса. Что в нем есть? Даже костного мозга, который можно выбить из бедренных костей, — и то в этой лопатке нет.

Парень между тем подошел к клетке и кинул сквозь решетку «ужин».

Узник был чуть ближе ко мне, и я смогла расслышать:

— Жри, погань!

Заключенный скривился.

— Сам жри. Я не пес.

— Ты хуже пса, тварь. — На этот раз докатившийся до моего схрона ломающийся голос выдал возраст почище, чем юношеская угревая сыпь.

— И чем же? — насмешливо протянул пленный.

Меня поразил этот разговор. Юнец почти кричал, его звонкий фальцет дробил тишину, а брюнет, сидевший в клетке, напротив, говорил чуть приглушенно, но его тем не менее я слышала лучше, чем пацана-охранника.

— Ты, хладнорезный гад, умеешь только первым нападать со спины. Грабить и насиловать, а потом удирать, поджав хвост, — разошелся меж тем малец.

Звякнули цепи. Пленный в мгновение ока оказался у самых прутьев и схватил оторопевшего парня за грудки. Раздался треск, и тут же завоняло паленым мясом. Юнец извивался и орал, упираясь рукой в решетку, по прутьям которой уже не пробежали всполохи: она раскалилась и светилась, как жидкая сталь в мартеновской печи.

А узник все сильнее и сильнее тянул пацана к себе, пытаясь приблизить его лицо к прутьям. Руку самого пленника прожгло едва ли не до кости, но казалось, он ничего не замечал.

— Повтори, что ты сказал, выползок хмерны? Это вы, людишки, развязали войну. Взяли в плен наших женщин, убили наших детей и вывесили их головы на воротах Эльрада.

Пацан уже не орал, а жалобно скулил, когда от костра подоспел один из воинов. Матерый, здоровенный, он ничуть не уступал ростом пленнику, а разворотом плеч превосходил его.

— Отпусти, — короткое слово разнеслось по поляне не хуже раската грома.

Мне подумалось: именно таким голосом отдают приказы вожди. Да, похоже, этот воин в отряде и был вождем. И не важно, что всего лишь дюжины человек. Лицо, рассеченное шрамом наискось, седина в волосах и убежденность во взгляде.

— Зачем, кметь? Ведь я, по его словам, душегуб и насильник. Надо соответствовать.

— Будь ты простой убивец, проткнули бы твое сердце огненной сталью, и дело с концом. Однако кнесс пожелал лично судить тебя. Но учти: убьешь ученика — до владыки Верхнего предела доедет только твой труп, и плевать на все указы. За своих я мщу. Даже если этот «свой» — всего лишь вчерашний мальчишка.

Они посмотрели друг другу в глаза. Пристально, словно скрестили два меча.

У костра уже никого не было: все воины переместились к клетке. Я бы, может, тоже посмотрела, чем кончится поединок без слов и стали,

сжигающий нервы похлеще кислоты, но я желала вещей гораздо более приземленных, чем духовная пища, а по журналистскому опыту знала, что сплетни, скандалы и свары относятся именно к таковой. Банально хотелось жрать.

ГЛАВА 2, она же вопрос второй: — Каковы ваши основные жизненные ценности и приоритеты?

Мясо на вертеле манило, звало, влекло. Истекающее соком, оно было непреодолимым соблазном. Как можно упустить такую возможность?

Я рискнула. Оставив свою поклажу в кустах, крадучись, по краю тени добралась до вертела, оставшегося без присмотра, и даже умудрилась беззвучно стянуть его с рогулин, обернув ладонь приспущенным краем рубахи, чтобы не обжечься. И тут один чересчур глазастый из охраны углядел-таки меня.

— Ах ты ворье!

Впрочем, это не первый случай из моей биографии, когда я слышала подобное. Все же в детстве и юности не крестиком вышивала. А посему план действий был четко отработан.

Одной рукой я подхватила подол, чтобы случайно не запутаться в нем, второй — горячий конец честно украденного вертела с мясом, и мы пустились в веселый забег по поляне. Если поначалу число ловцов было невелико, то едва узник отпустил пацана и малый заскулил, баюкая обожженную руку, вся охрана дружно ринулась на поимку бедной меня.

Зайдя на третий по счету круг, но так и не выпустив из рук добычи, я искренне пожалела, что у меня нет пулемета. Смогла бы душевно разрядить обстановку...

Увы, гепардом я тоже ни разу не была, а оттого перед мысленным взором уже маячила финальная ленточка моего забега: хорошая такая, из добротной стали двойной ковки.

Прыгнуть через здоровенной корень матерой елки-шатра, проутюжить коленями заросли яснотки, примять звездчатку на крейсерской скорости... Это я практиковала уже минуты три. А потом по курсу резко возник один из воинов с ножом в руке.

Бежать вперед — налететь на него. Слева заходили такие же кмети. А справа — клетка с узником, громоздившаяся на повозке.

Люди летать не умеют — это факт. Вернее, не умеют летать вверх. Вниз — всегда пожалуйста. Но, если прижмет, могут и взлет освоить. Меня прижало очень сильно. Потому я недолго думая выпустила вертел с добычей и, уповая на то, что рукава у меня и так гораздо длиннее

положенного, оттолкнулась от земли.

Думать я в тот миг особо не думала, лишь понадеялась на то, что всполохи на прутьях сродни электрическим разрядам, только происходят не от физики, от местной магии. И если есть изоляция, то, может, и не шандарахнет.

Ноги работали споро: лестница из решетки вышла отменная. Руки через ткань цеплялись за прутья. Я вмиг оказалась на крыше клетки. Ринулась бы и дальше, но тут по ушам ударила воцарившаяся, будто по щелчку, почти безжизненная тишина.

Я медленно обернулась.

Никто уже не бежал, не ругался и не размахивал заточенной сталью. Все смотрели на меня, и во взглядах «зрительного зала» плескалось множество оттенков удивления: от полнейшего неверия до осознания какой-то им одним понятной жути реальности.

Я, сглотнув, опустила взор. Под моими ногами больше не пробегало сполохов. Такое ощущение, что клетку отключили от питания.

А снизу, задрав голову и в упор глядя на меня, усмехался узник:

— Спасибо за прикосновение, — чуть заметно кивнув, насмешливо провозгласил он. — Не думал, что развлечение будет столь интересным.

Запоздало развернула руки и посмотрела на собственные ладони. Обе были закрыты спущенными рукавами. Вот только поперек ткани у самого края одного из них зияла прореха.

Неужели я голой рукой схватилась за решетку? И почему же меня не закоротило?

Додумать не успела: звякнули цепи. Почувствовала, как подо мною дрогнула, а потом и вовсе накренилась клетка. Я полетела вниз и точно расшиблась бы, если бы в последний момент не вцепилась в одну из перекладин.

Тем временем узник внутри не скучал, даже, скорее, наоборот. Охрана начала немедленное стратегическое наступление, правда, с направлением вышла заминочка: у всех синхронно сработала задняя передача.

Я думала, что видела в своей жизни то, чего в реальности не бывает: 3D-мастера в масштабах кинозала создадут и зомби-апокалипсис, и столкновение с астероидом. Но то — на экране, в уютном зале с попкорном и колой... А когда все это происходит в какой-то краткий миг в метре от твоего носа, а ты болтаешься, как всеми забытый штандарт...

Буквально один выдох — и клетка разлетелась вдребезги, явив миру не поджарого брюнета в заскорузлой рубахе и грязных штанах, а здоровенную крылатую ящерицу. Тварь тут же решила наглядно убедить всех, что она не

просто рептилия с лопастями, и продемонстрировать другие свои технические характеристики — плевание огнем и удар шипастым хвостом. По итогам демонстрации этого аппарата со струей пламени, идущей из ротового раструба, точно определилась с зоологической классификацией животинки — дракон.

К счастью, я оказалась как раз за этой милой тварюшкой, ее туша отгораживала меня от воинов. А потом увидела и свой балласт почетного марафонца: вертел с мясом. Пока дракон споро прожаривал свою бывшую охрану, ужом скользнула за добычей.

Я философски решила, что, когда мужчины выясняют отношения, — женщине лучше молчать. А если молчать она не может — жевать. Поскольку ни дракон, ни кмети девочками не были от слова «совсем», из этого следовало, что мне не стоило мешать серьезному диспуту на мечах, стрелах и копьях с одной стороны — и уменьшенной версии работающего ракетного сопла — с другой.

Тихонечко отползла к краю поляны, не забыв прихватить с собой вертел. Пусть мясо уже изрядно повалилось на земле, я не сомневалась, что зверский голод — это лучшая из специй, и она сделает грязноватый уворованный кусок невероятно вкусным.

Едва оказавшись под пологом леса, у тех самых кустов, где начала вертелозахватническую эскападу, подхватила свои пожитки и припустила во всю прыть.

Впрочем, мне хватило ума держаться некоего подобия направления: я старалась, чтобы тракт совсем уж не исчезал из виду. А то, боюсь, что, потеряйся я в местных лесах, плутать мне до самой смерти. И искренне надеяться, что та не будет долгой: голодные волки, рыси да и медведи быстры на расправу.

Выдохлась быстро и до самой кромешной темноты просто брела. А потом, выбрав одну из елок, уселась под ее разлапистыми ветками и внимательно осмотрела добычу.

Ела медленно, стараясь тщательно пережевывать, причем не только пищу, но и события вечера. А поразмыслить было о чем.

Получалось, что я незнамо как освободила преступника. Из оброненной драконом фразы про нападение следовало, что тут то ли идет, то ли только закончилась война. А крылатый огнедышащий агрегат — пленник. Правда, уже бывший.

Помимо прочего на задворках сознания скреблась мысль, которую я старательно гнала: главный в отряде в разговоре с узником упоминал о кнесе Верхнего предела. Похоже, это тот самый ферзь, которому надо

передать мою печать.

«М-да, неудобно вышло... — подумалось вдруг. — Еще не успели мы познакомиться с кнессом, а я у него уже пленника увела и, кажется, отряд охраны поджарила...» Змея на моей шее чуть нагрелась, будто подтверждая мои умозаключения, что таки да, очень нехорошо. Некультурно.

Мысли вяло текли в голове, как облака по небу в полуденный зной, когда жаркое марево везде, даже в вышних чертогах. Глаза уже слипались, но я мужественно решила, что безопасность все же превыше возможности провалиться в сон хотя бы на четверть часа раньше. Превозмогая усталость, залезла на елку, правда, невысоко, и опять пристегнулась. Вот только сил затаскивать поклажу уже не было, и я решила, что пусть она квартирует внизу.

В сон провалилась, как в обморок: быстро и основательно. Ни сновидения, ни комары меня за ночь так и не потревожили. Зато пробуждение вышло на редкость неприятным.

Едва открыла глаза, как услышала внизу шуршание. Меня нагло обворовывали! И кто? Вчерашний дракон!

Этот паразит сидел и жевал мое мясо! Мое! Я его честно отвоевала у толпы голодных мужиков! А наглый ящер... В животе громко заурчало.

Бывший узник услышал и поднял голову.

— Прекрасно выглядишь, — начал он как ни в чем не бывало, будто мы с ним уже весело провели ночь.

Хотя отчасти так и было. Если не уточнять, в чем именно это веселье заключалось...

— Да? — Я иронично изогнула бровь, сильно сомневаясь в правдивости комплимента одного наглого хмыря.

Страх, что передо мной, а точнее, в трех метрах подо мной сидит дракон (пусть и в человеческой ипостаси), не было. Если бы ящер хотел меня убить, то давно бы сделал это. Данная мысль придала мне смелости, как капля коньяка — отваги пьяной мыши, которой во хмелю и кот не страшен.

— Конечно, — не моргнув глазом подтвердил умыкатель мяса. — Ты выглядишь вообще замечательно, правда, для человека, который спал за свою жизнь один раз, без подушки и стоя. — Ящер замолчал, а потом, подумав, добавил: — К тому же не сегодня.

Я всегда считала себя девушкой чистоплотной. И сейчас во мне прямо-таки вспылала страсть к порядку. А начать захотелось с намыливания. Намыливания одной наглой драконистой шеи.

Но ради такого слезать было лень. А еще — немного страшно. Потому

ограничилась ехидным:

— А господин дракон умеет делать комплименты, особенно если перед этим от души позавтракал дармовой едой.

От моих слов он аж закашлялся. Постучав себя по груди, ящер выдал:

— Между прочим, я тоже участвовал в добыче провианта.

— И как же? — усомнилась я.

Ремень мне удалось отстегнуть со второго раза. Затекшую за ночь ногу тут же пронзила дикая боль.

— Я совершал отвлекающие маневры.

— А вот мне интересно, — уже сидя на суку, начала я, все еще кривясь от боли. — С чего такой душевный порыв? Ты же, насколько поняла, людей в целом не любишь.

— Не люблю, — согласился этот странный, я бы даже сказала, слегка чокнутый незнакомец. — Но тех людей, которые меня сторожили, я не люблю чуточку больше.

— Враг моего врага — мой друг? — уточнила я.

— Скорее оружие, — кивнув каким-то своим мыслям, невпопад ответил дракон и резко сменил тему: — Слезай давай. Я оставил тебе поесть, — а потом нехотя добавил: — С-с-спасительница.

Причем последнее слово он почти прошипел, будто раскаленное железо опустил в воду. Я лишь пожалала плечами. Действительно, не век же мне здесь сидеть, когда-нибудь спуститься все равно придется. Но перед сим ответственным шагом подозрительно уточнила:

— А если не слезу?

— Значит, будешь там сидеть, — как малому дитю, объяснил этот долбанутый на всю голову дракон, а потом, потеряв терпение, рывкнул: — Слезай! Я же с тобой и так по-хорошему разговариваю.

Вот тут я поняла, что вся его легкость и сумасшедшинка были напускными. Искусная маска, на которую я чуть не купилась. А что под ней?

Слезать как-то сразу расхотелось. Я даже крепко обняла ствол. Так, на всякий случай. Посмотрела на чернявую макушку вниз. Макушка явно злилась.

Нет. Определенно, я никогда не ошибаюсь дважды. Я делаю это раз пять или шесть, чтобы уж точно. Чтобы уж наверняка. И один чернявый дракон — тому подтверждение. Сначала, увидев его в клетке, подумала, что он обычный преступник. Потом — что он просто человек. Теперь вот решила, что этот ящер с чудинкой. Нехилой такой чудинкой, отдающей старой доброй шизофренией. Ан нет, тут, оказывается, имел место дар

потомственного интригана и лицемера, почти цельный актерский талант: Станиславского на этого дракона нет.

— Слезай давай. И сними с меня этот проклятый долг! — под конец не выдержал ящер, показав свое истинное лицо.

К слову, оно было весьма недурное, особенно если умыть. Правильные, чуть заостренные черты, способные при смене настроения в секундный срок превратить очаровательного мягкого собеседника в чертовски опасного, решительного противника. Прямой нос, четко очерченные скулы и губы. Смуглая кожа — скорее дар не крови, а солнца, расцеловавшего лицо до бронзового загара. И глаза. Меня еще вчера поразили их цвет. При свете дня они имели оттенок гречишного меда. Сейчас же медленно становились золотистыми. Причем того холодного цвета благородного металла, что созвучен ярости, рвущейся наружу из моего утреннего гостя.

Ну почему всегда так: я искренне надеюсь, что это паранойя, а оказывается — нет. Просто отменно работающая интуиция. Вот и в случае с драконом сработала она, родимая...

— Слушай, а может, ты сам с себя его снимешь? А? Я даже морально в этом процессе поддержать тебя могу... — начала было я, но, увидев, как зло сузились глаза чернявого, сменила тактику: — Ну зачем тебе нужна какая-то сомнительная девка? Не супружеский же долг за тобой числится, чтобы для его снятия непременно нужна была я?

Потом вспомнила, что, кроме брачного, знаю еще один, и добавила:

— И уж точно не ипотечный!

— Чего? — недоуменно уточнил дракон, сбитый с толку.

А мне это и требовалось. Я готова была нести любую чушь, лишь бы отвлечь закипающего собеседника. А то еще опять превратится в динозавра на крылатой тяге и ненароком спалит все вокруг...

Решив, что недоумевающий дракон лучше свирепеющего, я, чуть отлипнув от дерева, продолжила:

— Ипотечный? Ну ты ссуду на замок не брал? — собеседник медленно помотал головой. — А займы, чтобы прикупить особнячок, домик? — подумала, и, вспомнив, что брюнет еще и ящер, на всякий случай добавила: — Или пещеру?

— Пещеру? — Тут брюнет все же понял, что ему банально заговаривают зубы, и как следует саданул кулаком по елке.

Елка впечатлилась и затряслась. Основательно так. А я почувствовала себя перезрелой шишкой: то бишь полетела с ветки вниз. Закричать не успела, лишь подумала. Да и та мысль была короткой — из трех букв:

«Все!»

Мой конец в воображении выглядел минимум — переломом позвоночника, максимум — еще и черепа. Причем второе — предпочтительнее, ибо летальный исход моментальный и не надо мучиться несколько дней. Но вот чего не ожидала — что ухну в объятия дракона, как в рыхлый сугроб.

Мужские руки мягко спружинили, подхватив меня. Прикосновение его чуть шершавых ладоней к моей коже, когда задравшаяся юбка съехала, обнажив икры, мое «ой!» — и через миг мы уже напоминали традиционный дуэт, какой можно увидеть на ступенях ЗАГСа: он несет, она сидит на его руках. Признаться, за свою жизнь я побывала в разных положениях: неловких, идиотских, иногда почти безвыходных. Но вот так, чтобы кто-то держал на руках... Отчего-то подобного не случилось.

Дракон пристально посмотрел перед собой, словно только-только меня узрел. Хотя, если по правде, так близко мы видели друг друга первый раз.

Его дыхание касалось моего лица. Я чувствовала, как стучит под моей ладонью его сердце. А еще я разглядела едва заметный застарелый шрам у самой шеи. Как раз там, где оказалась ладонь второй моей руки. Неловко шевельнулась, и подушечки пальцев дотронулись до белесой нити давнего рубца.

Мимолетное легкое касание, от которого дракон вздрогнул не хуже чем от выстрела. У меня же перехватило дыхание, по позвоночнику пробежал холодок. Но буквально через мгновение ящер буквально кинул меня на землю.

Почувствовав под ногами твердую почву, я простучала зубами:
— С-с-спасибо...

Дракон угрюмо молчал, чем нервировал меня еще больше. Я поправила юбку, одернула рукава, сильнее стянула шнуровку ворота. Даже пятерней по волосам провела, будто эти нехитрые действия могли подарить мне каплю спокойствия.

А этот паразит все так же, не издавая ни звука, основательно лохматил мне нервы. Я передернула плечами. Что же, если переговоры провалились (в моем случае — в буквальном смысле), то стоит пойти на уступки, пока дипломатическое урегулирование вообще возможно. А иначе с крылатого ящера станется припереть меня к стенке, в смысле, к елке и начать военные действия.

— Ты просил снять с тебя какой-то долг? — Выкать после той зажигательной вечеринки, в которой мы оба принимали активное участие, казалось абсурдным. — Но я не припомню, чтобы давала тебе займы.

Может, просто с миром разбежимся по лесу? Он вон какой большой...

Дракон упрямо сжал губы. Через минуту звенящей тишины, которую разбавлял лишь комариный писк, брюнет сказал, как выплюнул:

— Я бы с превеликой радостью, но меня держит кровный долг. Вчера ты спасла меня, и пока я не отплачу тебе той же монетой, не смогу вернуться к себе. Мой дракон не поднимется в небеса. Его будет давить груз невозвращенного. Хотя вам, людишкам, этого не понять...

Своей последней фразой он смел коту под хвост всю ту веру в зачатки драконьего благородства, которая едва успела зародиться в моей душе. Впрочем, я проглотила обиду, желая поскорее избавиться от опасного собеседника.

— Слушай, ты меня только что спас: я падала, могла расшибиться насмерть, а ты подхватил. Это же считается возвратом долга? Все, мы квиты. Аривидерчи...

Дракон скривился, словно я подсунула ему под нос насквозь протухшее мясо, уверяя, что оно только что бегало.

— Я тоже так думал, — нехотя процедил он и добавил: — Но, видимо, провидение не считает спасением, если я сам виноват в том, что ты едва не умерла.

— То есть ты специально сначала чуть шею мне не свернул, а потом... — Я задохнулась от возмущения.

Была бы благородной девицей — залепила бы пощечину. Была бы мужиком — от души врезала бы по наглой драконьей морде. Но я в прошлом — пацанка. Посему изготовилась провести свой фирменный прием: стопой по колену, а потом пробить штрафной меж ног.

— Не советую, — за долю секунды до атаки прозвучал спокойный голос.

Когда я изумленно застыла, дракон продолжил:

— Я отступлю на шаг. Твоя нога, не встретив препятствия, уйдет чуть дальше, смазав удар, а ты начнешь терять равновесие. Взмахнешь рукой, которую я перехвачу и заломлю. А потом прижму тебя лицом к дереву, — и издевательски, с превосходством, добавил: — Это я на всякий случай обрисовал картину событий.

У меня возникло подозрение, которое стремительно начало перерастать в уверенность.

— И нет, мыслей я не читаю. Просто у тебя сейчас на лице все крупными рунами написано.

Вот теперь я разозлилась. Меня! Журналистку! Обвинить в том, что я банальна и предсказуема, как таблица умножения?! Ну, мужик, держись!

Я тоненько всхлипнула, потом завyla и... бросилась ему на грудь, отчаянно шмыгая носом и сморкаясь в рубашку оторопевшего дракона. Ну еще бы. Пустить слезу, пока горит спичка, и не просто пустить, а устроить Ниагару в миниатюре — этого таланта у меня было не отнять.

Я сморкалась в рубашку дракона громко и уверенно, словно территорию помечала. Ящер пришел в себя через минуту, осторожно, как болезную, взял за плечи и отстранил.

— Впечатлен, — протянул он то ли с презрением, то ли с восхищением.

— А как иначе? — шмыгнула я носом, переходя на деловой тон.

Что же, этот субчик закален и женской влагой. Жаль. Но все же до брюнета дошло, что с сумасшедшими лучше договариваться мирно и честно, а то неизвестно, какую гадость они тебе приготовят в ответ на твою хитрость.

— Давай так, — начал было собеседник, и тут меня осенило.

— Слушай. Ты можешь снять с себя долг. Даже шкурой рисковать не надо. Но при этом меня ты точно спасешь, — вспомнила о клятве отнести один сволочной штамп, в смысле печать, кнессу Верхнего предела. И о том, что мне каюк, если не выполню зарока. — Надо всего лишь помочь мне добраться живой и невредимой до одного места и человека. Ну, по рукам?

— В какое место? — подозрительно уточнил дракон, словно знал на собственном опыте профессиональное журналистское коварство.

— Ты его точно знаешь... — туманно ответила я и поскорее протянула руку.

Брюнет словно змею увидел, но потом решительно сцапал мою кисть.

— Хорошо.

Наши ладони тут же окутало сияние, и дракон ошарашенно произнес:

— Небо приняло уговор за клятву...

Я, не менее удивленная, лишь прошептала себе под нос:

— Интересное тут нотариальное подтверждение договоров.

Аккуратнее надо за руки хвататься.

Когда же сияние угасло, брюнет спросил:

— Так куда идти?

— К кнессу Верхнего предела.

Глаза дракона при этих словах полыхнули золотом, а я поняла: таки убьет. Весь остаток своей жизни по земле проходит, не выплатит долг, но точно пришибет.

Отчасти я его понимала: только на волю сбежал, а его прямиком к палачу посылают.

Впрочем, дракон стоически выдержал хук судьбы в моем лице. Даже душисть не начал. Но вот так выразительно посмотрел... Впору прикидывать, а не к лицу ли мне пеньковая удавка. Будь я честной, отзывчивой, доброй... в общем, не журналисткой по профессии, натуре и велению души, то непременно прониклась бы. Но, увы и ах, я лишь молча стояла и пережидала.

Глядя на ящера, поняла, что у настоящего мужчины молчание — самый громкий крик. Он не опустится до рукоприкладства, не обольет «ятями». Но вот ты стоишь, слушаешь тишину и понимаешь — все, баста!

Меня так поразила догма, которую я только что постигла, что я решила разорвать тишину и, глядя на брюнета самым жалобным взглядом, на какой была способна, промяукала:

— Прости.

Дракон выдохнул и закрыл глаза, словно смотреть на меня было выше его сил, а потом, круто развернувшись, направился прочь.

Отойдя на десяток шагов и поняв, что я все еще стою неподвижно, он бросил через плечо:

— Пошли. Раз поклялся отвести, значит, отведу.

Признаться, я не ждала такого быстрого воплощения плана в жизнь, потому и замешкалась.

Дракон, сцепив зубы, вернулся ко мне, подхватил мой узел, запихнул в него и рюкзак, что валялся под деревом, потом, легко закинув его на плечо, потопал куда-то вглубь леса. Я, ясное дело, припустила за ним.

Так мы и шли некоторое время. Молча. Я сопела, стараясь приноровиться к размашистому шагу провожатого, он глядел вперед.

Через час инстинкт самосохранения все же капитулировал перед извечным женским любопытством вкупе с профессиональными журналистскими рефлексам. Я решила задать вопрос. Для начала — нейтральный.

— Слушай, а как тебя зовут?

Дракон оглянулся, смерил меня еще одним взглядом из арсенала «жить надоело» и промолчал.

Я не унималась:

— Ну все же, как мне тебя называть?

Видимо, поняв, что женщину заставить замолчать можно тремя способами (причем патологоанатомы ратуют за самый кардинальный, а романтики — за самый чувственный), ящер выбрал самый быстрый. Просто ответил:

— Как хочешь.

— Ну что же, господин Какхочешь. У вас интересное имя, — сыронизировала я.

Подумав, что сама хороша — даже не представилась — решила исправить это упущение. Свое сокращенное имя — Шура — я не любила. Сколько раз кулаки в детстве сбивала, доказывая дворовым, что дразнилка к нему не клеится. Тетка Эльза его откровенно не переваривала, говорила, что ни «Саши», ни «Шуры» не несут в себе и намека на женственность. Официальное «Александра» красовалось только в подписях статей. А вот производное от него — Лекса — я любила. Тетя величала меня дома именно так.

— А меня можешь называть Лексой.

— Брок, — неожиданно буркнул месье Какхочешь.

«Ну Брок так Брок», — здраво рассудила я. Имя ему шло. Такое же сильное, уверенное. Раскат грома, не иначе. Да и хозяин ему под стать: высокий, широкий в плечах, с прямой спиной, черными волосами, спускающимися чуть ниже лопаток и с боков заплетенными в косицы — на эту картину я любовалась вот уже битый час.

Ноги устали, в горле пересохло и саднило. Неимоверно хотелось пить, но я упрямо топала следом за провожатым, думая, о чем бы еще спросить. Все же журналисты, — до последнего вздоха журналисты.

Комариное воинство кружило над моей головой, намекая на «фуршет». «Обеденный стол» в моем лице отмахивался, а иногда и отправлял в мир иной самых наглых. Наконец я не выдержала и взмолилась:

— Брок, подожди.

— Чего еще? — недовольно буркнул дракон и развернулся ко мне.

— Дай перевести дух, я сейчас сдохну.

На что этот ящеристый гад тут же нашелся с ответом (а ведь когда его спрашивали — слова клещами приходилось тянуть!).

— Не переживай. В случае если ты умрешь, я все равно выполню клятву и дотащу твоё тело до ворот крепости Верхнего предела.

— Мы уговаривались о доставке живой и невредимой, — напомнила я, с кряхтеньем, точно старая бабка, опускаясь на валежину.

Брок недовольно поморщился. Я же возрадовалась, что сумела так точно сформулировать свою часть договора. Ноги все никак не желали отходить, в отличие от языка, который толком-то и не устал. Потому у меня на его кончике уже вертелся очередной вопрос. Но прикусить сей орган, часто сравниваемый с помелом, я не успела.

Дракон же, видя, что его «обуза» вставать пока не собирается, сгрузил поклажу на землю и, присев, вытянул ноги.

Ровно в этот момент с моего языка сорвалось:

— Слушай, Брок, а там, под елкой, что это было? Ты сначала выглядел таким... — Я замялась, подбирая точное слово. «Чудаковато» прозвучало бы обидно, а потому я охарактеризовала его исключительно по-девичьи: — Милым...

Закрепляя эффект, похлопала ресничками и смущенно улыбнулась.

Дракон вздохнул.

— Просто я притворялся, Лекса. — Мое имя в его устах прозвучало как-то непривычно. Холодно. Отстраненно. — С вами, людьми, обман всегда срабатывает. Вы отчего-то не желаете верить правде. Впрочем, и говорить оную — тоже. Оттого-то и подумал, что, если притворюсь безобидным чудаком, будет проще договориться. Но не вышло.

— Если бы до этого не видела тебя в шкуре и с крыльями, могло бы и сработать, — льстиво заверила его.

Как ни странно, но внутренне вздохнула с облегчением. Отменный актерский талант у попутчика все же лучше, чем раздвоение личности.

— А ты... — начала было я, но Брок оборвал:

— Слушай, сиди уже, отдыхай и не лей мне в уши свои вопросы, — в сердцах выдохнул дракон.

Я поняла: если хочу услышать ответ на следующий вопрос, как ни странно, действительно надо заткнуться и переждать. Этим я и занялась.

Солнце припекало, марево опускалось на лес, и тут я почувствовала, как над моей головой проплывает не просто большая, а здоровенная туча. От ее тени стало не по себе.

Задрала голову и, не в силах сдержать удивления, ахнула.

Над нашими головами высоко, среди самых легких перистых и кружевных, как молочная пенка, облаков, проплывала армада. Более точного слова я не смогла бы подобрать.

Не туча, потому что таких плотных туч, пусть и грозowych, с прожилками черни на сером теле, не бывает. Не назвать ее и пузом здоровенного линкора из верхних слоев атмосферы, который что-то забыл на грешной земле, — ибо слишком рваны были края, да и само брюхо напоминало перевернутый горный пик.

Вырванный кусок земли — пришло на ум самое точное сравнение. И этот парящий меж летних облаков остров накрывал своей тенью вершины леса, загораживал палящее солнце, что вызолотило лучами все окрест, даже под плотной листвою дубовых крон. Плывущий над нашими головами в бездонной сини неба горный хребет показался страшным до жути. Он чуть качнулся в вышине и стал снижаться, на глазах увеличиваясь в размерах. Я

сразу уверилась, что вот сейчас он непременно грохнется. И прямо на меня.

Что бы сделала любая до смерти испуганная девушка в моем положении? Наверняка укрылась бы от бед за единственным на всю округу широким мужским плечом. В смысле, села бы обладателю оных широких плеч на шею. И пусть этот сильный и отважный разбирается с проблемой.

Но то ли я была не совсем адекватная, то ли дракон не вызывал у меня доверия... А может, всему виной моя профессия, в которой легкие и быстрые ноги, умеющие шустро удирать, ценятся так же высоко, как и легкий слог.

Я резво вскочила, пулей подлетела к своему узлу, лихорадочно сграбастала его и, пискнув недоумевающему Броку: «Беги!» — припустила прочь.

Неслась, не разбирая дороги, лишь изредка задирая голову, чтобы убедиться: эта громадина все еще надо мной. Тем более неожиданным оказалось столкновение. Я на полном ходу во что-то влетела. От удара грудь обожгло болью — столь твердокаменной показалась преграда. А потом крепкие руки с силой взяли меня в кольцо.

Передо мной стоял Брок. Холодным, слегка заинтересованным голосом с толикой ленцы он спросил:

— Ну что, отдохнула? Раз так резво понеслась прочь?

Не сам вопрос, а та интонация, с которой он был задан, подействовала на меня почище ледяного водопада. Я как-то враз вспомнила, кто я, где я... В общем, удирательный запал схлынул, остался лишь страх.

Я задрала голову и, указав взглядом на небо, выдавила из себя:

— Там...

— Ты что, никогда парящей твердыни не видела? — Вот сейчас в голосе Брока было столько удивления — хоть половником черпай.

Я нашла в себе силы лишь помотать головой. Зато ящер отчего-то с облегчением выдохнул. И даже соизволил пояснить почему:

— А я подумал, что ты решила удрать от меня. Рассудила, что с кровожадным драконом, врагом рода людского, не стоит уповать на прочность клятвы, пусть та и скреплена небесами...

Он говорил отрывисто, жестко усмехаясь, и все никак меня не отпускал.

— Я просто жить хотела и не знала, что эти ваши твердыни только парят и не падают...

Последняя, к слову, действительно опустилась еще ниже и, едва не пощекотав брюхом макушки столетних сосен, снова начала неспешно подниматься.

Дракон препарировал меня взглядом, потом медленно, с расстановкой, произнес:

— О парящих твердых знают даже младенцы. Каждая вторая колыбельная — об островах, что легче облаков. А ты говоришь, что в первый раз видишь... Кто ты такая? Ты вчера походя впитала в себя магию охранного контура, над ней трудились три сильных мага, чтобы заклинание сумело меня удержать. Ты говоришь странно. А сейчас вот утверждаешь, что не знаешь самых простых вещей. Кто ты?

Последний вопрос он задал так, что я помимо собственной воли захотела ответить. Будто какая-то неведомая сила давила на плечи и шептала: склонись, подчинись, прими его власть. Но только дураки и мудрецы не слушают посторонних советов.

Увы, я была из их числа и надеялась, что все же отношусь не к категории тех, кому всегда везет, а к просветленным знаниями. Помимо этого я толком не представляла, что ему сказать: проблеять про техногенный мир и свою кончину? Про то, что у меня на шее змея свернулась в металлическое кольцо? Про мертвых обозников и разбойников?

Мыслей было много, но слова застряли в горле.

Я сглотнула, ощутив, как рука дракона схватила меня за волосы, заставила запрокинуть голову и посмотреть ему прямо в глаза.

— Мне повторить вопрос?

Он держал крепко, а мне захотелось завывать от бессилия. Я шумно втянула воздух. Так, главное — не паниковать. Только не паниковать!

Нужно найти те слова, которые его успокоили бы. Один неверный взгляд, вздох, положение рук — и Брок сорвется. Я медлила, составляя единственную нужную фразу, но дракон, похоже, речам предпочитал действие. Или подумал, что я выбрала упрямое молчание, и решил заставить говорить иным способом?

Он притянул меня еще ближе. Настолько близко, что дыхания смешались.

— Скажи, чего ты боишься больше всего? — Брок заглянул в мои глаза, словно искал ответа.

Я непроизвольно попыталась отстраниться, и это выдало меня с головой.

Нет людей, которые ничего не боятся. Есть те, кто умеет прятать свои страхи глубоко и далеко, посыпая песком времени, скрывая барханами, пряча в этих дюнах свои тайны, чтобы в повседневной суете их не сумел найти никто — даже они сами. Но страхи живы до последнего удара сердца

их носителя. А иногда, под покровом темноты, они вылезают, как твари из бездны, чтобы напомнить о себе.

Сегодня, в ясный солнечный день, я почувствовала, что вокруг — чернильная мгла. И мне надо победить даже не дракона, а именно эту темноту, иначе она просто сведет меня с ума.

В страхе жить нельзя. Можно только существовать. Да и то — недолго. Если страх будет стоять у тебя за плечом, постоянно нашептывая на ухо, он высосет из тебя жизнь. И не по капле, а шумными большими глотками, с причмокиванием.

Я уже было открыла рот, чтобы сказать первое слово оформившейся речи, но в последний момент передумала. Страху не надо смотреть прямо в глаза, его нужно бить наотмашь. Если Брок считает, что может напугать меня, то в моих силах его удивить.

Его вторая рука уже скользила по моему бедру, задирала ткань все выше, намекая, что дракон на этом не остановится.

В голове сложится пазл: вот Брок с ненавистью утверждает, что не насильник, вот он мгновенно ставит меня на землю, словно замарался, прикоснувшись к моей коже... Его уничижительное «людишки» и «с вами срабатывает лишь обман»... Не будь я абсолютно уверена, что все происходящее — лишь актерская игра, что дракон не станет меня насиловать (и вовсе не из-за благородного воспитания, а исключительно из презрения), то не решилась бы. А так...

Я прильнула к нему. Сама. Требовательный поцелуй, который больше всего напомнил укус. Губы обожгло, а на языке заиграл вкус вина и перца.

Не успела уловить момент, когда напрягшийся, замерший словно статуя дракон вдруг, вместо того, чтобы отпрянуть и начать отплевываться — ответил.

Потом был его рваный вздох, пальцы уже не сжимали волосы, а лишь придерживали мой затылок, чтобы не отстранялась, чтобы продолжала.

Вот тогда я испугалась, что все же просчиталась. От моего испуга тело Брока вздрогнуло. Он сам отстранился, жадно глотая ртом воздух, словно вынырнул с глубины. Да и я была ничуть не лучше. Тяжело дышала, от страха подгибались коленки.

— Ты ненормальная, — только и выдохнул дракон.

— Сам не лучше. Думал, запугаешь? — взорвалась я. — Но все же отвращение оказалось сильнее. Не так ли?

— Победила, — честно ответил дракон. — Да, я та еще сволочь. Я просто хочу узнать правду, но связан этой проклятой клятвой. Я не могу причинить тебе вреда. Лишь напугать, перешагнув через себя, сыграв роль

насильника. Но ведь именно так вы, люди, о нас и думаете. О каждом из нас.

— Белый лист, — выпалила я.

— Что? — не понял Брок.

— Я белый лист. На мне нет отметин ненависти к твоему крылатому племени, нет ни строчки, что писалась бы кровью драконов, никто из твоих родичей не жег меня огнем, я не участвовала в ваших войнах и интригах, я не знаю ровным счетом ничего. Это все, что я могу тебе сказать. Ах да, еще, если мне не удастся попасть к одному долбаному кнессу, я умру. А остальное — клятва, и по ее условиям я не могу ничего сказать, даже если бы захотела. — Последнюю фразу я добавила чисто интуитивно. Ведь если эти клятвы сродни закону, значит, они могут не только карать и загонять в кабалу, ими можно и прикрыться.

Брок посмотрел на меня с сомнением. А потом — я не поверила своим ушам — извинился:

— Прости.

— Простить?

Он упрямо сжал губы.

— Я не питала к тебе лютой ненависти, как ты отчего-то считаешь, — помолчала и добавила: — До этого момента. Но сейчас, чтобы простить... Расскажи о себе, о мире, возможно, когда я пойму тебя, мне легче будет это сделать.

— Поклянись, что ты не шпионка и не убийца, — вместо того, чтобы согласиться, потребовал Брок.

Как?! Как этот расчетливый манипулятор, что спрятался в сильном накачанном теле воина, умудряется гнуть свою линию? Даже когда проиграл?

Да такими, как Брок, управлять в сто раз тяжелее, чем автомобилем! Нет, я всегда знала, что при вождении за нос мужчин не прокатят купленные у гаишников права. Тут нужно соблюдать все правила, чувствовать сцепление, плавно нажимать на газ. Всегда помнить, что руля нет и тормоза слабые. Да еще и на поворотах часто заносит налево. Но даже с соблюдением всех предосторожностей я на недавнем тест-драйве полностью убедилась: авто по имени «Брок» едет туда, куда нужно ему, а не рыжей девице, что возомнила себя его водителем.

Я лишь покачала головой. Иногда, чтобы добиться своего, стоит уступить. Отдать малое, чтобы перехватить управление.

— Клянусь, чем хочешь тебе клянусь, что я никакая не наемная убийца и не шпионка.

Едва договорила — меня окутало сияние. Похоже, что у этого мира странная реакция на некоторые слова. Решила проверить догадку:

— Клянусь...

Я снова засветилась.

— Клянусь...

Опять стала напоминать включенную лампочку Эдисона.

— Кля...

— Хватит! — рявкнул дракон, заставив меня застыть на месте с приоткрытым ртом. А потом, резко сменив тон на подозрительно-нейтральный, начал: — Ты не против, если я скажу пару слов о твоей родительнице?

Я настороженно уточнила:

— Что именно ты хочешь сказать о моей маме?

— ...Ты что творишь! — выдохнул Брок. — Нельзя всуе произносить клятвы!

Тут он тоже засветился, словно блик солнца, и зло сплюнул.

— Ты не просто произносишь слова, сотрясая воздух. Ты обещаешь что-то этому миру, его духам. Свет — лишь сигнал того, что они тебя услышали... Твой зарок. — Дракон старался говорить так, чтобы избежать злополучного слова «клятва». Хотя, как я убедилась из опыта, иногда местные шайтаны слышали обещание безо всяких сигнальных слов. — Поэтому, если ты его не выполняешь, то в зависимости от тяжести вины духи забирают дни, годы твоей жизни или всю ее целиком.

— Забирают? — Кажется, я начала понимать, каким именно образом могу лишиться жизни повторно, если не передам кнессу змеевну.

— Да, если человек призвал духов в свидетели и не выполнил зарока, то они забирают отпущенное ему время. Дети нави им подпитываются, чтобы стать сильнее или оставаться в этом мире, а не в загробном.

«Вот тебе и цена слова. Здесь она измеряется не в рублях за журнальный разворот, а куда точнее: в секундах собственной жизни!» — подумала невесело.

Горестные мысли были плохи еще и тем, что у меня всегда во время их пребывания в голове отчего-то начинал возмущаться желудок. Как я полагала, оттого, что наглые «квартиранты» требовали от организма ценные калории, необходимые для думательного процесса. А последние порою добывались хозяйкой с боем, и расходовать их на подобную ерунду было кощунством. Хотя, может, я подсознательно старалась «заесть» мрачность бытия?

Так или иначе, но я поняла, что очень скоро драконятина покажется

мне питательной, вкусной и деликатесной. Я даже как-то особо плотоядно уставилась на гипотетическую рульку...

Брок, будто почуяв, что на его голяшку может быть совершенно покушение с покусанием, насторожился.

Голод съедал меня изнутри и рвался наружу. Некстати всплыло из памяти, что ела я вчера, а уже близится обед. Да и этот сумасшедший забег по лесу никак не способствовал насыщению, даже наоборот.

А потом вспомнила, что в моем узле еще лежат остатки честно отвоеванного вчера мяса. Только где я обронила свою поклажу? Поискала взглядом куль. Он обнаружился недалеко, в зарослях травы. Видимо, тюк выпал у меня из рук и откатился, когда я врезалась в Брока.

Не говоря больше ни слова, целенаправленно двинулась к узелку. Бережно развязала его концы и, развернув лист лопуха, достала мясо.

— Ты собираешься есть? — удивлению дракона не было предела.

Кивнула, уплетая за обе щеки.

— Я молодой, почти растущий организм, — начала бубнить, старательно пережевывая.

Дракон смотрел на меня серьезно. Чересчур серьезно, а потом улыбнулся. Мимолетно, всего на долю секунды. Но когда Брок заговорил, его голос был столь же морозно-спокоен, как и взгляд:

— В твоём возрасте и правда ещё растут. Хотя чаще уже не в высоту, а в толщину. А некоторые чересчур любопытные и вовсе исключительно в талии. Да и то временно. Месяцев девять.

— Да что бы ты знал о моём возрасте! — Как истинный журналист, я выбрала для ответного удара самую удобную часть фразы Брока.

— Не знаю, но догадываюсь, — скрестив руки и опершись плечом о ближайший ствол, заметил дракон. — Весен шестнадцать, наверняка не больше.

Его слова, как чемодан с двойным дном: вроде и знаешь, что с подвохом, но не злишься. Я понимала Брока и как журналист, и как человек: дракон хотел хоть что-то узнать о той, с которой был связан клятвой. Пусть сначала мелочи: возраст, отношение к простым, повседневным вещам. Ведь именно из таких незначительных деталей и складывается суть человека.

— За шестнадцать — спасибо, но вообще-то мне двадцать четыре.

— Правда? — делано удивился ящер. — А под слоем грязи и не видно...

— Вот скажи, ты специально учился так сыпать комплиментами?

— Нет, это врожденный талант, — в тон мне, с ехидцей ответил

дракон.

— Ну раз ты у нас такой талантливый, будешь голодным, — заключила я, доедая последний кусок. — Чтобы отяжелевший сытый желудок ненароком не придавил твой чудный дар.

Собеседник на это лишь ухмыльнулся. Видимо, утром, пока я спала, изрядно успел подзакусить, и терзания по поводу обеда были ему пока чужды.

— Вижу, что ты и отдохнула, и поела, — вынес вердикт Брок, оглядывая меня. — Тогда пошли.

Я лишь вздохнула и потопала за провожатым. Вот только наш путь сейчас разительно отличался от угрюмо-молчаливого утреннего.

Нет, Брок не болтал без умолку, но хотя бы отвечал на вопросы. Причем не односложно. А это в нашем случае — большой прогресс. Я расспрашивала обо всем. Единственное, чего не касалась, — темы войны. Хотя, не скрою, хотелось узнать о ней до жути. Но, как я поняла, это было такое минное поле, на которое без спецподготовки соваться не стоило.

ГЛАВА 3, она же вопрос третий: — Как охарактеризовать все это в двух словах?

Узнала я немало. Порою даже украдкой включала диктофон, выуженный из рюкзака, что ныне обретался в куле с одеждой, чтобы записать некоторые объяснения. На сей раз Брок потерял свое благородство и куль тащила я. Оттого незаметно достать боевого цифрового соратника труда не составило.

Оказалось, что в этом мире границы проходят по меткам земли — рекам и горам — лишь у людей. Небо же — вотчина исключительно драконов. Испокон веков их крылатые сыны рассекают облачную высь, а живут на парящих твердынях — островах. Там найдется место и скалам, и равнинам, и даже озерам. На мой справедливый вопрос: как все это уместить на одном клочке суши, пусть и весьма внушительном, Брок лишь хмыкнул. Но я пиявкой вцепилась в спутника, и он пояснил: если снизу твердыни практически все одинаковы, то сверху... чем сильнее энг, тем обширнее его владения.

Я долго вертела последнюю фразу в голове, пока не вспомнила о пятом измерении. Вернее, о тех фокусах с расширением пространства, которые современная наука двадцать первого века проверить пока не в силах, хотя и рьяно мечтает. Впрочем, грезит об этом феномене не только наука, но и столичные риелторы. Последние даже порой почти воплощают сие волшебство в жизнь, умудряясь разместить на пяти квадратных метрах двадцать пять таджиков.

Но если этот энг, как я поняла со слов Брока — правитель твердыни, — умирал, то что происходило с его «расширенным пространством»? Сворачивалось до первоначальных размеров?

Когда я высказала свою мысль, Брок долго хохотал.

— Нет, конечно. Даже после смерти энга долина останется долиной, а горы — горами. Ведь чтобы их создать, верховный дракон отдает часть себя. А умирая — растворяется в твердыне. Именно по такой незримой связи энг всегда находит свой парящий оплот. Идет к нему по зову, как на свет маяка, сколь бы далеко ни занесли дракона его крылья. И наоборот — твердыня стремится к своему хозяину...

— А кто живет на этих твердынях?

— Как кто? Драконы, конечно.

— И много? — Меня одолел журналистский азарт.

— Соглядатничаешь? — подозрительно уточнил Брок.

— Нет, любопытствую. Исключительно по-женски, — улыбнулась я, пряча в складках ткани диктофон.

— Ну-ну, — не поверил дракон, но все же ответил на вопрос: — Немало. Парящие твердыни — наш дом, наша земля, наша держава. И пусть это не цельный материк, а острова, наша связь прочна кровными узами. Мы едины духом, не то что ваше лоскутное одеяло.

Что именно под этим самым «одеялом» имел в виду Брок, я поняла чуть позже: на земле — вотчине людей — было множество урядов. Равнинники, верхние, болотники, горяне, песчаники — будто заплатки на лоскутном покрывале. Они вечно воевали меж собою за приграничное поле или лес, озеро или деревеньку. Хотя часто заключались союзы — двое кнессов братались против третьего.

Но так среди людей водилось не всегда. Когда-то и человеческое племя было единым, а потом... Впрочем, не только люди и драконы делили этот мир. Имелись еще и подземники. Границей с ними считалась земная твердь. Бородатые карлики выходили на свет солнца редко. Чаще всего — чтобы обменять дары рудных жил на урожай, выращенный под небесами.

Церги, или гномы, были теми еще хитрецами и плутами. С людьми особо не якшались. Зато и войн с родом человеческим эти норники не вели. А все потому, что карлики, в случае чего, тут же ныряли в свои штольни, и выковырять их оттуда не имелось никакой возможности. А направят отряд — так обвалы дело нехитрое. Магия же в подземном царстве не действовала: вся уходила в землю.

— Поэтому воевать с цергами заклинаниями бессмысленно, — и столько затаенной боли и отчаяния было в этой короткой фразе Брока, что после нее тишина повисла надолго.

— А кто еще тут есть? Феи, эльфы...

Я замолчала на полуслове, наткнувшись на внимательный взгляд золотистых глаз.

— Эльфы?

— Ну да. Длинноухие, тощие, в лесу живут, из лука стреляют... — Я старательно вспоминала приметы классического эльфа. Почему-то у меня он ассоциировался с недокормленным Орландо Блумом.

— Длинноухие есть. Только они не в лесах. В море.

Мое богатое воображение сразу же пририсовало белобрысому герою «Властелина Колец» жабры и пару ласт. И как-то я в момент в местных

эльфах разочаровалась.

— Но я бы не советовал тебе к ним соваться. Злопамятные, надменные... Как-то был у них с посольством. Так одна приветственная речь длилась почти целый день, до захода солнца. А потом была наша, ответная, столь же краткая, — мстительно добавил Брок.

— Как же ты под водой дышал? — не поняла я, но про «посольство» пометку в голове сделала.

— А я и не говорил, что они в самой воде плавают. У них на дне купола воздушные. Соединены словно соты. На тысячи дней пути простираются по морскому дну.

Я все же не утерпела. Сложила все, услышанное от Брока, припомнила его слова о том, что твердыня тянется к дракону, как и он к ней, присоединила слова о «посольстве», добавила реплику одного из охранников «был бы ты простым...» и ровно в середине описания ящером эльфячьего радушия невзначай задала вопрос:

— И тебе, энгу, эльфы не выделили отдельных покоев?

— Нет, они заверили... — начал было Брок и споткнулся о мой вопрос, как об извилистый древесный корень.

— Догадалась-таки, — раздосадованно хмыкнул он.

Я, до жути довольная собой, кивнула: все же сумела собрать из разрозненных обрывков, цветных и черно-белых, часть картины по имени «Брок». Значит, он действительно не простой дракон, а этот самый энг.

— Та твердыня, что чуть не грохнулась на нас, — твой остров?

— Она бы «не грохнулась», как ты изволила выразиться. Просто опустилась, сколь могла низко. Но я, пока не отдам долг, не могу взлететь. Истинный облик принять под силу, а взлететь — нет.

— И эта «тучка» теперь будет над нами висеть? — насторожилась я.

Да... С такой рекламной поддержкой в виде парящего острова-транспаранта прятаться смысла нет.

— Не будет, — отрезал Брок и, резко сменив тему, скомандовал: — Привал.

За разговорами я не заметила, как наступил вечер. Солнце склонилось к горизонту, окрасив все вокруг в тревожно-малиновый цвет. Заря одновременно и пугала, будто шептала душе спрятаться, затаиться, и манила неведомым: загляни, поверь в чудеса и сама стань частью этого чуда.

— Разведи костер, а я добуду ужин. — Броку были близки не красоты таинственного вечернего леса, а вещи гораздо более прозаичные.

Пара секунд — и он действительно ушел. Развернулся и растворился в

чаще. Так, что ни один лист на ветках не дрогнул. А я осталась одна. Оперлась спиной о ствол, словно кто-то ослабил натянутую внутри меня струну. Усталость навалилась на плечи, придавила. А потом я запоздало вспомнила, что понятия не имею, как разжигать этот самый костер. Да и из чего.

Мучилась я долго и, подозреваю, что со стороны выглядело это весьма извращенно. Но поскольку отходить далеко боялась, то натаскала сухих веток. Сложив хворост в «пробник кургана», я окончательно пригорюнилась. Первый раз в своей жизни пожалела, что не курю. Зажигалка сейчас была бы как нельзя более кстати.

В тот момент когда вернулся Брок, тащивший добычу, я так и сидела, с ненавистью глядя на горку сухих веток, которые должны были стать костром.

— Пытаешься испепелить взглядом... Похвально, конечно, но огонь добывают немного другим способом.

Нельзя злить уже злую женщину, иначе окажешься не просто в луже, а по шею в воде. В воде Стикса.

— Например, наступить на хвост чересчур языкастому дракону? — нарочито заинтересованно спросила я.

— Зачем? — не понял Брок.

— Чтобы огнеструйный ящер от неожиданности плюнул сгустком пламени и наконец-то поджег этот сушняк. Ведь из нас двоих именно ты имеешь талант к поджигательству.

— Зато маг из нас двоих — ты, — парировал Бок.

— С чего это я маг?

— А как ты нейтрализовала плетение клетки?

Я лишь восхитилась пронырливостью одного ушлого ящера. Если ему прямо сказали, что я не могу ничего о себе поведать, так он решил вызнать все обходным путем.

— Я ни разу не маг. И являюсь только счастливой обладательницей одного родового проклятия.

— Интересно, какого? — сложив руки на груди, любопытствовал дракон.

— «Жить на одну стипендию», — в тон ему выплюнула я.

Дракон завис. А я наконец-то разглядела его «добычу» и, не удержавшись, протянула:

— Ты издеваешься?

Увы, Брок не издевался. На меня мертвыми выпученными глазами смотрела суровая здешняя реальность. Дракон и вправду добыл еду. Ну, во

всяком случае, принесенное было белкового происхождения и еще недавно бегало. Даже со свернутой шеей оно агонизирующе дрыгало лапой. Склизкой короткой лапой.

Я с сомнением разглядывала гипотетический ужин, и отчего-то приобщаться к изыскам французской кухни мне хотелось все меньше и меньше.

— Слушай, а эта... — замялась, подбирая подходящее слово. Туша размером с крепкое мужское бедро больше всего походила на тритона. Раскормленного такого на харчах, облученных радиацией. — ...Твоя добыча. Тебе ее можно есть?

— Почему нельзя? — изумился Брок.

— Ну вдруг это будет считаться актом каннибализма? Ведь он... она... — Я никак не могла определиться, и решила поступить, как Фурсенко с «кофе»: — Оно чем-то напоминает дракона.

Я не лгала: тело добычи покрывали кожистые наросты и складки. Конечности — короткие, мощные, венчали огромные когти. Широкий длинный хвост с шипастым наростом на конце в два раза превышал длину самой твари. А пасть со свешенным раздвоенным языком радовала мир двумя рядами мелких и острых зубов.

В общем, милая до жути зверюшка, способная с легкостью перекусить мою ногу. Сплошной дракон в миниатюре, только склизкий и без крыльев.

Брок закашлялся.

— Лекса. — Его губы произнесли мое имя и не смогли скрыть незлобивую усмешку. — Поверь мне. У тебя гораздо больше общего с морковкой, чем у меня с болотным жбыхом.

Я лишь хмыкнула над его «морковкой». И этот туда же! А вроде серьезный взрослый энг... Сразу же вспомнились дворовые дразнилки «рыжая-бесстыжая», «ржавая-корявая», которых я с лихвой собрала за свою лисью шевелюру. Оттого сравнение моих рыжин с морковкой не тронуло. Зато вторая часть его фразы про болотного жбыха заставила насторожиться.

— Так нет же вокруг никаких болот... — растерянно огляделась вокруг.

— Здесь нет. А чуть дальше начинаются топи. Вот этот... — тут Брок пнул тушу, — из них и выполз. Решил поохотиться на меня, пока я промышлял водяного зайца.

Мне стало любопытно: и как же Брок голыми руками хотел добыть упомянутого зайца? Как оказалось, дракону для такого ответственного дела руки были совсем не нужны. Достаточно и хвоста. Последним, к слову, и

досталось по голове незадачливому жбыху, который вроде бы прицеливался зубами в ногу человека, а впился уже в ляжку дракона. Полагаю, это было последнее воспоминание болотника.

— Слушай, может, ты тогда и костер разожжешь? — вернулась я к проблеме обогрева.

Дракон натурально возмутился:

— Я тебе что, кремень с кресалом?

— А тебе сложно? — парировала я с выражением незамутненной невинности: ни капли сарказма в голосе, лишь искреннее удивление напроочь опероксиденной блондинки. — Если стесняешься, я даже отвернуться могу...

Увидев искреннее изумление на лице Брока, пояснила свою мысль:

— Ну вдруг ты стесняешься... раздеться, чтобы перевоплотиться...

Когда из в общем-то человеческой глотки вылетел натуральный драконий рык, я поняла: довела. Достала до самых драконьих печенок. А после того как Брок, не меняя ипостаси (лишь чуть, словно марево, дрогнули черты лица и на скулах обозначились костяные пластины), плюнул в мой шалашик из веток огнем...

Я искренне взмолилась, чтобы этот самый занявшийся курган из хвороста не стал для меня погребальным. Ибо клятвы — клятвами, но не факт, что они устоят против застилающей глаза злости. К тому же кто этих местных духов знает, может, у них существует амнистия по смягчающим обстоятельствам: состояние аффекта там и прочее...

Пламя весело затрещало, Брок, повернувшись уже наполовину одраконившимся лицом ко мне, вкрадчиво, выразительно поинтересовался:

— Все?

Я лишь сглотнула и активно закивала, подтверждая: таки все. Дракон резко развернулся и хотел было уйти, но я не удержалась и окликнула:

— Бро-о-ок!

Он медленно, как на шарнирах, развернулся и выжидающе уставился на меня.

— Брок, извини. Хотя я и не знаю толком, в чем моя вина, но извини... Я что-то не то сказала?

Дракон тяжело выдохнул.

— Ты сказала и сделала все абсолютно не то. — Он не сводил с меня взгляда, и я чувствовала себя крайне неуютно под прицелом золотых глаз. — Лекса, драконье пламя — это оружие. У вас, людей, святы боевые клинки. А просить меня разжечь костер... все равно что просить нарезать кровяную колбасу родовым мечом, тем, на котором присягают в верности и

чести кнессу...

— Я не знала...

Раскаяние — редкий гость в моей душе — сегодня вечером решило-таки не просто нанести визит, но и от души отужинать.

— Как приготовить болотника, я полагаю, ты тоже не знаешь? — с обреченностью спросил Брок.

Что ж, сегодня я, похоже, перевыполню свой личный план по печальным вздохам.

Ящер, будто смирившись, что ему досталась на диво непутевая «спасительница», предложил:

— Хотя бы найти два прута для обжарки у тебя способностей хватит?

На том и порешили. Как истинный журналист, я не только раздобыла два прутика. Нет, я, добыв их из поросли, так ободрала эти «липки», что Брок с трудом узнал в них «первоисточник». Больше всего они напоминали мочалки, насаженные на пики. Комели я даже пару раз кусала — столь сильно не хотели молодые деревца прощаться со своими корнями. Зато острые верхушки были что надо.

Дракон, увидев мои «прутики», выразительно хмыкнул... и, завернув мясо в лопухи и обмазав их глиной, положил «полуфабрикат» в прогоревшие угли костра.

Пока еда запекалась, а над поляной витал дразнящий аромат, я занималась самоедством: про то, как выживать в каменных джунглях, я знала все «от» и «до». Где соврать, когда промолчать, как драпать... Но здесь, среди лесов, в мире меча и магии, я была точно слепой кутенок. И это ощущение беспомощности грызло изнутри. Я его ненавидела.

Так ушла в свои мысли, что опомнилась лишь тогда, когда рядом со мною, подозреваю, что повторно, прозвучало:

— Ну же, держи.

Надо мною навис Брок. В одной руке он держал запеченный кусок, надо полагать, предназначавшийся мне, во второй — уже обглоданную кость.

— А?

— Держи, говорю, и ешь. Все готово.

С благодарностью приняла ужин, роль в приготовлении которого ограничилась моими потугами на помощь. Медленно начала отколупывать растрескавшуюся глину. Брок сел рядом, склонил голову набок.

— Лекса. — Толика внимания. Щепотка участия. Несколько крупинок задумчивости. Брок добавил нужные специи, чтобы придать своему голосу прямой остроты, заинтриговать. — Я наблюдал за тобой весь день.

Дракон смотрел пристально. Холод и беспристрастность золота глаз, сжатые губы, прямые плечи.

— И никак не могу понять, откуда ты? Не простолюдинка: нет натруженных рук и мозолей. Не из знатного рода: для этого в тебе слишком мало спеси и ненависти к моему племени. Ты не лжешь, когда говоришь, что не знаешь здесь ничего, но в то же время язык подвешен хорошо, будто долго училась говорить то, что хочет услышать собеседник. Правда, не все уроки этой науки ты усвоила... — Он оборвал себя на полуслове, следя за моей реакцией.

Провокатор! Думал, начну возмущаться? Не на ту напал. Я лишь вопросительно изогнула бровь. Брок как ни в чем не бывало продолжил:

— Скорее всего, ты дочь знатного горожанина, не державшая в руках топора и не вымешивавшая тесто в кадушке, но умеющая вышивать шелковые ленты.

— Не знаю. — Я тщательно замаскировала злорадство разочарованием и печалью.

— Значит, облегчить мне задачу не хочешь? — В голосе Брока сквозили вызов и азарт. Словно я была для него ребусом, который он вознамерился разгадать во что бы то ни стало.

Языки костра танцевали сальсу под вечерним зеленоватым сиянием небес. Вдалеке ухал филин, шепталась с ветром листва. Звуки ночи подкрадывались, кружили, еще не пугали, но настораживали.

Мне становилось все более неуютно в этом чуждом мире. Посмотрела в звездную высь. То ли облака, то ли далекие твердыни местами закрывали ее собою. Полная луна на небосводе, опоясанная розовым кольцом — еще одно напоминание, что здесь все не так, как на Земле.

Вопрос дракона остался без ответа. Впрочем, он его не особо ждал. Поднявшись, потянулся и широко зевнул. А потом подошел к ближайшей пушистой елке-шатру, чьи разлапистые ветви едва ли не мели землю, и сноровисто начал ломать лапник. Причем даже внушительные ветви трещали под его руками как зубочистки. Вот это силища!

За каких-то четверть часа ящер наломал две здоровенных охапки лапника и начал готовить себе лежанку, причем исключительно на одну персону. Впрочем, и мне дракон милостиво оставил своей зеленой колючей добычи, чтобы хватило на лежанку. А затем Брок демонстративно завалился спать.

Я же сидела, задумчиво глядя на огонь. Глаза буквально слипались. Но я все же пересилила себя: надо было просушить вещи, что вторые сутки прокисали у меня в поклаже. Не сказать что время оказалось совсем уж не

властно над ними: водолазка успела не только высохнуть в форме сморщенного финика, но и основательно задубеть. Пришлось аккуратно ее распрямлять. От джинсов шел характерный душок.

Развесила свои вещи на нижних ветках и поняла: хоть режь, а третью ночь на дереве я не проведу. Потому по примеру дракона соорудила из остатков лапника некое подобие ложа в паре метров от Брока.

— Хватит копошиться. Ложись давай, если сегодня у тебя нет желания изображать белку, — недовольным голосом отозвался дракон.

А я-то думала, он уже десятый сон видит, а оказалось — бдит. Легла на лапник: неудобным оказался каждый сантиметр. В тело что-то впивалось, мешало, кололо. Повернулась на бок. Потом на второй. На спину. И тут до слуха донесся вой.

Одинокая и полная отчаяния песнь зверя. Звучала она у черта на куличках, но страх имеет свойство сокращать расстояния. Зато бок Брока вдруг показался мне далеким.

Придвинула свою лежанку на полметра. Это нехитрое действие отчего-то успокоило мои нервы. Правда, ненадолго. Мне начали мерещиться шорохи в темноте, взгляды из кружева листвы... Моя постель приблизилась еще на полметра к спящему дракону.

Я улеглась, на этот раз в твердой уверенности: все. Мне больше ничего не угрожает. Но вдруг откуда-то донесся скрип, словно несмазанные дверные петли приветствовал сквозняк, и я настороженно замерла... Не выдержал Брок.

Он поднялся, подошел ко мне, все еще лежавшей на лапнике, и рывком подтянул его к себе:

— Так будет быстрее, и я смогу хотя бы выспаться, — пояснил он свои действия.

Между мною и драконом было расстояние в несколько ладоней, когда я, все еще изображавшая замороженного суслика, услышала ровное неглубокое дыхание Брока. Он спал.

Вместе с этим знанием и на меня снизошел сон. Измученный разум решил, что сверхурочная работа, да еще и в ночную смену — это уже слишком. Потому сновидений у меня не было.

Посреди ночи я проснулась то ли от стога, то ли от крика. Брок метался в кошмаре. Не знаю, что ему пригрезилось, но у меня при взгляде на дракона, который бился, словно в силках, и никак не мог проснуться, в глубине души родился безотчетный страх, из тех, что подкатывают к горлу тошнотой и бросают в панику. На спине выступил холодный пот, а сердце забилось настолько бешено и гулко, что пульс отдавался в ушах.

Я никогда до этого не видела, чтобы человека так скручивало, будто пронзало насквозь, заставляя тело выгибаться дугой от кошмара. Что же должен был пережить Брок, чтобы его прошлое, просочившееся сквозь пелену сна, выворачивало наизнанку и не отпускало, не давало проснуться?

Потрясла его за плечи, силясь разбудить. Не вышло. Зато сильные руки сжали меня настолько крепко, что еще немного — и затрещали бы ребра.

Я решила оказать первую помощь. Себе. Потому саданула дракона ногой. Метила в колено, но то ли у меня с анатомией не лады, то ли мишень попалась дюже верткая... Хотя эффекта я достигла — Брок ослабил хватку.

Вот только не могу поручиться, что после своей самоспасательной операции я не нанесла невосполнимый урон будущему поголовью драконов. Зато с точностью могу утверждать: нынешнюю популяцию попаданок отстояла с честью.

Брок охнул, распахнул глаза, и я увидела, как его зрачок из змеиного перетекает в человеческий.

— Твою ж... за что? — только и выдохнул он сквозь зубы.

— Зато я защитила тебя. — Дракон все еще лежал подо мной, правда, уже перестал крутиться и изображать угря, наштигованного хреном и перцем.

— Защитила... — подозрительно начал Брок.

— Да. От твоих кошмаров. Ты вопил почище нашей верстальщицы Айзы Ооржак, которой принесли статью за час до сдачи номера в печать. А она, скажу тебе, суцая гарпия с луженой глоткой! — ляпнула я, вспомнив журналистскую бытность.

— Как орут гарпии-верстальщицы, я не слышал, но вот чарующую песнь могильной гарпии как-то довелось. — Шипение в голосе Брока неохотно уступало место досаде. — Знаешь, сначала она заманивала доверчивых путников на погост, а там нападала со спины, вгрызаясь в шею... Оттого не пойму, о каких ты воплях? Кстати, а что такое статья и зачем ее совать в печень?

— Сдавать в печать. — Я машинально поправила дракона и спохватилась: — Не увиливай! Ты так орал и метался, что мне жутко стало.

— Поэтому, чтобы тебе не было страшно, ты улеглась на меня сверху? — поддел ящер.

— Ни на кого я не... — начала и осеклась. Да эта рептилия форменно издевается!

Теперь я основательно разозлилась. А если учесть, что даже кровь во мне отрицательная, чего уж говорить о характере... В общем, дракон попал.

— Конечно. А еще решила воспользоваться случаем и твоей

беспомощностью, чтобы над тобой надругаться.

Лицо Брока вытянулось от изумления, но меня уже понесло.

— Да, может, я, разузнав, что рядом со мной цельный ящеристый энг, сразу решила родить от него бастарда и занять обеспеченную жизнь на этой твоей твердыне. Надо-то всего ничего — забеременеть. И не важно, что через штаны и юбку. Ведь на каждом твоём головастике наверняка стоит знак качества, и по этой причине отцовство тебя подстерегает чуть ли не на любом углу. Так что да, на твою грудь я улеглась с единственной целью.

Всю эту тираду я выпалила оторопевшему Броку, у которого желание поддеть меня явно упало и закатилось за плинтус. Вообще заметила, что едва мужику напоминаешь о возможных последствиях его действий, которые через девять месяцев облачаются в памперсы, как даже у самых сильных и brutальных мачо сразу все падает.

— Пожалуй, все-таки прав был мой наставник, говоря, что для собственного душевного равновесия с девой стоит быть тактичным всегда, — нашелся через минуту Брок.

— Тактичным — в смысле вовремя прикинувшимся слепым, глухим и вообще дураком? — невинно уточнила я. В душе все еще бушевала злость, находившая выход в ерничестве.

— Наставник выражался иначе, более многословно. Но общий смысл ты передала верно, — парировал дракон и, дрыгнув ногой, чуть сварливо предложил: — Может, ты с меня уже слезешь? А то, знаешь ли... — Он многозначительно замолчал.

Зато его выразительный взгляд сказал о многом.

Я тут же скатилась с Брока, а, оказавшись на земле, еще и отодвинулась подальше. Тоже мне, блюститель нравов. Интересно, он вообще не мерзнет там, на заснеженной вершине своих моральных устоев?

— Да нужен мне твой конец любви и два мешка воспоминаний! — буркнула себе под нос, но, как оказалось, у драконов отменный слух.

Уже севший на своей лежанке Брок упер руки в землю и, ничтоже сумняшеся, вернул мне издевку:

— А кто-то недавно как раз заверял, что нужен, даже о бастардах заикался. Вы непоследовательны, госпожа Лекса.

— Учусь у вас, господин дракон, — ответила в тон.

Брок, видимо, хотел мне на это что-то возразить, но лишь покачал головой и задумчиво посмотрел на угли прогоревшего костра.

Я тоже сидела, изображая тишину. Правда, недолго. Глаза сами собой начали закрываться. Плюнула на все и легла на свое место. Уже засыпая,

услышала:

— Спасибо, что разбудила.

Да уж, долго же до него доходило. Или это затянулся бой между собственной совестью и ненавистью к людям?

— Не за что. Только в следующий раз не пытайся меня убить, бултыхаясь в своем кошмаре.

— То же самое могу сказать и о тебе. Пожалуйста, больше не буди меня столь оригинальным способом.

— Договорились. — Я пребывала сейчас в таком состоянии, что проще было согласиться с чем угодно, чтобы от тебя отстали, и наконец-таки заснуть. И заснула бы. Вот только женское любопытство, будь оно неладно, подняло голову с подушки в последний момент.

Я всегда люто ненавидела эту свою черту. Моя пытливость порой была настолько же невыносима, как хлебные крошки в постели: сколько ни ворочайся, а не уснешь, пока не разберешься с ними решительно и до конца.

— А что тебе снилось? — Я посмотрела снизу вверх.

Брок сидел, все так же глядя на уголья. Четко очерченный профиль, короткая косица, острый нос.

— Война. — Всего одно слово, в котором смешались в гремучий коктейль и злость, и боль, и отчаяние. — Но не думай. Я еще не путаю реальность и воспоминания. Хотя порой во сне я заново переживаю то, чего уже не изменить. А просыпаюсь, лишь прожив очередной кошмар «от» и «до».

Брок замолчал, но потом сорвал травинку и, повертев ее в руках, произнес на выдохе:

— Сегодня первая ночь, когда кто-то смог меня разбудить. Я так и не досмотрел до конца свой сон-кошмар.

Дракон говорил тихо, спокойно, размеренно. Сейчас его плечи расслабились, спина выпрямилась. Будто мой провожатый скинул тяжелый груз. Он чуть склонил голову набок, словно аристократ на великосветском приеме, и последние отблески дышащих жаром красных углей, как дотошные дознаватели, высветили седую выбившуюся прядь, что днем пряталась в волосах дракона.

— Спасибо...

Благодарность была столь неожиданной, что я даже растерялась. А когда я теряюсь, сразу откуда-то возникает сарказм.

— Знаешь, я всегда считала, что помогать людям надо так, чтобы они в благодарность хотя бы не вредили, поэтому лучшим вариантом твоего

«спасибо» будет дать мне выспаться. — И гордо повернулась на другой бок.

Я уплывала в сон. Звуки леса уже не казались такими страшными и пугающими, наоборот, нашептывали, будто колыбельную пели. Хотя, может, все оттого, что я знала — рядом сидит и не дремлет, бдит, думая о чем-то своем, дракон?

Вот только когда я, казалось бы, уже совсем ушла в страну грез, слышалось шуршание, а потом чья-то сильная рука чуть подтащила меня к большому теплому боку. Меня словно спеленало коконом теплоты, уюта и заботы. И это — посреди дикого чуждого леса.

Мысль, что я все же сошла с ума, была на сегодня последней внятной. А потом... мне пригрезилась пятилетняя сестренка. Она объясняла, что гулять — это значит отталкиваться ногами от земли и рассекать личиком воздух. Я чувствовала себя счастливой в этом своем простом сне, который был родом из детства.

Утро встретило меня сонным колючим мужчиной, у которого явно прогрессировал собственнический инстинкт. Иначе как еще объяснить, что Брок не только притянул меня к своей груди, но еще и закинул для верности ногу на мое бедро, а его дыхание щекотало мне макушку.

Из этого двойного захвата я выползала ужом, чувствуя себя сапером на минном поле. Аккуратно, по миллиметру, отодвинула его руку от своей груди, медленно отвела драконову ходилку и уже было обрадованно поползла, как наглая ящерова лапа опять притиснула меня к себе.

Брок, к счастью, от моих маневров так и не проснулся.

Плюнула на тихушничество и во второй раз, скинув хваталку драконистого собственника, резко откатилась. Ящер недовольно заворочался, но вроде бы не проснулся.

— Этого не было. Ничего не было... — начала я сеанс самовнушения.

Брок недовольно заворочался. Я посмотрела на мирно спящего наглеца: ну чисто ребенок, у которого отобрали любимого плюшевого мишку.

Ранний рассветный час покрыл все окрест легкой дымкой тумана. Вокруг разлилась тишина. Но не такая, от которой звенит в ушах, вовсе нет. Она была объемной, наполненной едва уловимыми звуками, которые к полудню уже и не различишь за дневной суетой. Где-то трубили гордые лебеди, кричал хлопотливый утиный выводок...

Вчера усталость и пряный, сотканный из недавних переживаний воздух утаили от меня лесной секрет: наверняка совсем недалеко есть протока или озерцо. Иначе откуда взяты песни этих лапчатых?

Пошла на звук. Думалось — вот она, речка ли, ручеек ли, только

отойди. Но на деле пришлось протопать изрядно.

Это было озеро. Небольшое, круглое, с ровными, как у плошки, краями и голубой, с изумрудным отсветом, водой, над гладью которой туман стелился особенно заметно. Озеро оказалось столь прозрачным, что у берега было видно песчаное дно со снующими в толще воды мальками.

Не удержалась, решила смыть с себя грязь и пот, но заходить далеко стало боязно. Все же воспоминания о вчерашнем болотнике оказались свежими. Поэтому зашла чуть глубже колена, как раз до той черты, где песчаник уступает место торфяной перине. Умываясь, зачерпнула пригоршню.

Юбка и рубаха остались на берегу: незачем мочить понапрасну. А я старательно отмывала плечи и руки, бедра и колени. Осмелела и села на песок, намочила свои рыжие волосы. Не сказать чтобы из них можно было сплести длинную косицу, но я старалась. Иначе они, чуть вьющиеся, за день «в свободном полете» могли превратиться в основательный колтун.

Наверное, мои рыжины были единственной особенностью, выделявшей меня из толпы. Ну, может, еще веснушки. А так — карие глаза, чуть длинноватый лисий нос... Опять же я из категории девиц мелкого калибра: ни выразительной груди, ни бедер.

А если учесть, что на яркие наряды и косметику денег мне никогда не хватало... В общем, спрячь под шапку волосы — и легко сливайся с безликой толпой.

Вода текла тонким ручейком, холодя позвоночник, отчего кожа покрылась мурашками, а губы растянулись в шальной улыбке. Чистота, нагота, свобода. И я живая, несмотря ни на что.

Шорох в кустах заставил обернуться, а потом я и вовсе начала медленно отползать в водную толщу.

Из зарослей на меня уставились два серо-синих глаза. Зверь смотрел внимательно, а розовый язык в такт вдохам и выдохам то показывался, то исчезал меж его здоровенных белых клыков. Светлая шерсть, будто серую масть кто-то щедро припорошил снегом, ростом с матерого пса из тех, что способны повалить человека, опершись о его грудь передними лапами.

Это оказался какой-то неправильный волк. Начать с того, что он смотрел на меня внимательно и неотрывно, прямо в глаза. Но при этом лапы не были напряжены, как если бы он собирался прыгнуть и перегрызть глотку. Нет. Он стоял, вбирая носом воздух и приносиваясь.

Потом склонил голову набок, ну чисто овчарка. Размышлял? Мотнул лобастой головой, зарычал и сиганул в воду.

Вот всегда знала, что задница — целый многофункциональный

комплекс. Она и сидячее место, и думательный орган, и сверхчувствительный радар, и отдел, ответственный за принятие сверхважных решений, и подрядчик в выполнении большей части работ. Порою на нее ищут приключения, а когда найдут — в ней же и сидят. Но что разительно отличало мою корму от волчьего капота — это отсутствие хвоста.

Еще когда блохастый сиганул в воду, я четко осознала: не уплыву. Зато могу нырнуть и утянуть эту шкуру за собой. Тем более что стиль «топорик» я освоила в совершенстве еще в детстве, на городском пляже. Там все время, сколько я себя помню, красовался значок «купаться запрещено». Но когда намалеванная картонка могла остановить беспризорную детвору?

Я набрала в грудь побольше воздуха, оттолкнулась ногами от дна и стремительно ушла на глубину.

Волк плыл быстро. Старательно загребал лапами и не ожидал коварства судьбы в моем лице. В смысле, в руке, которая, ухватив его мохнатое правило, потянула камнем ко дну. Зверь забил лапами, но под водой этому пловцу оказалось не до щелканья челюстями: уж больно резво в открытую глотку устремилась вода.

Так мы и барахтались, взбивая ил. До поверхности было всего ничего. Но я вознамерилась сдохнуть, а утопить этого зверя. Тем более что опыт у меня уже имелся. Правда, в тот раз тонула я сама...

Зверь царапался, отбивался, но пасть больше не открывал. А я понимала: если отпущу эту шкуру, то на поверхность мне лучше не всплывать. Шавка-переросток меня просто загрызет. Поэтому и решила: всплывет кто-то один из нас.

Вот только чего я совсем не ожидала, так это того, что хвост в моей руке вдруг начнет резко уменьшаться, а потом и вовсе исчезнет. И нет чтобы врасти в мохнатую задницу. Увы. Последняя самым наглým образом оказалась абсолютно лысой и мужской!

От изумления я открыла рот. Стая пузырьков тут же устремилась вверх, оставив в моих легких кукиш, а не кислород. Вместе с воздухом меня покинула и всяческая надежда на спасение. Если вероятность утопить волка хоть небольшая, но была, то здорового мужика, уже схватившего меня за голень — никакой. Выход оставался один — тонуть. Чем я и занялась.

Легкие жгло, перед глазами уже плавали разноцветные круги, когда я почувствовала колебания воды: чье-то сильное тело мощными гребками рассекало озерную гладь. А потом я второй раз в жизни потеряла сознание. И опять — в воде.

В себя пришла под треск поленьев в костре и мужской разговор.

— Йон, скажи, зачем ты пытался ее убить? — Вкрадчивый голос дракона я услышала еще до того, как мои глаза открылись.

— Да в сотый раз тебе объясняю, твоя девка сама хотела меня утопить! — Экспрессии в голосе второго хватило бы на трех Станиславских, чтобы те зашлись в экстазе от крика «верю!».

Вот только Брока было не пронять.

— Во-первых. Она. Не моя. Девка. Во-вторых, она действительно умирала, иначе бы я не проснулся оттого, что кольцо клятвы пыталось меня удушить.

На это заявление дракона собеседник лишь присвистнул.

— Давай тогда, рассказывай, побратим, как докатился до жизни такой, что не только спишь с человеческими девками, но и клятвы им приносишь, да не абы какие, а те, которые обвиваются не вокруг руки, а вокруг шеи.

— Она сама тебе сейчас расскажет. Проснулась уже.

Я на это лишь фыркнула и демонстративно укрылась с головой. И только потом осознала: меня не оставили лежать мокрую, а во что-то заботливо укутали. Судя по всему — в плащ. Серая домотканка была на диво плотной и слегка пахла псиной. Неужели это — одежда блохастого? Ведь из разговора выходит, тот, кого дракон назвал Йоном, — и есть злополучная шавка-переросток, что пыталась меня сожрать в озере.

— Девка может наболтать с три воза, но не сказать и слова правды. Оттого я не доверяю трескотне женских уст. А вот своему нюху — вполне. И могу точно сказать, что эта ненормальная пропахла тобой. Я когда это учуял — носу своему не поверил. Ведь после Марны ты ни на одну крылатую деву не глядел, а тут — человечка...

— Йон, заткнись. Иначе я не посмотрю, что ты мой побратим и что мы с тобой после битвы под Лыдыстыми пиками кровь в одной чаше мешали. Врежу.

Любопытство оказалось превыше гордости, и я высунула из укрытия свой нос.

— Вот и спасай тебя после этого, — недовольно проворчал оборотень. — Я как узнал, что тебя на казнь везут, — рванул со всех лап. Не по следу шел, по зову крови — прямее такого пути только стрела...

— Твоя стрела, прежде чем достигнуть мишени, пронзила кленовый лист. — Брок кивнул в мою сторону, наверное, думал, что я все еще изображаю мешок морковки.

— Занятный, кстати, листик. Рыженький. И мордашка смазливая. К тому же боевая. Мне такие нравятся. Уступишь? — Йон, сидевший ко мне

спиной, говорил таким ровным тоном, будто спрашивал: лук или чеснок класть в похлебку.

Я закашлялась, но, думаю, даже приступ чахотки не сумел бы удержать меня от ответа.

— Я могу уступить, — каркнула, полностью высунув лицо из своего тканевого укрытия. — Только не себя, а железо. Оно, к слову, весьма полезное. Гемоглобин повышает, здоровье укрепляет. А чтобы подействовало наверняка — лучше всего принять его прямо в печень. Острием. Полкилограмма, чтобы за один раз все усвоилось.

— Наглая. — Оборотень прищелкнул языком и окинул меня внимательным взглядом.

Я ответила ему той же любезностью. Сильный, поджарый, с отметинами шрамов на бронзовой коже. Йон сидел у костра в одних портках, и, что удивительно, комарье даже не думало покушаться на столь аппетитный «стол».

Пепельные волосы оборотня, что были неровно обрезаны почти у плеч, редкий для волка цвет глаз — синий, широкий лоб, выдающий упрямец, прямой нос, четко очерченные губы, искривившиеся в плутовской усмешке, твердый подбородок — стервец был хорош собой и отлично это знал.

Но эта его уверенность... Может, у какой другой впечатлительной барышни она бы и вызвала восхищение, но я-то помнила Кольку-шельмеца. Дворовый друг детства был чертовски обаятелен, и сколько я его знала, всегда умел виртуозно пользоваться своей красотой. От выпрашивания конфет в бытность ободранных коленок до укладывания девчонок на обе лопатки через пару часов знакомства, когда Колька миновал возраст расцвета прыщей. Причем умудрялся он переводить отношения в горизонтальную плоскость вне зависимости от статуса пассии: будь то хоть скромница-студентка, хоть дочка депутата, хоть стерва, способная своими шеллак-ногтями вырвать у любого мужика сердце с мясом.

Колька относился к новым девушкам, как иные к ботинкам: всунул, высунул, пошел. А забывал имя очередной пассии уже через час. Но поскольку отношения наши с этим неутомимым киборгом от секса были исключительно дружеские, я имела возможность наблюдать во всей красе, сколь активно может юзаться такой дар природы, как внешность. Коробило ли меня это? Иногда да. Но тем не менее Колька оставался отличным другом, который был готов поддержать в трудную минуту. Впрочем, год назад мне довелось отработать свой дружеский долг сполна. Когда этот донжуан все же допрыгался и его таки окольцевали. Хотя Колька и выбирал

недолго: ЗАГС или армия со стопроцентной перспективой горячей точки после КМБ. Будущий свекор — генерал, в дочурке души не чаявший, умел убеждать.

В итоге в день свадьбы я оказывала Кольке моральную поддержку, а в дверях зала бракосочетаний — и физическую, когда жених уперся руками в косяк и пришлось дать ему волшебный пендель для ускорения, чтобы он таки долетел до стола с регистраторшей. Друг еще долго припоминал, как я помножила его массу на мою силу, но все же спустя шесть месяцев с радостью баюкал на руках свою дочку и о разводе не помышлял.

Сейчас я смотрела на Йона и вспоминала Кольку еще по одной причине: видя, сколь обманчива может быть красота, я получила отличную прививку от всякого рода иллюзий. Поэтому обаяние, которое так щедро источал блохастый, действовало на меня, как вай-фай на слона: абсолютно мимо. Нет, будь я телефоном, пожалуй, и приняла бы сигнал, а так могла только давить живой массой. В смысле, сарказмом.

— Ну так как, нужно железо-то? — напомнила о своем лекарском предложении.

— Воздержусь, — хмыкнул Йон, — а вот от поесть не отказался бы.

— Ну наглец, — вернула я оборотню его же фразу.

Йон, как раз доставший бурдюк из своей котомки и начавший пить, закашлялся. Дракон же, с невозмутимым видом наблюдавший за нашим диалогом с одной блохастой шкурой, лишь усмехнулся и честно предупредил побратима:

— Учти, это только начало.

ГЛАВА 4, она же вопрос четвертый: — Считать ли наглость вторым счастьем?

Как оказалось, к спасению нареченного брата Йон подошел основательно. Во всяком случае, его «кинулся со всех лап» представляло собой добротную поклажу путника: запас провианта, котелок, бурдюк для воды, сменную одежду и кошель с деньгами. Все это было оставлено на берегу, когда шкура учуял запах Брока и, решив выведать, что к чему, обратился волком. Вот правда спаситель не ожидал, что так пахнуть может не только его побратим, но и несчастная девушка, которую угораздило провести ночь бок о бок с ненормальным драконом.

В итоге Йон подумал, что надо бы меня выгнать на берег и как следует расспросить, но прогавкать это в волчьей ипостаси было слегка затруднительно. Я же, вместо того чтобы «выгнаться из воды», заставила честного оборотня нахлебаться ила.

Хотя, на мой взгляд, он мало наглотался. Иначе не зубоскалил бы за троих все время, что мы завтракали. Я, завернувшись в плащ, осторожно ела разогретое на огне мясо. Брок, жуя, рассказывал, как стал заложником клятвы. Йон от души смеялся над описанием того, как маленькая несчастная воришка носилась с вертелом по поляне.

— Значит, долг... — задумчиво подытожил оборотень.

— Он самый, — нехотя подтвердил дракон и смерил меня угрюмым взглядом.

— Поведешь ее к кнессу? Рехнулся? Да тебя же располовинят, едва ты войдешь в ворота, — накинулся Йон на Брока. — Ты вообще о чем думал, когда клятву давал?

А потом с молниеносной скоростью Йон повернулся ко мне:

— А ты, девка, вообще без мозгов? Знаешь же, что владыка Верхнего предела свою печать в крепостную стену впаял, чтобы та любого дракона убивала, и о подобном просишь.

Иногда от выпадов теряешься, порой — чувствуешь обиду, но вот Йону удалось редкое — он меня разозлил. Окончательно.

— Значит, так, шкура. Первое. Я тебе не девка. Госпожа, уважаемая, Лекса — на худой конец. Но не девка!

Потом вспомнила, что оборотень — тот еще стервец, способный ополить даже самую невинную фразу, и добавила:

— И уж точно не баба. Второе: если я не дойду до этого вашего долбаного кнесса, то, извини, умру сама. От такой же клятвы, чтоб ее!

Йон, пока я говорила, смотрел на меня удивленно, Брок же — заинтересованно. Словно нашел новый кусок сложной мозаики и прикидывал, под каким углом его уложить, чтобы он вписался в рисунок.

Но как только моя запальчивая речь закончилась и я дернула плечом, фибула, скальвавшая края плаща, расстегнулась. Взгляды Брока и Йона сошлись в одной точке. Увы, это было не лицо. Чуть ниже. Но если я сначала наивно полагала, что двух мужчин может столь сильно заинтересовать девичья грудь, то я глубоко заблуждалась.

Мое украшение, оно же ярмо змеевидное, до этого металлическое, вдруг заскользило по шее. А потом и вовсе приподняло голову и зашипело.

— Ты подумал о том же, о чем и я? — хрипло спросил Йон у дракона, неотрывно глядя на ожившую печать.

Я лишь сглотнула. Змея высунула язык, который тут же затрепетал, словно пробуя воздух.

— А я все гадал, что мне твой шейный обруч напоминает... — Лицо дракона закаменело.

— Кнесса Раана. Вот так встреча! — процедил шкура, глядя на меня. — Теперь понятно твое стремление добраться до Верхнего предела. У жениха под боком всяко лучше, чем среди диких лесов. А привязала Брока клятвой, чтобы полюбоваться его отсеченной головой, когда он будет проводить тебя сквозь крепостные ворота?! — скорее не спрашивал, а утверждал оборотень, и под конец припечатал: — Ну ты и стерва!

В словах перевертыша было столько яда, что стая скорпионов нервно щелкала клешнями в сторонке. Зато змея конкурента по нейротоксинам терпеть не собиралась и угрожающе зашипела. Я же старательно отыгрывала труп с рептилистой удавкой на шее: не шевелилась и даже не дышала.

Змеевна заскользила по моей коже и напружинилась, будто готовилась для броска.

— Не провоцируй кнесскую печать, — вкрадчивый голос Брока стал неожиданностью и для меня, и для оборотня. А потом дракон и вовсе не заговорил, а зашипел.

Звуки, столь чуждые человеческому уху, как ни странно, подействовали успокаивающе. Сероузорная, внемля своеобразной колыбельной ящера, даже расслабилась. Во всяком случае, мышцы ее живота уже не были твердокаменными. Через минуту они и вовсе стали медленно, ритмично сокращаться. Будто рептилистая печать только что

проглотила мышь и сейчас усердно пыталась ее переварить.

Я позволила себе сглотнуть, когда почувствовала, что змея стала неподвижной и начала тяжелеть.

— Ч-ч-что это было? — выдавила из себя, осторожно прикрываясь полкой плаща.

— Это у тебя стоит спросить, Раана. — Блохастый, не твякнувший ни звука после того, как Брок его осадил, вновь подал голос. — Простые украшения не способны оживать. Только кнесские печати могут по своей или хозяйской воле становиться то металлом, то обычными земными тварями. И у каждого повелителя знак власти свой: у кнесса болотников — в виде тритона, а у владельца равнинных земель, твоего отца, — змея.

Возразить я не успела, меня опередил дракон.

— Она не кнесса, — задумчиво заявил ящер и пояснил: — Печать не родная, она не умеет ею управлять. К тому же я успел убедиться, что Лекса, — мое имя он выделил особо, — родом точно не с равнин.

— И как же ты в этом убедился? — Йон и не думал сдаваться. — Или она заверила тебя жаркими ночными стонами?

Кулаки Брока побелели, на скулах заходили желваки. Йон тоже смотрел с вызовом.

Эти двое были больше, чем просто друзья. Побратимы. Но сейчас каждый из них стал для другого и обвинителем, и судьей, а через пару мгновений мог оказаться палачом.

Я не понимала всего, но из обрывков разговоров, отношения Брока к людям, поведения оборотня складывалась безрадостная картина.

Кнесса, умирая, пожертвовала жизнь и силу, притянув меня, чтобы я стала курьером. Раана должна была сама отдать печать стражу Верхнего предела, своему жениху, надо полагать (если только слова Йона не ложь). Получается, что эта печать — и есть что-то вроде приданого? Только если у обычной девушки приданое идет довеском к ней самой, то в случае с кнессой, скорее, она шла дополнением к печати. Ее последние слова «сохрани мир»... Видать, змеевна — весьма ценная штука, а брак должен был стать династическим.

Но это — лишь мои предположения. Для точных выводов пока было слишком мало данных. А если не поторопиться, то два моих источника информации могут засохнуть. В смысле, сдохнуть, сломав друг другу что-нибудь, а с учетом того, что оба, судя по всему, воины, поломка может быть весьма качественной...

Вот только встравать между молотом и наковальней одной хрупкой мне — не лучшая идея. Расплющат и не заметят. Поэтому я выбрала роль

не столь травмоопасную, но дюже тяжелую, особенно если отыгрывать ее в женском коллективе. Ведь умной девушке сложно быть дурой хотя бы потому, что вокруг слишком много конкуренток. Но, на мое счастье, в лесу девушек не было, а вот два злых мужика — имелись.

— А я и не знала, что оборотни — озабоченные математики, — невинно захлопала ресничками. Губки, сплетенные в бантик, и смущенный румянец на щеках также наличествовали.

Оба синхронно повернули головы в мою сторону.

Один взгляд прожигал. Второй — окатывал ледяным презрением.

Они ненавидели меня и тем не менее готовы были биться. Каждый — отстаивая свою правду. Блохастый — пытаюсь злой насмешкой образумить побратима, связавшегося со стервой и верящего ее лжи. Дракон — доказывая кулаками, что ненавидит людей и никогда не опустится до того, чтобы возлечь с человеческой женщиной.

Вот только моя идиотская реплика именно своей несуразностью заставила этих двоих отвлечься.

— Что? — спросил Йон по праву оборотня, на которого возвели счетоводческую напраслину.

Я же, пользуясь тем, что у меня бенефис, продолжила сладким, честно сплагаченным у Лики Южной тоном:

— Ну хорошо, просто озабоченные. Но если тебя послушать, так мы с Брокком только и делали, что всю ночь уравнение решали.

— Это какое же? — подозрительно осведомился уже дракон.

— Такое, в котором нужно отнять одежду, прибавить горизонтальную плоскость, разделить ноги и вовремя извлечь корень, чтобы не было удвоения!

Надо сказать, требуемого я добилась. Йон больше не желал начистить забрало побратиму. Он просто хотел свернуть шею. Правда, на сей раз мне.

— И откуда такие познания в счете у невинной кнессы, о чьей добродетели сплет любая менестрель, которому задарма поднесут чарку? — с издевкой осведомился блохастый.

— Оттуда, откуда родом твое богатое воображение, родившее мысль, что я кнесса, — не осталась в долгу.

— Хочешь сказать, что родовая печать наследницы равнинных земель добровольно свернулась кольцом на шее проходившей мимо голодранки без роду и племени?

— Проплывавшей, — педантично поправила я.

— Она издевается, — не выдержал Йон, поворачиваясь к Броку. — Побратим, можно я ее убью?

— Думаешь, я об этом не мечтал? — сокрушенно отозвался дракон. — Но если она умрет, то клятва меня задушит.

— А ты точно запомнил все слова зарока? — уточнил блохастый, словно меня здесь и рядом не стояло. — Может, там есть лазейка?

— Конечно. Целая сотня, — саркастически откликнулся Брок.

— Я вам не мешаю? — вмешалась в диспут.

— Изыди! — в один голос взвыли дракон с оборотнем.

Мне бы радоваться такому единодушию между только что готовыми драться мужиками... Но почему-то я не чувствовала себя счастливой от столь быстрого примирения Брока и Йона. Может, потому, что они сплотились против несчастной меня?

— С радостью бы, но я пока жить хочу. А это у меня одной в лесу навряд ли получится. Так что... — «терпите» не прозвучало. Я лишь развела руками, чем окончательно разочаровала шкуру и Брока, рьяно мечтавших прикопать меня под ближайшей сосной.

Увы, я хоть и умела плести ажур слов (в данном деле мне удалось стать кружевницей пятого разряда с почти красным дипломом), но простой жест вышел красноречивее любых реплик.

Блохастый даже не заругался — он просто употребил всю известную ему богатую ненормативную лексику, дабы в полной мере передать гамму испытанных им чувств. Брок же оказался куда менее эмоционален:

— Лекса, я понимаю, что мозгами юных дев небо по традиции обделяет, но хоть совесть-то у тебя есть?

— Совесть есть, но с собой не ношу, поскольку боюсь потерять, — честно ответила я. — К слову, эта самая совесть в моем ремесле — вещь не то что ненужная, а, скажем так, рьяно мешающая продвижению по службе.

— И что же за ремесло? — с прищуром осведомился шкура. Он даже подался вперед.

С таким его рвением еще два шага — и я упрусь носом в грудь оборотня.

— Я сплетничаю за деньги, — попыталась охарактеризовать свою профессию коротко и точно, и лишь потом спохватилась, что вроде как Брок у я говорила, что не могу ничего рассказать о себе. Впрочем, дракон, если и заметил, то вида не подал, зато Йон поперхнулся на вдохе. Прокашлявшись, недоверчиво спросил:

— За это еще и платят?

Не успела просветить оборотня по поводу тарифов на нервную читательскую дрожь, как дракон перебил:

— Выходит, ты у нас мастерица словеса плести? — обманчиво

спокойно начал он. — Получается, и слова клятвы подобрала да нанизала, словно бусины на нить, чтобы нельзя было подкопаться?

Я лишь смущенно улыбнулась с самым невинным выражением на морде лица: дескать, не я такая, а обстоятельства вынудили. Йон в сердцах сплюнул, а дракон, словно подводя черту, со вздохом произнес:

— Как видишь, побратим, со спасением ты слегка опоздал. Я умудрился вляпаться хуже некуда. Не хочу еще и тебя с собой утянуть.

— Ты вежливо намекаешь, что мне стоит развернуться и, поджав хвост, потрусить в кусты? — понимающе протянул Йон.

— Я не это имел в виду, — посуровел Брок.

— Но сказал то, что сказал, — отрезал оборотень. — И хорошего же ты мнения о побратиме, если думаешь, что я брошу тебя на растерзание этой рыжей заразе.

Я про себя аж поперхнулась: то есть, по логике хвостатого, я еще и виновата?

— Значит, не уйдешь? — обреченно уточнил Брок.

— А ты меня во время боя под Льдистыми пиками бросил? То-то же! — хмыкнув, Йон окатил меня презрительным взглядом и выдал: — Но если и не смогу спасти тебя, то хоть отомщу. Я-то этой рыжей никаких клятв не давал.

— Да сдались мне твои клятвы, перевертыш! — Я тоже не осталась в долгу.

Наши взгляды сошлись, как клинки на дуэли. Выпад. Туше. Безмолвный поединок, в котором ни один не намерен уступать.

Не знаю, сколько бы это длилось, если бы не заголосила желна. Я вздрогнула. Йон скривил губы.

— И все же я не верю тому, что ты не Раана, — процедил упрямо.

— Я не она!

Оборотень сделал проклятые два шага. Я инстинктивно отпрянула и вжалась спиной в ствол. Злой взгляд голубых глаз, что сейчас стали и вовсе кобальтового оттенка, сжатые в нитку бескровные губы, белые скулы — все в блохастом говорило о том, насколько теплые чувства он ко мне испытывает.

Йон сжал кулак и ударил резко, без замаха. Я, за мгновение до этого успевшая втянуть голову в плечи, зажмуриться и сжаться, почувствовала, как на макушку посыпалась кора.

Глаза открывала медленно и по одному. Успела увидеть удаляющуюся широкую прямую спину.

Мне захотелось закричать, что эта самая Раана уже давно мертва. Но

смысл? Все равно ведь не поверит. Перед глазами встала картина девушки в мужском наряде, чью грудь пробил навывлет стрела.

— Тебе стоит переодеться, — из омота воспоминаний меня выдернул голос Брока.

— Скажи, ты тоже веришь, что я Раана? — спросила и сама пожалела. А вдруг в ответ прозвучит короткое «да»?

— Йон горяч, он привык делить мир на черное и белое, на друзей и врагов. — Брок начал издали, и я утвердилась в мысли, что он, как и побратим, считает меня хладнокровной стервой. — Скажем так, я не определился до конца: мне почему-то кажется, что ты не кнесса, хотя печать равнинников на твоей шее — прямое свидетельство обратного.

— А что, если она и вправду не моя? Почему ее не могли просто мне передать? Ты же шипел ей что-то... — Я закусила губу, чтобы не сорваться на банальную истерику — закономерный итог всего пережитого. «Нельзя терять голову под натиском эмоций. Только не сейчас. Не время. Не место». Дала сама себе мысленное наставление, как затрецину.

— Печать — всего лишь артефакт, а не живое существо.

— Тогда почему она стала живой?

— Не знаю, — честно ответил Брок. — Возможно, ты напомнила ей о причине, по которой она оказалась у тебя. Может, она почувствовала угрозу. А иногда... печати просто просыпаются и ведут себя самовольно. Если не чувствуют сильной хозяйской руки.

— Ты о них, о печатях, столько знаешь. — Меня озарила догадка. — Носил такую же?

Простой вопрос. А показалось — воздух вокруг заledenел. Брок стал холодным и далеким.

— Довелось, — отрезал он и сменил тему. — Одевайся. Йон скоро остынет и придет. А мы за разговорами и так много времени потеряли.

Я почувствовала себя до жути неуютно, но все же подхватила свои вещи, лежавшие рядом с костром. Однако перед тем как уйти за куст, глянула на тот ствол. Там, чуть выше моей головы, красовалась вмятина, расписанная каплями крови.

Переодевалась в зарослях, которым была отведена почетная роль ширмы. Когда вышла из своего укрытия, ни Брока, ни бурдюка у костра уже не было.

Покачала головой: его умение бесшумно передвигаться когда-нибудь доведет меня до инфаркта. Пока же я, предоставленная сама себе, аккуратно сложила развешанные накануне на просушку вещи, причесалась и села ждать.

Первым пришел Йон. Как и предсказывал Брок — остывший. Во всяком случае, убивать меня сразу он уже не хотел... Скорее уж отравить по-тихому, с невозмутимой миной.

— Учти, Раана... Или все же Лекса? — Мое настоящее имя он выдавил из себя, как эскулап — гной из фурункула. — Я буду за тобой следить. И если с Броком что-то случится, то тебя, последнюю сволочь, я убью без сожаления.

— Начнем с того, что я не последняя сволочь, за мной как минимум уже трое занимали, — вздернула подбородок и сощурила глаза.

Провоцировала. Специально. Не от излишней дури — от подобного добра я старательно избавлялась, а моя жизнь этому лишь потворствовала — а для того, чтобы понять: приступ гнева — это редкий случай, когда оборотень не сдержался, или вспыльчивость — его кредо? Чем руководствуется Йон: рассудком или чувствами? На что опираться, чтобы добиться нужного результата? Здравомысленно рассудила: лучше провести тестирование сейчас, пока Брок поблизости.

Оборотень скривил губы в усмешке. Что же, исчерпывающий ответ. Сдержался. Не поддался. Уже хорошо.

Решила попробовать выложить блохастому против ненависти голые факты:

— Послушай, хватит клацать на меня клыками. В твоих догадках я могу быть кем угодно, но на деле — это я спасла твоего побратима. Освободила из клетки, в которой его везли на казнь. Я, а не ты. И не тебе меня судить. А что до нашего с Броком уговора... Он жив, здоров и свободен. Разве это не важнее каких-то слов?

Глаза Йона опасно блеснули, верхняя губа приподнялась, обнажая клыки. А я вдруг поняла, отчего еще недавно бесновался оборотень: он не мог себе простить того, что опоздал. Что не просто какая-то девка, а дочь его врага, невеста его врага, сделала то, что должен был сделать он, побратим. Да к тому же накинула удавку на шею того, кто был ему дорог. И все из-за того, что он, Йон, проиграл в гонке со временем чуть больше суток.

Он корил себя, а сорвался на мне.

— Знаешь, когда враги не по зубам, их едят взглядами и словами, — заявила я, щедро разбавив собственный тон спокойствием: ни намек на провокацию. — Плохо, когда ты можешь достать своего противника лишь в разговорах, но вдвойне хуже, когда ты считаешь своим врагом себя. — Я говорила и неотрывно смотрела на Йона. — Прими: что случилось, то случилось.

Оборотень, до этого нависавший надо мной, присел на корточки. Наши глаза оказались на одном уровне.

— Кто ты?

На мгновение захотелось рассказать этому странному опасному собеседнику всю правду, но потом представила, как будут звучать мои слова. Вы обознались, я не кнесса, а мимо проходила, и вообще из другого мира. Печать? Случайно переползла.

Да я бы сама не поверила в подобный бред. Версия оборотня выглядела гораздо логичнее. Проще предположить, что я и вправду кнесса, просто хорошая лицедейка.

Как итог: подозрения Йона окажутся крайне правдоподобными, а мои оправдания — весьма подозрительными. Но даже не это было главным. Все решил страх. Слишком уж свежи оказались первые впечатления. Если мир, в котором я очутилась, легко перемалывает своих детей, то что он делает с чужими?

Потому и ответила я в лучших традициях зеркала:

— А разве у тебя есть сомнения?

Но ответ Йона меня удивил.

— Теперь есть. Тебе явно не четырнадцать, как кнессе Раане, — слишком хорошо знаешь, что и когда сказать. С таким даром не рождаются, его можно лишь приобрести, набив собственные шишки, — с непонятной досадой заявил оборотень и добавил: — Твое умение прощупывать почву, когда ты начинаешь думать, я оценил.

— Я твою выдержку тоже, — вернула блохастому сомнительный комплимент.

Йон хмыкнул и протянул открытую ладонь:

— Мира не обещаю, но постараюсь не убивать.

— Тебе никто не говорил, что парламентар из тебя никудышный? — Я пожалала руку оборотню.

— Ни разу. Скорее уверяли в обратном. Знаешь ли, я придерживаюсь принципа: стальной клинок, приставленный к горлу противника, — лучший способ вести дипломатические переговоры. — Йон нагло улыбнулся, не отпуская моей ладони.

Вышедший из кустов Брок так и застал нас пожимающими друг другу руки. Дракон, принесший полный бурдюк воды, при виде столь разительной картины саркастически изогнул бровь и уточнил, обращаясь исключительно к Йону:

— Остыл?

— Я тебе горячий чай, что ли, чтобы остывать? — незлобно отшутился

оборотень.

— Главное, что не труп, — не остался в долгу дракон.

С приходом Брока сборы в дорогу закончились в рекордно быстрые сроки: ящер подхватил мой куль, из которого я успела достать диктофон и перевесить себе на шею (благо декоративный шнурок, выдернутый из рюкзачка, это позволял). Йон тоже перекинул через плечо свою поклажу. Мне же торжественно вручили котелок и бурдюк.

Первый задорно бряцал. Во втором вода весело плескалась в такт шагам. Комарье пицало над ухом изумительную музыку для релаксации. Лишь мы трое молчали, причем не от злости или иных жгучих чувств. Все куда банальнее: когда активно работаешь ногами, еще и открывать рот, в который норовит залететь мошкара, — удовольствие из разряда извращений.

Зато под подошвами то и дело хлюпало, чавкало и всячески намекало, что земля становится все более богатой на влагу. Вспомнился и вчерашний болотник, от которого остались весьма пресные (за неимением такой ценной специи, как соль) воспоминания.

Над головой пару раз проплыли твердыни. Я от них уже не шарахалась, но все же умеренно опасалась. Солнце стояло в зените, когда я не выдержала:

— Может, остановимся? Воды попьем, а то так есть хочется, что думаю, куда бы отдохнуть присесть...

Оборотень на мое заявление с деланным сочувствием уточнил:

— Еще немного пройдем — и у тебя будет возможность осуществить все твои мечты. И сядешь, и отдохнешь, и закусишь. Ну или тобой закусят. Это как повезет. Но за отменное качество трясины я ручаюсь. Она мягкая, влажная... Могу лично тебя в нее посадить.

Я всегда считала, что послать — это тактика. Послать туда, куда надо — стратегия. Послать туда, куда надо, того, кого надо — это талант. Мой талант был изначально с анатомическим уклоном, но в силу выбранной профессии не только достиг небывалых лингвистических высот, но и приобрел навык весьма недурственно маскироваться под милую беседу:

— Ты так убедительно описываешь и расхваливаешь эту лужу... Чувствуется, не раз сам в ней сидел?

— Не сидел, а отсиживался, — сдал побратима Брок.

Вроде бы простая фраза, но за ней чувствовалась целая история, известная лишь им двоим. Оборотень нагло усмехнулся: дескать, не было подобного. Дракон понимающе хмыкнул. Но если побратимов волновали дела минувших дней, то меня — насущная необходимость.

— Ну так как насчет привала? — уточнила я.

— Хорошо. Давай вон там остановимся. — Брок кивнул чуть вбок, указывая на подобие полянки.

Расположились без особого комфорта, но хотя бы сели. Я по праву дамы и просто как самая шустрая облюбовала единственный пенек. Брок с Йоном хоть и изображали, что этот привал им и за доплату не нужен, но продемонстрировали поистине драконий аппетит. От болотника остались одни косточки. Я же в основном налегала на воду.

Отхлебнув в очередной раз, услышала шуршание в кустах. Насторожившись, спросила у спутников, не мерещится ли мне? Брок спокойно пожал плечами и заверил, что это ерунда, Йон же меня поддел: дескать, я своих родственников не признаю.

О каких именно родичах идет речь, я узнала через минуту, когда из кустов высунулась лисья морда. Рыжая была с колтунами в шерсти, грязна, тоща и жутко голодна, а оттого бесстрашна. Или, может, просто зверье здесь непуганое?

Но, так или иначе, лиса вышла из укрытия и, перебирая лапами, уставилась голодными глазами на оборотня. Видать, почуяла в шкуре ближнего.

— Йон, кажется, ты ей больше родственник, чем я, — поддела блохастого.

— Это смотря чем мерить, — не сдался перевертыш. — В наглости и хитрости даже ей с тобой не сравниться.

— Приму за комплимент, — отвесила я шутовской поклон.

То ли вправду Йон питал к рыжей подобие чувства солидарности, то ли просто решил, что мосол уже и так обглодан, но кинул подачку просительнице.

Лиса негромко тьякнула, однако и не подумала тащить добычу куда подальше, а сразу же начала точить об нее зубы. Может, просто решила, что ей еще что-то перепадет от щедрот пришлых?

Мы же, увы, засобирались и надежд рыжей не оправдали. Вот только настойчивый гул, что шел со стороны болот, заставил меня нахмуриться. Спросить у Брока, что это? Или опять нарвусь на насмешки?

Я не успела додумать мысль, как дракон одним прыжком кинулся на меня и повалил на землю. Над нами что-то просвистело, пройдясь по касательной вдоль спины ящера.

Я повернула голову, чтобы увидеть здоровенный огненный шар, который, описав дугу, развернулся и опять понесся на нас.

Брок поступил совершенно не по-джентльменски: скатился с меня, да

еще и толкнул в бок. Так, что я на манер отлетевшего колеса пропахала пару метров, припечатываясь к земле то лопатками, то грудью.

Но не успела остановиться, поприветствовав спиной осиновый ствол, как ровно на то место, где мы с Броком секунду назад изображали бутерброд, врезался фаер. Прелая листва под ним тут же обуглилась, в нос ударил запах гари. А ведь там могла оказаться я.

Огненный шар завертелся на бешеной скорости вокруг своей оси и свечкой взмыл вверх. Застыл выше крон, будто выбирал жертву, а потом полетел прямо на меня.

— Прикрой ее! — бросил Брок, резко вскакивая на ноги.

В тот раз, у клетки, я не видела, как дракон перевоплощался. Да и я с незаконно прихваченным вертелом была озабочена слегка другим. Но сейчас прямо у меня на глазах черты Брока смазались, а его тело окутала мгла, которая расширилась и уплотнилась за доли секунды.

Однако все это я увидела смазанно: тяжело что-то детально рассмотреть, когда тебя хватают за шкуру, ставят на ноги, а потом кричат: «Не высовывайся!» Сам Йон в одной руке держал акинак, походивший на удлиненный кинжал, этакий пробник рыцарского меча, во второй — плащ, и размахивал им подобно тореадору. И как только блохастый столь быстро сумел достать свое оружие из поклажи?

Происходившее на поляне видела урывками. Желания высунуться из-за широкой и ставшей в тот миг надежной и родной спины Йона я у себя не припомню.

Брок расправил крылья, оттолкнулся, словно хотел взлететь, но не смог и плюнул в огненный шар струей пламени из глотки. Фаербол замедлился, чуть сменил траекторию, но все же неумолимо двинулся туда, где еще недавно была я.

А теперь там стоял Йон. Оборотень вскинул плащ ровно в ту секунду, когда шар завис в метре от него, словно ловил пламя в сети. Добротная ткань вспыхнула, но прежде чем опала пеплом, перевертыш сумел раскрутить ее на манер пращи.

Фаербол отлетел в сторону, и Брок тут же начал отчаянно поливать его струей огня. Шар уменьшился в размерах, но от этого, казалось, только набрал прыти.

Сгусток живого пламени вырвался из-под лавины огня дракона и вновь устремился на оборотня. Вернее, на меня. Йон был лишь досадной помехой. Я инстинктивно отпрянула в сторону, фаербол вильнул и в последний миг насадился на острие клинка.

Будь шар чуть больше, прошел бы сквозь сталь и сжег руку ловца, а

так у оборотня было мгновение на то, чтобы наотмашь запустить свою добычу вместе с клинком в морду дракона.

Брок вновь открыл пасть, в которой уже зарождалось пламя, и не хуже дрессированной собаки сожрал фаербол. Правда, почти сразу выплюнул. На землю упали капли расплавленного металла, а фаербол, превратившийся в огненную пчелу, был изжарен драконьим пламенем на подлете.

На поляну опустилась вязкая, давящая тишина. Единственное счастье — она оказалась недолгой. Дракон закашлялся и сплюнул на землю вязкую жижу, что еще недавно являлась добротным мечом. Потом ящер начал менять очертания.

Позади тьякнула лиса. Оборотень резко развернулся на звук. Рыжая стояла чуть поодаль. Не отпрыгни я в сторону, эта попрошайка оказалась бы ровно за моей спиной. А так получилось, что Йон, беря на острие меча фаербол, защитил не меня, а лисицу. Последняя же, словно в полной мере осознала, кому обязана отсутствием подпалин на своей шкуре, смотрела на своего спасителя влюбленными глазами.

Вильнув хвостом, она схватила мосол и чуть вихляющей походкой двинулась к оборотню. Последние несколько шагов рыжая и вовсе проползла почти на брюхе и отдала Йону самое ценное, что водилось за лисьей душой, — почти необглоданную косточку.

Но Патрикеевне и этого показалось мало, она зажмурилась и начала тереться носом о голенище сапога оборотня.

Я же поняла — это чистая и ничем не замутненная любовь. Да и как не влюбиться в того, кто не только накормил, но и спас твою жизнь, причем бескорыстно? Пусть и нечаянно стал избавителем.

Кажется, до Йона тоже — медленно, но верно начало доходить, что теперь у него появилась четырехногая фанатка.

Вот только стон Брока отвлек нас с оборотнем от созерцания лисьих благодарностей. Дракон дымился, и это не было преувеличением. Рубаха на Брое практически сгорела дотла, штаны радовали проплешинами в самых неожиданных местах, а на спине красовался здоровенный свежий ожог. Не иначе его оставил фаербол, мазнув по хребту ящера, когда тот прикрыл меня.

— Кто-то говорил, что ее надо лишь проводить, и даже шкурой riskовать не придется? — сдерживая очередной стон и шипя сквозь стиснутые зубы, спросил дракон. — Тогда как ты объяснишь то, что неизвестный чернокнижник заплатил жизнью юной девы, чтобы вызвать вромуса?

Отчего-то я без дополнительных пояснений поняла, что вромус — и есть огненный шар, который так жаждал меня зажарить.

В горле враз пересохло. Наступил один из тех редких моментов, когда я не знала, что сказать. В голове воцарилась звенящая пустота. Зато у Йона слова нашлись за всех.

— Брок, «что», «как» и «почему» я у этой заразы потом точно визнаю. Если надо — с особым пристрастием. — Голос оборотня был спокоен до звенящего напряжения. — Но сейчас лучше скажи: ты сам как?

— Все отлично, — заверил дракон и, покачнувшись, начал падать, теряя сознание.

Подхватили мы Брока почти одновременно: я — в силу того, что стояла чуть ближе, оборотень — благодаря отменной реакции и быстрым ногам.

— Аккуратнее, аккуратнее. На живот клади, вот так, — руководил моими действиями Йон.

Фаербол, чиркнувший дракона по хребту, сжег кожу практически на половине спины, обуглив ее до мяса. От вида запекшейся крови меня замутило. Сцепила зубы.

Пока сдирала остатки рубахи, старалась лихорадочно вспомнить все, что знаю об ожогах. И хотя была далеко не врачом, даже мне стало ясно: без медицинской помощи человек с такими травмами не выживет. А Брок хоть и дракон, но кто его знает...

— Эй, побратим, давай держись. — Слова звучали скорее как приказ. А потом уже мне: — Надо промыть, обработать и перевязать.

Я подняла голову, оглянулась. Захотелось грязно выругаться:

— Нечем.

— Как нечем? — Йон осекся, он тоже только сейчас увидел, во что превратились все наши вещи.

В огненной схватке выжил только котелок. Две кучки пепла — вот что осталось от моей поклажи и вещей Йона.

— Стригой тебя раздери! — в сердцах воскликнул оборотень, ни к кому не обращаясь, но я отчего-то почувствовала себя конкретным адресатом этого пожелания.

Оборотень поднялся с колен, выдохнул, словно что-то решая, и скомандовал:

— Пошли!

Я опешила.

— Но как же...

— Здесь в полудне пути Барсучья падь. Там можно найти помощь. —

В голосе Йона слышалось сомнение.

— Так зачем мне идти? Я только замедлю ход. Обернись волком — и уже к полудню будешь здесь с подводой.

— Не уверен, что сам смогу договориться. В пади не любят чужаков. Да к тому же местный маг может распознать во мне оборотня. Этот старик помешан на охранных амулетах, везде в селении их развесил. А ты одна дороги не найдешь...

Судя по всему, Йону уже доводилось сталкиваться с сим магом, а может, и не раз. К тому же Брок говорил про «отсиживаться»... Видимо, не столь незнакомы перевертышу места, в которых мы оказались.

— Тогда потащили, — внесла я предложение.

— Ты с виду такая хрупкая, — с сомнением уточнил Йон. — Выдержишь?

— Слушай, я выдержала дрянной характер своего начальника, а хуже его мало что найдется. Поэтому носилки уж точно смогу нести.

По лицу оборотня было видно: мое предложение ему не очень нравится, но оно оказалось единственно возможным.

Носилки Йон сделал быстро: орасины по бокам, ветки потоньше — на перекладины, сверху — лапник. На эту конструкцию и переложили Брока.

Уже через сотню шагов руки начало тянуть, через километр я не чувствовала пальцев. Спустя час все, что ниже локтя, казалось инородным придатком к моему телу. Спину ломило, ноги еле сгибались, но я продолжала упрямо идти. И это притом, что основная тяжесть легла на Йона.

Брок то приходил в себя, то проваливался в бред. Кажется, у него даже началась лихорадка. Дракона иногда потряхивало.

— Слушай, а что такое «вромус»? — задала я вопрос оборотню, чей затылок маячил передо мной всю дорогу.

— А ты не знаешь? — в тон мне, правда, не пыхтя при этом, как беременная ежиха, ответил перевертыш.

— Если бы знала, думаешь, спрашивала бы?

— Ну кто тебя поймет.

— И все же. — Когда надо, я могу быть настырной.

Йону от моей жажды знаний некуда было деваться. Нас с оборотнем в прямом смысле слова многое связывало: мы держали носилки с Броком. Мне же, чтобы ориентироваться в здешней среде, почти законченного высшего образования оказалось мало. Вернее, оно было столь же актуально, как радиаторы отопления в Зимбабве или морозильник в Антарктиде. Гораздо ценнее оказалось иное качество —

сообразительность.

Йон понял, что проще отцепить уже впившегося в кожу клеща, чем приставучую меня, поэтому решил откупиться малой кровью и ответил:

— Вромус — это не просто сгусток огня. Это ищейка, что идет по следу жертвы с одной лишь целью — убить. По сути — это низший демон, призванный из нижнего мира. Правда, обряд считается сложным и долгим. К тому же требуется жертва. Ради того, чтобы убить тебя, кого-то мучили четыре дня. Скорее всего — невинную деву, что лежала, истекая кровью на алтаре чернокнижника, и медленно умирала. Довольна?

— Нет. — Меня передернуло.

— А вот теперь ты мне ответь: зачем кому-то проводить столь сложный обряд? Не проще ли было найти наемников, которые просто отсекут тебе голову? — спросил Йон, развернувшись ко мне вполоборота.

— Может, эти кто-то уже пытались. И им это отчасти удалось.

— Это как?

И я решила все рассказать, но тут Брок застонал, а по его коже пробежали искры.

— Йо-о-он... — в одном коротком слове сплелись воедино и тревога, и неверие, и отчаяние.

Оборотень обернулся и, скомандовав: «Кладем!» — бережно опустил носилки.

Склонившись над Броком, который посмотрел на нас мутным взглядом, оборотень зло выдал:

— Торопиться сдохнуть? Вслед за Марной решил сигануть?

— Не смей... так... о ней. — Дракон разлепил пересохшие губы. Слова давались ему через силу, но, как ни странно, свечение начало угасать. Будто блохастый умудрился так зацепить его на этом свете крючком из стали и злобы, что Броку было с него не сорваться. — Ее убили, но, пока я за Марну не отомщу, подышать не намерен.

— Сейчас твои действия говорят об обратном. Ты отрекся от титула, как одержимый, всегда рвался в бой, подставился, поперся туда, где тебя поджидал жнец смерти, а сейчас и вовсе норовишь сдохнуть. Вот уже и силу оборота начал отпускать, она светится, рвется наружу... — Йон говорил холодно и зло. — Ну же, убеди, что и тут я не прав.

— Убедить? — в тон ему спросил Брок.

— Да, убеди. Хотя бы подожди и не отдавай концы до Барсучьей пади.

— Там люди, — процедил Брок.

— И что, что люди. Да, ты их ненавидишь. Но у нас даже перевязать тебя нечем. А твоя хваленая драконья способность к регенерации

бессильна против демонского огня.

Йон в своей речи был весьма экспрессивен. Настолько, что лично мне перечить ни капли не хотелось. Но не только я и Брок прониклись ораторским искусством оборотня. Лисица, о которой мы успели забыть, торжественно твякнула из-за кустов в знак поддержки своего любимого мужчины и гордо вышла вперед, раздвинув ветви. Села, положила лапы перед собой, облизнула морду и преданным взглядом уставилась на Йона.

Он, опешив, — на нее. Потом покачал головой и топнул: уйди, неразумная. Рыжая ни капли не обиделась, лишь склонила голову набок.

Оборотень недовольно хмыкнул и раздосадованно бросил уже мне:

— Пошли, пока Брок помирать передумал.

А я что? Я ничего. Сказано: «На подвиг!» — значит, иду и совершаю. В смысле — взяла носилки и пошла.

Наш прерванный разговор так и не возобновился. Я все бдела, чтобы Брок не повторил свой трюк «а-ля светодиод закоротило». Йон сосредоточенно прокладывал кратчайший путь и постоянно принохивался.

Зато когда солнце начало клониться к закату, руки не чувствовали уже ничего, а сама я напоминала себе свежеподнятого зомби, мы вышли к околотку.

Три десятка дворов, мычание коров и бляение коз. Боров, оккупировавший лужу и державший в ней круговую оборону от детворы, что норовила потыкать в него палками с криками: «Дракон, дракон!» Все это — балка, до которой мы наконец-то добрались!

От воплей ребятни Брок, лежавший на носилках, приоткрыл глаза.

— Так, где тут твой маг, которого надо опасаться? — задала я самый насущный вопрос.

Йон повертел головой. Затем помотал, словно увидел призрака. А потом растерянно произнес:

— Я ни одной охранки не чую. Совсем.

Я была ни в зуб ногой в местной системе охранных сигнализаций модели «амулет — висюлька обыкновенная», потому предположила очевидное:

— Может, их не существовало? Или убрали?

— Точно были. Они мне тогда шкуру знатно потрепали. Но от них за версту загривок начинает зудеть. А тут — ничего. Вообще.

— Брок, ты что-нибудь чувствуешь?

— Нет, — тоном «только отстаньте» прошипел ящер. — Но они на драконов и не рассчитаны. Знаешь ли, нас в истинной ипостаси тяжело не заметить. А вот от оборотней, волколаков, вампиров и иной нечисти

должны быть.

— В том-то и дело, что я их не чую... — растерянно пробормотал сбитый с толку Йон.

— Пошли тогда, — присвоила я себе коронную реплику блохастого.

ГЛАВА 5, она же вопрос пятый: — Вы часто лжете?

Оборотень замешкался.

— Лекса, — по тону стало понятно: просить шкура не привык, — хоть охранок я и не чую, но все же не стоит рисковать. Если селяне поймут, что я оборотень, нас всех поднимут на вилы...

Я прикинула: смогу ли дотащить Брока одна? Увы, останавливать коня на скаку и совершать подобные героические вещи — не мой профиль. Я не настолько сильная. Но кто сказал, что ум не позволит мне править скачущими лошадьми? В смысле, запудрить мозги?

— А если бы мы оставили Брока в лесу и я одна пошла к селянам договариваться? — решила расставить все точки над «ё».

— Да, — тут же согласился оборотень.

— Спасибо, конечно, за столь высокое мнение о моем таланте убеждать, но боюсь, что лестью ты не отделаешься. Понесли. А если почувешь охранки — кладешь носилки и драпаешь со всех ног. Главное — не лап. Договорились?

— А ты и Брок...

— За нас не переживай, я выкручусь.

— Да я уже понял, что лгать ты не любитель. Лгать ты профессионал! — Йон не удержался от подколки. — Главное, когда будешь оправдываться, не пытайся врать по мелочам, все равно собьешься на крупный обман.

— Ну должна же я в чем-то быть мастером?

После такого дружеского обмена любезностями мы двинулись к селению.

Лиса на меня недобро глянула, фыркнула, развернулась, махнула на прощанье рыжим облезлым хвостом и скрылась в кустах. Судя по всему, не хотела идти в деревню. Может, у нее, как и у оборотня, с обитателями балки были свои счеты, причем не в ее пользу? Кто знает...

Йон вздохнул с облегчением. Видимо, обрадовался, что «фанатка» от него отстала. Как по мне, шкура был в этом вопросе наивный. Влюбленные женщины, пусть и с лисьим хвостом, так просто не сдаются. Однако перевертыш сей простой истины не ведал. Не знал, но, судя по лисьему настрою, еще постигнет.

Мы дошли до околицы. Детвора при виде нас замерла, а потом горохом покатила по дворам — прятаться за свои калитки и заборы. Две бабы у колодца, оставив ведра, хоть и не пустились бежать, но смотрели внимательно и настороженно.

Я уже приготовилась просить помощи, когда откуда-то с крыльца одного из домов степенно вышел мужик. Окладистая белая борода, очелье, вышитая красной нитью рубаха беленого льна — все это выдавало в нем не последнего по здешним меркам человека.

Крост — как выяснилось чуть позже, именно так звали старосту — зыркнул на нас из-под своих белых кустистых бровей. Убедившись, что в деревню вошел не военный отряд, перед которым надобно лебезить (а иначе воины без спроса могут взять, что пожелают), будто выдохнул про себя. С мирными путниками, да еще и с раненым на носилках, спину можно не гнуть. Потому староста сварливо осведомился:

— Чего надуть-то, пришлые?

Краем глаза я заметила: Йон сглотнул, вцепившись взглядом в бирюльку, что висела на шее Кроста. Тело оборотня напряглось, и стало понятно, что перевертыш сейчас не лучшая кандидатура в дипломаты.

— Доброго вечера и здравия, — вспомнила азы этикета. Понятия не имела, как здесь принято здороваться, но решила, что нести разумное, доброе и вечное, а точнее — чушь, стоит все же вежливо. — Надо помощи и ночлега.

— С больным? Ночлега? Мы вас пустим, а вы хворь по всей балке разнесете, — бранчливо выдал староста.

Йон уже готов был оскалиться и показать всем желающим кошмар коммерческого стоматолога — ряд ровных белых зубов без пульпита (с такими клиентами ни копейки за лечение не слупишь и пойдешь по миру), когда я уловила в тоне Кроста знакомые ноты. Эти звуки не поддаются никакому анализу. Их может пропустить слух самого виртуозного музыканта, но никогда не проигнорирует ухо потомственного торгаша или ребенка улиц. Это ноты торга. С них начинается увертюра любой продажи, любого договора.

Несмотря на важный и степенный вид, Крост в душе был отъявленным евреем с украинскими корнями и вкраплениями дальней кавказской родни. В смысле: не только умел использовать выгодные обстоятельства, как всякий умный человек, но и, как опытный аксакал торгов, мог сам создавать благоприятное для него положение вещей.

— Не с больным, — начала я ожидаемо, — а с ожогом. Или раны уже стали передаваться как моровое поветрие? — И, чтобы закрепить успех,

осторожно начала опускать носилки.

Йон, пусть не сразу, но сообразил, что от него требуется.

Едва дракон оказался на земле, я подошла поближе к старосте. Заодно загородила от Кроста оборотня.

Бургомистр местного розлива огладил бороду, подбоченился и всем видом показал, что таки вступил в торг.

— Смотри где. На войне, что недавно отгремела, это была самая заразная болезнь. А ваш-то увечный как сумел спины лишиться? — внимательно разглядывая Брока, спросил Крост.

— Он не увечный, — почти прорычал Йон, но дружеский тычок острым локтем заставил перевертыша стать умнее хотя бы визуально и замолчать.

— Мой друг прав. — От последнего слова шкура чуть не поперхнулся: в кои-то веки я с ним согласилась! — Наш побратим... — с моей легкой руки дракон обзавелся еще и названной сестрой! — не увечный. Его тяжело ранило, когда он бился с драконом. Посмотрите на ожоги. Разве такие может оставить факел? Нет, только драконье пламя! Если бы не отвага Брока, вашу деревеньку сейчас поливал бы огнем крылатый ящер.

От моей пламенной речи селяне впечатлились. Но Крост, сморчок старый, на то и был главой деревни, чтобы извлечь максимальную выгоду и для себя, и для всей балки. У нас беда, но мы ведь пришлые, не свои.

— Что могло случиться, да не произошло — про то нам неизвестно. Мож ентот ваш дракон и вовсе мимо прошел бы, не тронув балку. Поэтому, ежели побратим ваш бока обжег — так это лишь его собственная вина, и благодарностей не ждите. А вот если бы обгоревший драконоборец ведьмаком оказался да согласился нам упыря упокоить, шо в лесу честному люду ступить не дает, — тогда бы другой коленкор пошел...

Все, намек понятен. Берем не деньгами, а борзыми щенками. Йон, который уже и без акинака готовился с голыми руками приступить к своему любимому способу ведения переговоров, оттеснив меня, шагнул вперед, но я, руководствуясь принципом «была не была», радостно сообщила:

— Так у нас и ведьмак есть! Вот он, — и с гордостью указала на оборотня жестом менеджера, представляющего хит продаж.

Йон закашлялся. Похоже, ему еще ни разу не доводилось представляться тем, кто, собственно, с ним и должен был бороться. Я же решила закрепить успех, а случись что — и обеспечить перевертышу путь к отступлению:

— Он у нас очень опытный... кхм... борец с нечистью, а главное — за дело радеет. Если учует какого гуля или упыря — сразу несется его

истреблять. Иногда — прямо с места.

— С сеновала, что ли? — уточнил кто-то языкастый из незаметно собравшейся толпы.

Судя по всему, жители решили: раз уж староста беседу ведет, значит, и остальным селянам бояться не след. Вот, подзуживаемые любопытством, подтянулись и ребятня, и старики, и бабье с мужиками.

— Что-то мне лицо этого борца с нечистью чересчур знакомо... Был тут у нас один такой — пять лет назад на Ночь Сейринк столько девок перепортил... Его потом наше мужичье дубинами грозило отходить по хребту, чтоб этот шустрый встать не мог, а он, собака, утек.

— Действительно собака, — согласилась я. — Да еще какая.

Сама «собака» больше не порывалась придушить старосту, а скромно стояла рядом.

— Но это точно не он. Знаменитый ведьмак Йонек Неустрашимый. — Я, подобно опытному пластическому хирургу, нарастила оборотню имя и добавила почти натуральное прозвище. — Пять лет назад постигал азы усекновения упырей и оборотней высоко в горах у отшельника... — сочиняла я хоть и на ходу, но вдохновенно.

Даже шкура слушал, приоткрыв рот. Правда, во время моего спича нервно дергал глазом и сжимал кулаки. Но наверняка он просто сильно впечатлился. И все же, когда я закончила свою рекламную кампанию, первым подал голос Йон. Хриплые звуки, вырвавшиеся из его горла, слегка напомнили рычание, но, как ни странно, толпа этого не заметила.

— Вроде в вашей балке должен быть маг? Отчего же он упыря не усмирит? Что вы вместо того, чтобы помочь, пришлых людей пытаете? — спросил оборотень.

Я чуть не взвыла! Все переговоры псу под хвост. Правдуроб блохастый!

Староста насупился, но вовсе не оттого, что его устыдили в попании обычаев гостеприимства и оказании помощи ближнему, а оттого, что попался столь упертый ведьмак.

Я, наступив пяткой на ногу Йона, на ультразвуке, так, чтобы лишь шкура услышал, зашипела:

— Слушай, не мешай старику думать, что он отхватит свой гешефт. Мы сейчас по-быстренькому обманем друг друга и будем считать сие выгодной сделкой. Брок же получит все, что нужно, а не протекающую крышу в сарае.

Оборотень, сцепив клыки, замолчал. Его выразительный взгляд, полный гнева и раздражения, был красноречивее всяких слов:

договаривайся сама. Староста, видевший наш обмен любезностями, но не услышавший ни слова, понял, что торг нужно вести со мной. Потому, отвечая на вопрос Йона, старательно глазел на одну рыжую.

— Должен. А нетуть! — выразительно развел руками Крост. — Наш маг, упокой, Многоликий, его душу, преставился аккурат на праздник Пуляла-Козопаса, когда скотину по весне со двора первый раз на выпас выводят, и некому нас от нечисти защитить...

— Значит, если мы упокоим вашего упыря, то... — Я выразительно замолчала.

— То у нас и ночлег хороший есть. Изба большая, печь теплая, да и для дракоборца вашего, в бою неравном раны получившего, все, что надо, сыщется, — подхватил староста, тут же переименовав «увечного» в «героя».

— Деньги, в смысле, все перечисленное, вперед. Нам помощь срочно нужна, а не опосля. — Вот сейчас, когда Крост уже возрадовался удачной сделке, можно и свои условия поставить. А то этот хитрец наверняка не одну золотую монету на почти дармовом «ведьмаке» сэкономил.

— Хорошо, — слегка недовольно протянул староста и добавил: — А госпожа колдовка не обманет?

Я нахмурилась, да так выразительно, что Крост, почуяв, что сказал что-то не то, поспешил пояснить:

— Ну вы же, госпожа, ведьма? Не поверю иному. Дракоборцы и ведьмаки, всяко известно, для своих подвигов ведьминой помощью заручаются. А тут сразу двое... Вот я и решил. Опять же волос рыжий, язык острый.

— Вы правильно решили. Лекса — суцая ведьма, — хлопнув меня по плечу, припечатал шкура.

— Так не обманете? — гнул свое староста.

— Честное ведьминское, — заверила я его, памятуя о клятвенных словах в этом мире. — Не обману. Зуб даю, — и закончила, мстительно указав на оборотня. — Его правый нижний клык.

Крост понял, что клясться и светиться я не намерена, недовольно хмыкнул и повел нас за собой.

Дом, в который нашу компанию отрядили на постой, и вправду оказался чистым, просторным, светлым. А хозяйка Бажена — женщиной простой, незлобивой, но уж дюже любопытной. Но ее последний маленький недостаток перекрывал целую тьму достоинств.

Она трещала без умолку, перемежая вопросы с рассказами о жизни балки и щедро разбавляя последние сплетнями и пересудами. Меня как

адепта второй древнейшей профессии на земле это лишь немного раздражало, не сильнее клаксонов в час пик. А вот Йон старательно стачивал зубы, сжимая челюсти. Если бы он открыл пасть, чую, сорвался бы на звериный рык. Но хозяйка избы — к слову, молодая вдовица — об этом не подозревала и знай стреляла плутоватым взглядом в «ведьмака».

Шкура, поначалу решивший, что кукиш местным, а не «усекновенная» голова упыря, от такой трескотни уже сам готов был бежать в лес и голыми руками откручивать предмет сговора со старостой, лишь бы не слышать стрекота Бажены.

Лучше всего было Броку, старательно изображавшему постоянного клиента реаниматолога. Дракон, добротнo спеленатый повязками, пропитанными вонючей мазью, спал крепким сном. Время от времени я смачивала тряпицу и цедила влагу в его приоткрытый рот. Брок стонал, облизывал губы, но так и не просыпался.

Под вечер Йон разве что на стену не лез.

Мне хотелось хохотать в голос, поскольку у Бажены на лбу крупными буквами было написано: отдастся в хорошие руки, барышня молодая, почти юная, почти симпатичная; чувство юмора и страсть к скандалам в наличии. К тому же, судя по объемам хозяйки (а была она круглая, как кадушка, и пышная, словно сдоба), этой особе вполне по плечу завалить сумоиста, перепить верблюда, перекричать Джигурду, а в ее способности переговорить Тину Канделаки убедилась даже я.

Оборотень же, красивый лицом и не обделенный сильным телом, молчаливый, помимо прочего еще и ведьмак, приглянулся молодой вдовушке... Бажена, судя по всему, нацелилась второй раз примерить наряд невесты. Йон сии намерения печенкой чуял, и, похоже, они ему крайне не нравились.

Посему, когда начало вечереть и пришел староста, взявший в качестве моральной поддержки семерых здоровенных мужиков с дрынами, оборотень обрадовался им как родным.

Крост, едва переступив порог, завел речь, что пора бы идти на промысел — убивать упыря. На резонное замечание, что меч Йон оплавил в драконьей пасти (и ведь ни словом не соврал!), хитрый староста заверил, что де в доме помершего колдуна есть все, что нужно для ответственного дела добывания башки нежити. Крост даже лично отвел нас к этой покосившейся избушке.

Когда мы с Йоном оказались в доме, больше похожем на сарай, я присвистнула. А потом, выразительно зыркнув на «группу моральной поддержки» во главе с ее «капитаном», туманно заявила, что не след

смотреть, как ведьмовка в своей вотчине хозяйничает.

На подозрительное «чавой-та не смотреть?» нагло заявила, что излишние знания могут ослепить, а для наглядности взяла со стола успевшую покрыться слоем пыли книгу и дунула Кросту в лицо. Староста ожидаемо закашлялся и сказал, что подождет снаружи. Бугаи утопали следом.

Мы с Йоном огляделись. Инструмент для усекновения упыриных голов был проржавевшей орясиной, неподъемной даже на вид, и квартировал в углу рядом с печкой.

Оборотень задумчиво посмотрел на это орудие ближнего боя и, почесав затылок, изрек:

— Ну хотя бы стало понятно, почему охраны не сработали: со смертью мага их сила развеялась.

— Зато теперь на нас спихнули его должностные обязанности, — парировала я.

Йон со мной молчаливо согласился. Похоже, от ночной прогулки не отвертеться.

— Что делать будем? — задала извечный вопрос классиков.

— Я возьму меч, ты метлу и пойдем ночевать в лес.

— Да я не про это. С башкой упыря что будем делать? Если мы ее не принесем, местные могут отвинтить наши!

Вообще-то я не рассчитывала, что староста так шустро подсуетится, думала, что удастся протянуть пару дней, а потом быстренько благородно отступить, то бишь смыться под покровом ночи.

— Не переживай. На жальнике могилу посвежее найдем, разроем да и оттяпаем башку. Я даже шерсти своей могу дать. Приклеим смолой к щекам, чтобы не распознали сразу, и все...

Я прикинула, что кроме метлы мне нужно взять еще и лопату. План Йона мог сработать, поскольку такого наглого обмана от благородного ведьмака Йонока Неустрашимого не ждали. Кстати, свое новое имя оборотень мне припомнил:

— Слушай, я все понимаю, и то, что стал ведьмаком, хотя члены данной колдовской братии мне не раз шкуру портили, но Йоноком-то за что?

— Для солидности. Если ерунду обозвать длинно и вычурно, то это уже не ерунда, а ценность, раритет и эксклюзив. Это такой маркетинговый прием.

— Мар-ке-тин-го-вый? — по слогам повторил оборотень новое для себя слово. — То есть, по-твоему, Йон — бесполезная хрень, а Йонок —

уже кошель с золотыми?

— Заметь, я этого не говорила. Зато ты — умный, талантливый и сообразительный.

— Точно ведьма, — сплюнул Йон.

— Журналистка, — поправила я.

— Буду знать, что самые вредные ведьмы — журналистки.

Так, то ли беседа, то ли кроя друг друга цензурными словами с нецензурным подтекстом, мы и вышли из избы мага. Я — с метлой и лопатой наперевес. Йон — с мечом, который закинул на плечи на манер коромысла.

При нашем появлении мужики повставали со своих мест: кто с завалинки, кто с колоды, на которой, судя по отметинам топора, рубили дрова, а кто просто перестал подпирать плечом бревенчатую стену.

Староста, глянув на нас, крикнул и с подозрением уточнил:

— Госпожа ведьма, а зачем вам заступ-то?

— Как зачем? — почти искренне удивилась я. — Этой отличной лопатой голову упыря удобнее всего отсекать. Мечом-то сколько пилить придется, а тут хрясь — и готово.

Сказать по правде, своему инвентарю я изрядно польстила. Из «отличного» в лопате имелась ржа, которая основательно подзакусила железом, а древоточцы продегустировали черенок.

Зато я так натурально изобразила жест кочегара-стахановца, что один из мужиков, стоявших рядом, поспешно отступил. Или, может, он столь резво рванул от меня, потому что край лопаты, щедро усыпанный рыжим крапом окиси, чуть не проредил его густую бороду.

Однако моя фееричная демонстрация головоотсекательных способностей лопаты и ее преимуществ по сравнению с иззубренным до состояния пилы мечом имела несомненный успех. Рота «почетного караула» держалась от нас с оборотнем на изрядном расстоянии все то время, пока шли до опушки.

Но только мы оказались в лесу, как староста, переминаясь с ноги на ногу, изрек:

— Ну дальше вы сами, господин ведьмак и госпожа ведьма... А мы люди маленькие, с нечистью нам не совладать...

Он замялся, не зная, что еще добавить. Впрочем, и разворачиваться не собирался. Видимо, ждал, пока мы, подобно легендарным героям, пойдем на ратный подвиг, а нас будут провожать взглядами.

Все бы ничего, но красиво идти в закат мешали лопата и метла. Они цеплялись за ветки, натирали плечо, да и весили изрядно.

Когда мы отошли на расстояние, с которого еще были видны, но уже не слышны в редком березняке, я, сопя, осведомилась:

— Вот скажи, на кой мне еще и метла? Лопата — я поняла, но этот веник на ручке? Зачем он мне сдался?

От такого вопроса Йон сбился с шага. Будто я спросила, зачем дышать, или попросила показать, откуда у оборотня растет хвост. В общем, ляпнула что-то до жути очевидное и оттого для разумного человека неприличное.

— Как — зачем? Да все дети знают, что на таких метлах летают колдуны. Без них человеческие маги не смогли бы одержать победу в битве Штормовых облаков. С земли пульсарами не больно-то поплюешься... На метлах. Исключительно на боевых метлах, которые гораздо маневреннее драконов, чародеями и были выиграны многие сражения.

В том, что отлично можно победить с земли, не поднимаясь в небо, я могла бы убедить Йона. Но, как говорится, если девушка без комплексов... без зенитно-ракетных комплексов, то на одних голых словах процесс убеждения может слегка затянуться. Поэтому я решила: пусть оборотень почувствует себя умнее, осведомленнее, да и круче всех (жаль, что из этих «всех» рядом наличествовала одна я). Польстила мужскому самолюбию, так сказать. Блохастый тут же задрал нос и напустил на себя вид умника. В общем, по сути, выглядел дураком.

Мое затянувшееся молчание, которое должно было изобразить глубокую работу скудной мысли одной рыжей особы, стало ответом назидательному тону перевертыша. Шкура, привыкший к тому, что я за словом в карман не лезу, через минуту подозрительно уточнил:

— И?

— И ничего. — Я была сама невинность.

То ли оборотень уже понял, что мой покладистый тон — плохой признак, то ли сработала его животная чуйка, но он, будто размышляя вслух, выдал:

— Знаешь, я неожиданно понял: в твоём случае скромность укрощает.

— Ты хотел сказать — украшает?

— Я что хотел, то и сказал, — выдохнул Йон и пояснил: — Когда ты становишься такой кроткой, я сразу начинаю ждать подвоха и невольно веду себя гораздо осторожнее.

Я посмотрела на эту волчью шкуру. Не то комплимент сделал, не то поддел.

Мы решили уйти чуть подальше и дожждаться полуночи. А потом вернуться в обход и выйти к жальнику, который, по заверениям Йона, находился с другой стороны балки. Там-то и добудем голову упыря. На мой

вопрос, а знает ли оборотень, как должен выглядеть местный кровосос, блохастый заверил, что не важно как, главное — пострашнее. У деревенских не только болезни были трех категорий (душевный недуг, то бишь запой, ломота и лихоманка), но и вся нежить делилась на три вида. И хотя классификация нечисти находилась далеко от научных канонов: упырь — что-то с клыками и может сожрать; привидения — сожрать не могут, но напугать до домовины — запросто; и тещи (причем умершие или живые, Йон не уточнил) — местных жителей подобная ненаучность ничуть не смущала.

— Слушай, получается, по этой их системе нежитеведения оборотень тоже... упырь? — Я старалась мыслить логически.

— Выходит, что так, — нехотя согласился шкура.

Да... Мой мир никогда уже не будет прежним. Я и помыслить не могла, что по систематике жителей Барсучьей балки Йон и граф Дракула чуть ли не родные братья.

Луна все чаще пряталась за тучи (а может, это были плывущие в вышине твердыни), когда мы с оборотнем вышли на небольшую поляну. Березняк давно сменился густым ельником. Я уже обрадовалась: место тихое и спокойное. Самое то, чтобы переждать пару часов до полуночи.

Встретить предмет нашего промысла не боялась: лес большой, разминуться — суцая ерунда. Осторожно пройдем задами-огородами, откопаем голову пострашнее и придумаем байку о личном знакомстве с кровососом. Почему-то угрызений совести из-за обмана местных я не испытывала. Йон — и подавно. Может, потому, что нас буквально вынудили заняться охотой, а нет работы более нежеланной, чем та, которую всучили насильно.

Облюбовав место под одной из елок-шатров, я уже было двинулась к своему «шалашу», спустившему пушистые мохнатые ветви до земли, когда оборотень отчаянно гаркнул:

— Беги!

Вслед за коротким криком блохастого донесся треск. Я задрала голову и на фоне ночного неба увидела силуэт.

Здоровенная тварь с нетопыриными крыльями, до этого неподвижно восседавшая на величавой, видимо, пережившей уже не одну сотню лет ели, оскалила морду и издала утробный рык. Если это и был упырь, то весьма откормленный на человеческих харчах. И сейчас он вновь возжелал закусить, только никак не мог определиться: начать ему с сочного бифштекса, отдающего псиной, или сразу приступить к десерту.

Не дожидаясь, пока «гурман» выберет, «десерт» рванул с места. Но,

увы, лопата и метла сыграли со мной злую шутку. Не пробежав и десяти шагов, я споткнулась и полетела носом вперед. Тварь же, оттолкнувшись от дерева, растопырила крылья. То, что она планирует прямо на меня, я заметила краем глаза. Сердце замерло и пропустило удар. Зато другие мышцы моего тела вполне себе активно сокращались, что позволило перекатиться.

«Охотничий инвентарь» я по дури так и не выпустила из рук, и во время переворота моя юбка зацепилась за прутья метлы. Связь сукна с хворостинами оказалась крепка. Я бы даже сказала, незыблема. Судорожным движением руки я попыталась выдрать ткань, но лишь расцарапала до крови кожу. А потом тело словно пронзил разряд. Змеюка на шее шевельнулась, а черенок метелки дрогнул, изобразив норовистого жеребца.

В тот самый миг, когда пикировавший упырь с раскрытой пастью и расщеперенными когтями готовился приступить к первому пункту трапезы — поймать ужин, — метелка решила, что роль зубочистки ей не по статусу, и изо всех сил сиганула на бреющем полете. Я шла довеском к этому шустрому летному средству.

Лопата пала на землю бойцом, который погибнет сам, но спасет товарища.

В последнюю долю секунды настигший нас с метелкой монстр сжал челюсти и ухватил-таки конец прутьев. Я с испугу поступила в лучших традициях футболистов: от души зарядила. Правда, не по мячу, а по морде. В общем, сделала что могла, с тем, что имела в том положении, в котором оказалась.

Зато, судя по всему, привыкшая нападать до этого исключительно с высоты и со спины тварь первый раз в жизни получила пяткой по наглой хищной роже. И от кого? От собственного, уже почти приготовленного по всем правилам упыриной охоты, ужина. С перепугу челюсти нежити лягнули, а клык, не выдержавший надругательства варварской кроссовки, сломался.

Поляну огласил леденящий душу вой. Мы с метлой рванули прочь.

Правда, подозреваю, что все же маги восседали на своем летательном аппарате слегка иначе. Ну хотя бы не вниз башкой, скрестив ноги на черенке, как обезьяна на ветке. Руками я также крепко держалась за отполированное древко.

Мои волосы касались травы, ноги оголились по самое не балуйся, а я изображала лемура, которому всадили десять кубиков адреналина за раз: глаза не просто выпучены, а того и гляди вылетят из орбит, мышцы тела —

напряжены, а руки так крепко схватили черенок, что фиг разожмешь.

Позади слышались весьма недвусмысленные звуки. В них сквозило столько обещаний... Преимущественно — моей кончины. Так могла стенать только незаслуженно обиженная в лучших гастрономических и стоматологических чувствах нежить.

Я запрокинула голову, чтобы посмотреть — что там впереди. Вовремя. Поляна закончилась. По курсу маячил кряжистый дуб. Мне, в отличие от поляны, кончатся не хотелось.

Чудом извернувшись, я все же оседлала метлу. Сидеть стало удобнее. И страшнее. Теперь я отчетливо видела, что по курсу. Инстинктивно задрала черенок метлы вверх. Я понятия не имела о специфике управления транспортным средством типа «метла колдовская обыкновенная». Зато, кажется, этому венику с ручкой на наличие водительского удостоверения было наплевать.

Метелка свечкой сиганула вверх. За спиной еще раз завыло и защелкало зубами, а потом и вовсе захлопало крыльями.

Я вихрем понеслась над макушками деревьев. Растрепанные волосы, разорванный подол юбки, зацепившейся-таки за сучок дуба. Деревня показалась как-то неожиданно. Соломенные крыши, обмазанные глиной, дым из печных труб, огоньки то ли свечей, то ли лучин в окнах, еще не закрытых ставнями.

И надо всем этим — я на метле. За мной, хлопая крыльями, летит хищная нежить. Но тут последняя издала странный клеткот. Я обернулась. Вовремя. Из пасти твари вылетел сгусток крошечной тьмы. Задрала черенок метлы еще выше. Начался стремительный полет почти вертикально вверх. Нечисть, вереща и усиленно работая крыльями, поспешила следом. Я смотрела назад, ожидая еще одного нападения и напроочь забыв, что здешние небеса отнюдь не бесплотны.

Парящая меж облаков твердыня выросла внезапно и неожиданно близко. Я наклонила черенок метлы, но на бешеной скорости маневр удался лишь отчасти. Меня здорово приложило о край скалы. Я бы и вовсе упала, если бы не успела ухватиться за каменный уступ.

Метелка, выпавшая из рук, чудом зацепилась за выступ чуть ниже. Тварь, видя, что жертва уже никуда не убежит, поскольку висит, как рыбешка на леске, чуть сбавила ход.

Я задрала голову. Выше — твердыня и драконы, которые наверняка убьют наглухо человечку. Внизу — тварь, с особым цинизмом желающая мной подзакусить.

Вот так, болтая ногами на высоте трехсот метров над землей, я могла

констатировать: наш с Йоном план по фальсификации умертвления нежити рухнул. И я решила последовать примеру рухнувшего плана: разжала руки и полетела вниз.

Всего доля секунды полета. Попытка ухватиться за злополучный черенок. Смогла. Успела. Дальше мы падали уже вместе. Я и метла. Вот только паршивка никак не хотела вновь оживать. Земля приближалась слишком быстро.

«Ну же!» — промелькнуло у меня в мозгу. Я намертво вцепилась в деревянный черенок. До земли оставалось десятка полтора метров. Я уже успела разглядеть гладь болота, что отражала луну и звезды, когда метла дрогнула.

Не знаю, что чувствует всадник, когда поднимает коня на дыбы, но вся гамма моих ощущений сводилась даже не к одному слову, а к одному знаку пунктуации. Восклицательному.

Болото! Я летела по крутой дуге и замочила ноги едва не до колена, зато вовремя взмыла вверх: из болота что-то недовольно рыкнуло.

Преследователю по причине его внушительных габаритов мой трюк оказался не по силам (или не по крыльям?). В результате тварь, не успевшая замедлить ход, со всей дури сиганула в топь.

Упырь вынырнул, отфыркиваясь, и только хотел взобраться на кочку, как та предательски утопилась. Жижа плотоядно зачмокала и стала засасывать нежить. Я сбавила ход, а потом и вовсе зависла.

Битва трясины (а я-то думала — невинное болотце!) и нежити была недолгой, но отчаянной. Увы. Победил упырь. Правда, изрядно пожеванный топью и уставший от полета, он выглядел уже не столь устрашающе. Я, притаившись за кроной дерева, наблюдала, как нежить еле-еле взлетела, надсадно хлопая крыльями.

Тварь завертела башкой, словно пыталась сориентироваться, и наткнулась взглядом на меня.

Я же сочла за лучшее дать деру. Но вот метла... Эта паршивка явно имела характер. Причем исключительно стержовный. Мерзавка пошла на таран, не слушая моих понуканий. Я отчаянно завопила. Пришибленная обстоятельствами в моем лице нежить завывала.

Я выставила ноги вперед, как если бы ехала на санках с горки. Тварь мотнула башкой, словно не веря, что я осмелилась ее атаковать, и с усилием захлопала крыльями...

Клыки разминулись с лодыжкой на пару сантиметров, стопа смачно впечаталась в башку нежити чуть выше уха. Раздался хруст. Разобрать, чьи кости ломаются — мои или упыриные — я сразу не смогла. Но, судя по

тому, что ногу словно засунули в кипящее масло, дробился все же мой голеностоп. Вот только отчего монстр вдруг обмяк и кулем полетел вниз?

Рухнула тварь на землю глухо и тяжело, по пути напоровшись еще на что-то. Я осталась висеть в воздухе. Минута. Две. Пять. Упырь не двигался. Я едва не теряла сознание от боли.

Где-то заухала сова. Заквакало болото, которое не совсем и болото. Тогда решила снискаться. Осторожно, кругами. Подлетела. Хотя патологоанатомом я ни разу не была, но, судя по всему, упыристая зараза все же сдохла. Это стало понятно по тому, что жизнь и здоровье сочетаются с разможенной башкой так же, как бриллиантовое кольцо с поношенными калошами бабы Нюры из Хацапетовки: теоретически возможно, но на практике — явление столь же редкое, как солнечное затмение.

Зависла в метре над сдохшей тварью. В ноге растекалась боль. Но меня снедало еще одно чувство — жадность. Башка упыря — хорошо. Вот только как ее отсечь от цельной туши? Лопата осталась на поляне, которая, по моим подозрениям, была далеко позади.

Интересно, метла сможет унести меня и эту тварь? Если да, то чем ее связывать? Глянула на многострадальную юбку. Что же, упокой, Юдашкин, ее домотканую душу.

Рвалось сукно на удивление плохо, зато веревка вышла хорошая, крепкая. Шипя и матерясь, я связала лапы твари, продела черенок под веревки и осторожно села на метелку.

В какой-то момент мне показалось, что черен сейчас переломится. Но нет. Метелка с натугой полетела в метре над землей. Так мы и двинулись: кто — лётом, кто — полуволоком.

Небо обняла заря, когда мы с метелкой добрались до смутно знакомых мест. Еще немного — и балка. Я щеголяла распухшей лодыжкой и изодранной рубахой. Юбка отсутствовала как класс, вся ушла на пути.

Такой меня и обнаружил Йон. Он всю ночь рыскал по лесу, искал, а увидев, облегченно выдохнул.

— Живая. А я думал уже, что тебя эта летучая нечисть, а точнее, крылатый ырка, как его величают образованные маги, сожрал, — выдал он, а потом, оглядев композицию «ведьма-метла-добыча», сглотнул и задал единственный вопрос: — Как?

Я же тоном инспектора ГИБДД (ибо настроение у меня было зело мерзопакостное) ответила:

— Лобовое столкновение с превышением допустимой скорости стало причиной поломки двигателя типа «крыло летное нетопыриное обыкновенное» с тягой в одну монструозную тушу. В итоге водитель

транспортного средства, — тут я припомнила, как классифицировал эту заразу Йон, — ырка не справился с управлением и упал. В результате падения получил травмы, несовместимые с жизнью.

— То есть ты его угробила? Угробила условно разумную нежить пятого класса опасности? — все же решил уточнить Йон.

— Просто твоя ырка оказалась истеричной и пугливой, — парировала я.

— Ну да, сумасшедшими ведьмами, идущими на таран, эту тварь, наверное, жизнь не пугала, — изрек оборотень, почесывая макушку и глядя надохлую ырку.

ГЛАВА 6, она же вопрос шестой: — Отношение к однополой любви: положительное или отрицательное?

— А почему ее... его... — Я сбилась, не зная, в каком лице говорить о твари. — Так тяжело убить?

— Ну хотя бы потому, что магия на подобную мерзость практически не действует. Лишь грубая сила, которую, с учетом резвости этой зверушки, еще попробуй примени.

Объект применения силы все так же болтался вниз башкой. Йон внимательно посмотрел на ырку, потом его взгляд скользнул чуть выше, задержался на моей распухшей лодыжке, а затем и вовсе наглым мартовским котом двинулся вверх.

Тут же захотелось одернуть рубаху. Нет, я всегда знала, что профессия с самым коротким рабочим днем — это герой. Но только сейчас до меня дошло, что моя униформа для подвигов — слегка смелая. Конечно, в определенных обстоятельствах можно было бы посчитать ее даже целомудренной: в парилке бани или солярии, например. Но посреди леса щеголять последним выкидышем хипстерской моды — в рубахе до середины бедра, причем местами подранной — мне было весьма неудобно.

А еще этот исключительно мужской взгляд. Когда вроде бы даже не раздевают глазами, не оценивают... а изучают. И ты понимаешь, что такое исследование — родом исключительно из первобытной древности. Я поежилась, и тут в кустах что-то, а вернее, кто-то фыркнул.

Ветки качнулись и вышла уже знакомая лиса. На ее морде читалось недовольство, словно она застучала благоверного за прелюдией полного и безудержного разврата.

— Она сзади? — не оглядываясь, напряженно спросил Йон. Кто она, оборотень не уточнил, но я и так поняла.

Мне же стало весело. А может, дало о себе знать нервное напряжение? Я расхохоталась в голос. Бесстрашный воин, не убоившийся огненного пульсара, так бурно реагирует на плешивую лисицу.

— И ничего смешного, — обиделся оборотень. — Пока я тебя искал, она всюду за мной рыскала. Ууу... Треклятая рыжая морда.

Лиса склонила морду набок. Весьма возмущенно склонила.

А я все никак не могла снять с лица улыбку, чтобы спрятать ее за

пазуху. Но тут метлу мотнуло, и я не очень ловко качнула поврежденной ногой. Зашипела от боли.

— Давай посмотрю, что там у тебя... — с этими словами Йон подошел ко мне и, отложив меч и лопату, приподнял за талию, а потом ссадил на землю.

— Она не улетит? — Я кивнула на метлу.

— А с чего бы ей улетать? — изумился оборотень. — Она в тебе новую хозяйку признала. Кстати, когда успела ее своей кровью-то напоить?

— Руку ободрала, когда юбку отцепить пыталась, — призналась неохотно.

— А-а-а, — глубокомысленно изрек оборотень. — Тогда понятно. Хотя изделия мастера Найриса всегда были норовистыми, даже при соблюдении необходимых условий могли отказаться подчиняться магу.

— Найриса? Магу?

Пока Йон под недовольное фырчание лисы аккуратно ощупывал мою лодыжку, он пояснил, что когда-то давно летные метлы каждый маг изготавливал себе сам. Да и вообще чародеи древности были теми еще универсалами: не только транспортом самостоятельно себя обеспечивали, но и зельями, инвентарем, предсказаниями опять же. Но потом колдовская наука, как и всякая другая, развиваясь, отпочковала от себя и боевых магов, и предсказателей, и артефакторов. Мастер Найрис был из последних. Его метлы считались самыми быстрыми, но норовистыми. У всех имелась одна отличительная черта — выжженный знак на древке. И даже не цеховой, а личный. Его-то и следовало напитать кровью мага, который хотел управлять метлой.

На мое слабое уверение, что я ни разу не колдунья, Йон лишь протянул: «Ну-ну». А потом добавил, что характер у меня исключительно как у истинной черной ведьмы, вредный и непредсказуемый, что лишь подтверждает мою причастность к темному чародейскому племени.

Я собралась было возразить, но, как выяснилось, шкура чесал язык о небо с одной целью: уболтать и отвлечь. В тот миг, когда я, юная и наивная, расслабилась, он цепко сжал лодыжку и вправил вывих. Я заорала так, что вострепелось не только воронье окрест, но и вся балка. Лиса от неожиданности села на собственный хвост, а Йон отпрянул. Но, оказалось, мой вопль имел не только устрашающий, но и воскрешающий эффект. Ёрка очнулся.

Монстр мотнул башкой, повел вокруг осоловелым взглядом и сфокусировался на мне.

— Ы-ы-ы-ы! — завыл он зловеще.

— Убью-ю-ю! — столь же дружелюбно пообещала я оскаленной морде и начала на ощупь искать орудие убиения. Оно под рукой не нашлось, зато обнаружился сапог. Мужской. В комплекте к которому шел оборотень. А довеском к блохастому — меч.

Не поворачивая головы к Йону, я указала пальцем на клацнувшую клыками тушу и хотела уже сказать: «Руби!» — но тут вспомнила, что меч в ржавчине и зазубринах, потому прозвучало:

— Пили!

Тварь поняла, что так просто ей не умереть, и взвыла уже от отчаяния. Йон же, закаленный в боях и не такими серенадами, задумчиво подошел к ырку, занес меч и честно попытался отсечь голову. Зря он не послушал моего совета. Отпилить было бы действительно проще. На пятой попытке усекновения сдался ырка — он просто вырубился. На седьмой — сдалась сталь. Меч сломался. Наши с оборотнем взгляды сошлись на лопате, а потом шкура, включив задний ход, выдал:

— Даже не думай. Нет, девицы иногда игриво называли меня извращенцем, но не до такой же степени, чтобы оттяпать башку нечисти заступом!

— Ну все случается когда-то в первый раз. И отсечение головы лопатой... — Я попыталась приободрить Йона.

Но оборотень приободряться не желал. В результате на рассвете мы вошли в деревню с оглушенным (по дороге глушили еще два раза — лопата все же пригодилась) упырем. Наш бенефис удался.

Детвора и мужичье глазели на связанного ырку, а девки — на щеголявшего голым торсом Йона: оборотень одолжил мне свою рубаху, которую я использовала в качестве юбки. Впрочем, и на меня бросали любопытные взгляды. Я надеялась, что исключительно из-за летевшей рядом метлы. Надеялась, но, увы, верилось в другое. Уж больно высоко, судя по взорам некоторых, располагался черенок. Аккурат на уровне разодранного выреза моей рубахи.

Староста, которого предупредила шумная детвора, поджидал нас у колодца. В его незамутненных глазах сияла кристальная честность, которая дороже денег, и я поняла: раз эта добродетель столь бесценна, значит, старый хрыч готовится торговаться.

До меня донеслись шепотки «бесстыжая девка» и «совсем совесть потеряла». Впрочем, в противовес бабьим замечаниям раздавалось одобрительное мужское хмыканье. Я же думала, что терять совесть и стыд — дело непрактичное, и, как бережливая особа, я такого транжирства допустить просто не могу. Зачем терять, если все это можно выгодно

толкнуть с максимальным гешефтом?

Но тут мои размышления прервал в очередной раз попытавшийся очнуться ырка.

Дзинь!

Йон отработанным до автоматизма движением вновь усыпил тварь лопатой. Монструозная морда обмякла. Народ притих. Староста икнул.

Я же, пользуясь тишиной и плюнув на правила этикета, такие, как приветствия, обсуждения погоды и природы, а также нынешних цен на брюкву, сразу огласила цель визита.

— Мы выполнили уговор, и даже сверх того. — Я пнула пяткой добычу. — Поэтому как насчет премии?

Староста понял, что сейчас совершается страшнейшее из преступлений: покушаются на его кошель. Причем честно, прилюдно и без возможности дать сдачи в глаз.

— У нас был уговор, что вы принесете голову. Вот и рубите ее.

Увы для старосты: в ходе поимки твари я разодрала рубаху, лишилась юбки, вывихнула ногу и наставила тьму синяков. Одного поста для компенсации моих убытков (и это я еще моральную сторону не посчитала!) было маловато.

— Ну если вы так настаиваете... — начала я, — то я дам вам возможность сэкономить еще больше... Отруби башку этому упырю сам.

С такими словами я потянулась к узлам на теле твари. Деревенские, не сговариваясь, разом отступили на несколько шагов. А староста, мы с оборотнем и собственно ырка остались в резко расширившемся кругу.

Крост огляделся, вздохнул, словно принимая непосильное решение, и, скрипя зубами, выдохнул:

— С-с-сколько?

Вот тут я оглянулась на Йона. Оборотень задумчиво посмотрел на заступ. Потом на меня, сейчас не менее опасную, чем ырка, взвесил, кого в случае крайней надобности упокаивать будет тяжелее, и выдал:

— Три золотых, постой и добротная одежда.

Я же после озвучивания цены могла наблюдать эффект удушения: староста побагровел, потом побледнел, беззвучно открыл рот — это Кроста схватила за горло жаба. Жадность в старосте боролась со здравым смыслом долго. Я уже подумывала о летальном исходе, когда Крост все же выдохнул:

— По рукам.

Оборотень не преминул ударить по мозолистой мужицкой ладони. Сдача объекта проходила хоть и без акта приема-передачи, но под чутким

оком наблюдателей. В оные специалисты записалось практически все село.

Упыря почему-то не спешили убивать, а связали не хуже мумии, накинули на морду мешок и вообще, по ощущениям, подготовили для транспортировки почтой России.

Мне же, уставшей, голодной и подмерзшей, хотелось лишь одного — поскорее добраться до дома Бажены и уйти в постельный разнузданный загул, именуемый глубоким и непрерывным сном.

В отличие от меня, у шкуры после сдачи добычи словно открылось второе дыхание: он скрупулезно пересчитал медяки и серебряные монеты, убедился, что в сумме они составляют три золотых, дотошно выбрал порты для себя и двое для меня, несколько рубрах... В общем, стало понятно: шкура к Бажене хочет, но частично. Желудок и спина оборотня жаждали сытной похлебки и мягкой перины, а вот уши явно не желали слушать трескотню хозяйки и тем паче понимать ее женихопромысловые намерения. И все же настал тот миг, когда мы с Йоном переступили порог дома Бажены.

Хозяйка всплеснула руками при виде меня и расцвела улыбкой, узрев полуобнаженного Йона. Метелка, которая не возжелала оставаться на улице, удостоилась испуганного вдовьего «ой».

Прежде чем сесть за стол, мы со шкурой осмотрели Брока. Жар у дракона спал. Оборотень перевернул побратима, снял повязки. Признаться, я думала, что все будет гораздо хуже. Но нет. Отек, по ощущениям, уже спадал, сожженная кожа где-то слегка нагноилась, но появились и маленькие островки новой дермы. А ведь такая картина у человека наверняка может наблюдаться только через несколько недель! Вот это драконья регенерация!

— Через пару дней поправится, — с излишним оптимизмом заявил Йон.

Потом пришлось бинтовать еще и свою ногу, которая, увы, такой регенерацией не обладала.

Закончив с перевязками, мы наконец-то оказались за столом. Глядя на шкуру, что так и ерзал на лавке от нетерпения, пока Бажена доставала из печи чугунок, я поняла, что единственное сильное чувство, в котором мужчина добровольно, охотно и многократно признается женщине, — это чувство голода!

А когда передо мной оказалась горячая и сытная еда, я забыла обо всем. Впрочем, поев, я смогла насладиться и зрелищем под названием «охота на жениха». Последний столь усердно и ловко сопротивлялся, что стало понятно: подстрелить такого брачной пулей посчастливится только

умелой, профессиональной охотнице, да и то по весне, когда у всякого мужика организм ослаблен, гормоны играют, а в голове — облачно.

Увы, спать мне хотелось больше, чем наблюдать за боями на любовном фронте. Поэтому я предпочла стратегию мирной жизни и, заключив пакт с подушкой и одеялом, улеглась на лавке.

Проснулась, когда было уже не просто темно, а кромешно. Слышались лишь размеренное дыхание, посапывание и... стон.

Брок, сцепив зубы, метался на лавке. Совсем как тогда, когда он чуть меня не задушил. Я, выставив подушку как щит, двинулась к дракону. Ящера буквально колотило. Не в бреду, но в кошмаре, что ничуть не лучше лихорадки.

Уже наученная своими благими намерениями, я решила, что на этот раз на роль волонтера-будильника сгодится Йон. Побратим он или кто, в конце-то концов?

Растолкала недовольно сопевшую и слегка матерящуюся шкуру. Оборотень все же встал. Спустя пару минут консилиум склонился над метавшимся на подушке драконом.

— Разбуди его, иначе он скоро орать начнет, — выдала свое авторитетное мнение.

— Что я, дурак, что ли? — Видимо, Йон тоже имел бесценный опыт по вытаскиванию дракона из лап кошмара.

— Тогда Брок всех перебудит.

— Зато я останусь цел, — чуть смутившись, ответил шкура, а потом добавил: — А еще варианты есть?

— Есть. — Я вспомнила, как проснулась в объятиях дракона. — Ложись рядом с ним, обними, приласкай.

Глаза-плошки оборотня можно было рассмотреть без труда, как и застывшее в них изумление.

— Ну нежно так, как девица. — Я решила, что Йон не совсем понял.

— А может, лучше ты... Ты как-никак эта самая девица и есть, — попытался увильнуть блохастый.

— Зато, если тебя начнут душить, ты лучше высвободишься из захвата.

Про то, что есть и третий, самый радикальный способ избавить деревенских от ночной побудки из-за крика Брока, который вот-вот должен был прозвучать, я умолчала. Но подушку обняла крепче. Так, на всякий случай.

Оборотень недовольно засопел, но все же, аккуратно потеснив побратима, лег к нему на лавку и то ли зашипел, то ли зашептал что-то. Я

же удостоилась фразы:

— Ты этого никогда не видела!

Ага, щас!

Брок, под бок которого угнездился Йон, метаться перестал, а потом и вовсе засопел, прижав оборотня к себе на манер плюшевого мишки. Не сказать чтобы шкура был доволен своим положением, зато я — вполне.

Посему с чистой совестью потопала спать. Увы, насладиться объятиями Морфея в полной мере так и не удалось. Проснулась я, как думала, с голосящими петухами, оказалось — нет.

Меня разбудили осколки вдребезги разбитого сердца Бажены. Молодая вдовушка, вчера положившая глаз на Йона, сегодня пострадала от своего раздробившегося под кувалдой реальности матримониального чувства.

Ее избранник оказался мужеложцем!

Впрочем, я одна была столь тонкой натурой, что не смогла заснуть. Йон лишь натянул на голову одеяло со словами:

— Дайте поспать, — и благополучно захрапел дальше.

Дракон же и вовсе притворился гордостью музея мадам Тюссо: не двигался и изображал качественное бревно.

— Как так... Они же... — Бажена в длинной, почти до пят, полотняной рубахе всплеснула руками.

— Ага. — Я сонно зевнула, прикрыв ладошкой рот. — Причем так шумели, возились — еле уснула, — пожаловалась ей.

Только потом сообразила, как мои слова поняла хозяйка. Вот так одна неверная фраза может превратить все утро в беду. В моем случае — в сетования: «И чего этим мужеложцам надобно? Вон сколько справных баб вокруг! Да взять даже тебя, госпожа ведьма, ты хоть и худа до кожи с костями, но на лицо-то пригожа...» Я лишь сокрушенно вздыхала и пыталась перевести разговоры обманутой в лучших женских чаяниях Бажены в иное русло. Хотя бы пищевое. С грехом пополам мне это удалось.

Хозяйка переключилась на щи. Но и стряпне досталось:

— Ну вот объясни, госпожа ведьма, чем им бабы не милы? Да мужичье даже правильно готовить щи не умеет! Эти повара-шмувара только за столом трескать горазды. А спроси их, как сладить эти самые щи, начнут махать руками через головы, будто у меня плохое зрение, или я их не слышу, и орать про капусту, ребрышки и навар. А ведь каждая стряпуха знает, без этого уцененного мнения по щам от мужицких профессоров, что важнее всего в любом супе не продукт. Важнее всего тот, кто его делал. Щи могут сделать хорошими только добрые, справные руки. Женские. Не знает мужик, как капусточку тяпкой в соломку рубить, не знает, как лучок

шинковать, как мясо опускать в кипяток. А самое главное — с каким настроением...

Я смотрела на Бажену, гневно крошащую морковку, и понимала: судя по ее же словам, на завтрак меня ожидает как минимум суп из цианида, приправленный ядом кобры, поскольку готовила его хозяйка в отменно гадском настроении. А когда мясо на куски резала... Я и вовсе представила, как она лишает оборотня самого дорогого — столь кровожадный был у нее взгляд.

Я уже хотела было сказать, что Бажена ошиблась и Йон с Броком не того, но тут подумала: в каждой свинье, которую подкладывает судьба, есть кусочек сала и профит. Зато шкура теперь точно избежит от вероятности быть ожененным.

Меж тем Бажена продолжала свой спич:

— В щах перво-наперво нужен бульон. Вот для своего мужа-покойника я готовила всегда не бульон, а чистое здоровье. Это не бульон был, а животворящая вода. Когда кто пробовал мой бульон, он потом седмицу питался лишь воспоминаниями о нем и не мог есть ничего другого, так мой навар вкусен.

Признаться, меня такая реклама насторожила еще больше... Не есть неделю можно не только потому, что остальная еда кажется не столь божественной, но и по более прозаичной технической причине. Но мой скептический взгляд не остановил разъяренную мужской подлостью Бажену.

Хозяйка, вооружившись ложкой и грозно размахивая ею, продолжала делиться кулинарным опытом:

— А как подходить к кастрюле? Да это же целое искусство! Ни один мужик им не овладеет. Приблизиться к чугунку нужно только для «посолить» и «стянуть пенку». И не надо смотреть на меня вороньим взглядом, госпожа ведьма, ты же не дланник Многоликого.

Так она вещала все то время, что варились щи. Но когда еда была почти готова, а ее запах подействовал лучше любого манка, вынудив Йона откинуть одеяло, Бажена, поджав губы, произнесла:

— И вот что самое главное в щах: один и тот же рецепт может использовать дюжина стряпух. Но только у одной получится вкусно. — И, глядя в упор на заспанного Йона, обвинительно присовокупила: — У меня вот все ладно получается, как природой заведено, а у многих — нет.

А потом, вынув чугунок, Бажена отставила его, и, плавно покачивая бедрами, гордо удалилась в сени. Там загремела чем-то, а потом и вовсе вышла из дома.

— Чего это она? — осоловело уточнил оборотень, выбираясь из-под одеяла.

— Решила, что там, где у тебя раньше сидела совесть, теперь вырос хвост, — свела я гневную речь хозяйки к одной реплике.

— В смысле? — прищурившись, уточнил Йон.

— Подумала, что вы с драконом не побратимы, а чуть больше.

Все еще не проснувшийся до конца блохастый настороженно спросил:

— Это как?

— Ну как бы почти супруги, у которых свадебного обряда еще не было, а первая брачная ночь уже состоялась, — попыталась ответить как можно более обтекаемо.

Йон, выслушав меня, начал усиленно мозговать. Думательный процесс сопровождался активным стимулированием: почесыванием макушки. Шкура вспахал пятерней затылок и пригорюнился.

Но, как чуть позже выяснилось, подрыв имиджа печалил Йона по совершенно иной, неожиданной для меня причине.

— А я было хотел в Сейринке поучаствовать... — протянул он.

Что за Сейринк, я толком не успела расспросить. В сенях послышался удар дерева о дерево, а потом к нам вплыла хозяйка. Бажена несла на коромысле два ведра.

То ли весь свой запал молодая вдова утопила в колодце, то ли решила убедить Йона в том, что бабы в некоторых вопросах все же лучше мужиков, но, так или иначе, она цвела румянцем и активнее прежнего строила глазки шкуре.

Оборотень, уже учуявший запах щей, был вроде как и не против. Я же решила, что с перетянутой лодыжкой лучше из избы выбраться. Перетерплю чутка боль в ноге, зато буду избавлена от созерцания предбрачных игр.

Переодевшись за печкой в новые, выторгованные вчера у старосты порты и рубаху (что оказались мне на удивление почти впору) и заплетя косу, я вышла-таки из дома Бажены. Метелка вылетела за мной.

Раз у меня есть такое всепроходимое, вернее, всепролетаемое транспортное средство, то грех им не воспользоваться — с такими мыслями я уже вознамерилась сесть на летунью, чтобы не трудить ногу пешей прогулкой.

Балка уже проснулась. Блеяла, мычала, хрюкала, смеялась заразительным детским смехом, судачила, переругивалась, торговалась, сплетничала, хмыкала. Одним словом, жила.

Только я хотела присесть на черен, как меня увидела детвора. Дворовое пацанье играло, как чуть позже выяснилось, в «хромую курицу», а точнее — гоняло водящего ветками ивы по кругу, выложенному галькой.

В этот раз ребятня не бросилась врассыпную, а внимательно уставилась на меня. «Нагленют», — подумала я. «Восстала...» — наверняка решили они и вперились в меня вдвое пристальнее.

Гляделки продолжались недолго: под натиском детского любопытства может рухнуть даже китайская стена. А все оттого, что ее просто расковыряют совочками в приступе неумемного ребячьего интереса под названием «а что будет, если...».

— А вы взаправдашня ведьма? — начал самый бойкий, с двумя дырками вместо передних зубов.

— По характеру — еще какая, — решила поддержать свое реноме.

— Значит, и упыря в стольную Ошлу свезете?

Я ничего не ответила, лишь изогнула бровь. Но детворе этого было достаточно. Зато из их трескотни я уяснила главное: ушлый староста, заполучив упыря в полном комплекте, а не в качестве разобранного конструктора, решил, что этот товар можно сбавить. Например, в городишко, что располагался неподалеку. То ли как диковинку, то ли на опыты. В общем, Крост — хозяйственный мужик, который всему найдет применение. Даже бедному ырке.

За ценные сведения со своими информаторами я расплатилась просто: научила играть в камень-ножницы-бумагу на щелбаны. Невесть какая наука, но детвора с радостью освоила распальцовку, правда, показывала друг другу вместо «колодцев» кукиши.

Потом я все же оседлала метелку, под восхищенные крики мелких взмыла в воздух и полетела над домами, вертя головой: интересно же.

В воздухе меж тем разливалось предвкушение. Так бывает в канун Нового года — люди ожидают чуда, и эта затаенная надежда пропитывает все вокруг: со смехом проникает в уши, ввинчивается в легкие с ароматом хвои, дразнит кончик языка вкусом мандаринов.

Вот и здесь. Венки из полевых цветов, нарядные ленты в косах, звонкий девичий смех и хитрые лица парней...

— Сегодня Ясма танок поведет вокруг костров... — долетел до меня обрывок фразы.

Мне стало любопытно: что это за праздник и почему сегодня? Хотя... Если в лесу до этого промышлял упырь, то понятно, отчего гуляние откладывали. Все же выскочившая во время веселья на поляну тварь — это не тот подарок, который хочется получить... А тут опасность устранена,

смело можно праздновать этот их Сейринк.

Еще полетала над деревней, но потом нога разнылась, и я решила вернуться в дом, в душе надеясь, что Йон и Бажена уже до чего-нибудь договорились.

На крыльце меня ждал сюрприз.

Брок, сидевший на ступенях, был как молодой малосольный огурчик на праздничном столе — мечтающий оказаться подальше от хозяйской тарелки и зелененький. Да уж, Йон и Бажена даже труп поднимут.

Ну, пожалуй, дракон еще не труп, но сам факт того, что он очнулся и сбежал, уже говорил о многом.

Я аккуратно сползла с метлы и присела рядом.

— Может, тебе лучше все же прилечь? — начала осторожно.

— Спасибо, я уже належался, и, кажется, много чего пропустил, — полуприкрыв веки, ответил Брок. — Лучше уж посидеть здесь, чем стать свидетелем того, как Йон стремительно минует сразу три стадии отношений: первое свидание, первый поцелуй, первое познание тел... — Дракон оборвал сам себя. Видимо, тема была ему не очень приятна.

— Главное, чтобы он не застрял на четвертой: «Моя мама передала для тебя пирог и квашеную капусту»...

Говорила на полном серьезе, зная прицел Бажены, но Брок бессовестно захохотал. Я же поняла одно: этот самый Сейринк чем-то был столь притягателен для оборотня, что он даже решился уверить Бажену в своей мужской состоятельности. А точнее, разуверить хозяйку в том, что предпочитает мужчин. И нашел самый действенный способ, при котором любившей поговорить вдовушке станет не до трескотни.

— Слушай, ты вчера валялся без сознания, а сегодня уже резво выскочил на крыльцо. Я боюсь, как бы от такой прыти ты не потерял сознание еще шустрее, — выразила я свои опасения, поскольку Брок дышал глубоко и часто, на его лбу появилась испарина, да и вообще весь вид дракона свидетельствовал: ему очень «легко» и «комфортно».

— Нет, — отрезал этот упрямец. — На мне все заживает, как на собаке. К вечеру смогу сносно ходить, если как следует поем, так что... — и резко сменил тему: — Расскажи, что тут без меня произошло.

Мы смотрели на беззаботную детвору, и я пересказывала события, которые дракон пропустил.

— Вот все думаю, почему откликнулась метла, я ведь не ведьма, — подвела итог, похлопав черенок своего транспортного средства.

— Мне интересно другое: как ты смогла снять охранный контур на моей клетке? — в тон мне ответил Брок и внимательно посмотрел прямо в

глаза.

Я пожала плечами.

— Пока вокруг моей шеи не обвилась эта пакость, — щелкнула через ткань по печати, — в моей жизни все было прилично.

Но, вспомнив, как пару раз сливала бензин, как воровала еду на рынке в голодные детские годы, поправилась:

— Ну, почти прилично.

Дракон тут же заинтересованно скосил на меня глаз:

— Расскажешь?

— А ты хотел бы знать правду? — Я почувствовала, что стою на краю пропасти.

Мое сердце словно взорвалось в груди, ударило о ребра. Воздух закончился, и я сделала судорожный вздох, пытаюсь успокоиться.

— Даже если правда режет острее клинка, я предпочту кинжал в грудь, а не в спину.

Брок выглядел серьезным. Настолько, что, преодолевая боль, выпрямился и сейчас сидел, не опираясь.

Сказать? Или опять отшутиться и промолчать? Напомнить о моей «клятве», согласно которой я вроде как не могу ничего поведать о себе? Произносить последнее слово — всегда поступок, но, прежде чем шагнуть в пропасть, я решила прихватить с собой хотя бы подобие «парашюта».

— Пообещай, что не используешь то, что я тебе расскажу, против меня.

— Пообещать так же, как пообещал тебя проводить? — Скажи это Брок другим тоном, звучало бы как издевка. Но в его голосе была лишь грусть, словно он еще раз получил подтверждение чему-то до жути неприятному.

— Нет. Просто разумно опасаясь.

— Хорошо... Клянусь, все, что узнаю о тебе, не использую против тебя.

Брока окутало свечение. Всего на краткий миг. А потом я заговорила. Дракон слушал меня не перебивая, только мрачнел и мрачнел.

У меня пересохло в горле, солнце уже давно миновало зенит, а я все говорила. Рассказ, даже с пропущенной кучей деталей, вышел долгим. Но когда я наконец закончила, ящер еще минут десять молчал. А потом все же произнес:

— Знаешь, проще поверить, что ты чудом спасаяся кнесса, которая тронулась умом, чем во все это... — Дракон не стал уличать меня в очевидной лжи, которую я подсунула ему под видом зарока: что-де не могу

о себе ничего говорить.

Уже за это вроде как нужно быть благодарной, но, увы, врожденная вредность пересилила благой порыв.

— Знаешь, — начала в тон дракону, — если что-то не укладывается у тебя на чердаке... — Я постучала себя по голове. Звук вышел звонкий, но меня это не смутило. — Это еще не повод утверждать, что у меня поехала крыша.

— Ты сейчас рассказала столько... — он постарался подобрать более мягкое слово, но потом все же выдал: — ... Невероятного, во что сложно поверить, но имеется возможность про...

Договорить он не успел, распахнулась дверь и на крыльцо вывалился Йон. Судя по виду, он не предавался любовным утехам, а воевал. Причем в роли одиночки Рэмбо во Вьетнаме.

— Брок, Лекса... — выдохнул он. — Спасите!

Но тут пухлая женская ручка легла на его плечо и настойчиво повлекла назад. Оборотень вцепился в косяк, будто назад его тянула не женская ладонь, а когти упыря. Впрочем, подозреваю, что ырке Йон обрадовался бы больше.

Но нет никого сильнее, чем слабый пол в погоне за счастьем. Дверь захлопнулась, лязгнув не хуже сомкнувшего челюсти капкана.

Мы с Брокком переглянулись, решили, что спасение шкуры важнее выяснения, чокнутая я кнесса или слегка разумная пришлая.

— Зачем он с ней вообще? — задала вопрос, со стоном опираясь на ногу.

— Зачесалось, — процедил Брок, поднимаясь с моей помощью.

— А я надеялась, что он все же не блохастый, в смысле, что у него хватит ума...

— Нет, не блохастый, — перебил дракон. — Он просто кобель.

Мне стало интересно, как Брок собирается спасти Йона в столь пикантной ситуации. Не вломится же дракон посреди процесса... Хотя, судя по суровой морде ящера, именно это он и собирался сделать.

— Если ты планировал нагрянуть вот прямо щас и смутить этих голубков, то я сильно сомневаюсь в успехе операции, — заметила, когда крылатый поднес кулак к двери. — Скорее всего, Бажена плюнет на твои незажившие раны и втянет в оргию.

На это мое заявление Брок еще сильнее нахмурился и процедил:

— Я знаю, что человеческие женщины развратны, но не до такого же...

— Не обобщай, — буркнула, решив не уточнять, что есть куда более

разнузданные экземпляры.

— И что ты тогда предлагаешь?

Я критически осмотрела дом, метлу, потом внимательно — ребятню, игравшую на полянке через три дома, и удостоила взором бельевую веревку во дворе. А через пять минут началось представление.

Брок ударил кулаком в дверь и чуть хриплым, простуженным голосом крикнул:

— Открывай, жена! Муж пришел.

В этот же миг на дом опустилась тьма. Кромешную черноту обеспечило недосушенное белье, которое детвора набросила на окна. Причем убеждать юных аниматоров поучаствовать в развлечении особо не пришлось: какой озорник упустит шанс победокурить, и не только не получить за это хворостиной, а совсем даже наоборот?

Я же зависла на метле в самом стратегически важном месте: над печной трубой. На мне лежала ответственная миссия: организация звуковых спецэффектов. Не сказать чтобы мне сильно удавались потусторонние звуки и завывания, но я вспомнила отрывок из «Илиады», который старательно зубрила на первом курсе. Затянула его на одной ноте. Судя по звукам в трубе, простые завывания и свист были бы куда менее устрашающими. А тут эхо искажило слова до неузнаваемости, превратив мой скулеж в нечто среднее между заклинанием экзорциста и воем демона, выселяемого из уютной телесной квартиры.

То, что первый акт премьеры удался и зритель впечатлился, мы поняли по звуку чего-то уроненного и разбившегося. А потом послышались возня и суета. И лишь затем испуганное:

— К-какой муж?

— Покойный! От такого разврата и усопший из могилы вылезет. При жив... — Брок закашлялся, сбившись с роли, но тут же исправился: — При мертвом муже такое распутство вытворять!

— Я вдова, — уже твердо заявила развратница. — Ты оставил меня такой молодой, и года со свадьбы не прошло!

Брок, входя в роль, выпалил:

— Хотя бы в этом мне повезло, я недолго мучился.

— Ах ты!.. — не сразу нашлась Бажена. — Да я тебя не боюсь. У меня любовник — ведьмак! — донеслось гордое из-за двери.

И тут же поступило опровержение.

— А я опасаюсь. — Йон поспешил подтвердить старую истину: случайный любовник, как и губная помада, способен быстро смываться. — Мужик, который неупокойник, слышишь, я не ведьмак, я помощник

ведьмы.

Я взывала погромче. Брок ударил так, что дверь едва не слетела с петель.

Но, судя по всему, рассерженная хозяйка оказалась страшнее восставшего неупокойника. Подтягивая порты, оборотень вылетел из избы. Дракон тут же захлопнул дверь, едва шкура оказался на улице.

Не сказать, что битвы между «обманутым супругом» и «любовником» совсем уж не состоялось. Правда, она оказалась исключительно словесной, но оттого не менее горячей. Йон узнал о себе много нового.

Под конец шкура все же не выдержал и, сдав позиции, брякнул:

— Да, я вот такой. Ну люблю я. По-всякому люблю и всяких. А ты со своей Марной скоро забудешь, что у баб под юбкой.

За что и схлопотал. Брок ударил без замаха, но так, что Йон согнулся. Самое поразительное, что шкура и не подумал ответить. Словно осознал: словами он ударил побратима сильнее, чем тот — кулаком. Блохастый отступил.

— Прости, — выдохнул оборотень.

— Уйди. Уйди, чтобы я тебя не видел.

И Йон ушел. Шаг. Второй. Третий. А потом развернулся и, перемахнув через плетень, припустил по улице. Но отчего-то у меня создалось стойкое ощущение — шкура уходил, чтобы вернуться. Когда остынет сам и успокоится побратим.

Дракон же, не говоря ни слова, побрел прочь.

Я, сделав круг почета на метле, в растерянности смотрела на удаляющуюся спину. А потом, спустившись на землю, слезла с метелки и, хромая, вошла в избу.

Там на лавке сидела растерянная Бажена.

— А где?..

— Победил, — я была сурова, как ведущая вечерних новостей. — Сейчас пошел труп закапывать. Зароет — и вернется.

Последнее произнесла с одной целью: чтобы Бажена, узнав о том, что ее любовник собирается делать лапы, не подорвалась и не помешала тому спокойно уйти. Если по правде, я понятия не имела, что собирается делать шкура.

Сама же начала собираться. Если Брок в состоянии ходить, значит, незачем нам здесь задерживаться. Не сказать чтобы пожитков было много, но несколько золотых и рубаху с портами я тут оставлять не собиралась.

Бажена, видя, что я ухожу, вдруг сорвалась с места и начала метаться

по дому, причитая: «Ну как так! Вы уже... А как же с Йоноком попрощаться... Да что это такое-то...» Она суетливо начала что-то заворачивать в тряпицу. Как оказалось — снесь. Потом эта заполошная схватила какой-то жбанчик и, не глядя, присовокупила его к провианту.

— Возьми, возьми. — Она буквально всучила мне в руки поклажу.

Я лишь пожала плечами и пристроила узелок на черен метлы. Догнала Брока уже за околицей. Он шел вперед, не разбирая дороги. Шкуры видно не было. Ну и пускай. Этот блохастый, если надо, нас и за семь верст найдет, с его-то нюхом.

— Эй, ты чего? — Я попробовала заговорить с драконом.

Ящер не ответил, лишь посмотрел на меня невидящим взглядом. Я покрепче ухватила черенок метлы и, описав вокруг Брока круг, зависла перед ним. Благодаря метелке наши лица оказались на одном уровне.

— Слушай, ну что тебе такого Йон сказал, что ты сам себя потерял?

Вчерашний полутруп наконец посмотрел на меня осмысленно. А потом, отделяя каждое слово, произнес:

— Йон напомнил мне о главном. О том, кого я потерял.

— Слушай, потери — потерями, но мы-то живы, пока живем, а не существуем. А ты сейчас напоминаешь мне именно эту «существующую субстанцию». Временами даже разумную.

— На что намекаешь? — Кажется, Брок начал злиться. Ну и хорошо. Лучше злой дракон, чем потерянный дракон. К тому же рассерженный ящер мне уже как-то привычнее.

— Я? Напекаю? Да я прямым текстом кричу. Разве что транспарант в руках не держу.

Дракон сцепил зубы и, отмахнувшись от меня, потопал дальше. Впереди маячил заливной луг, к середине лета уже скошенный. О последнем свидетельствовали смётанные стога.

Шаг у ящера был размашистый, уверенный. А ведь он еще до конца не оправился, что бы ни пел Йон про его драконью регенерацию.

Я посмотрела на удаляющуюся спину и поняла: мне срочно нужен заместитель. Ну или исполняющий обязанности попаданки, чтобы нервничал вместо меня, переживал, работал службой экстренной психологической помощи для драконов. Вдохнула и... полетела следом за Броком. На черене качнулись два узелка с поклажей.

— Ну не хочешь говорить об обиде на Йона, давай о другом поговорим...

— Чего ты ко мне прицепилась хуже голодной блохи? — не выдержав, рявкнул Брок. Мы с метелкой аж замерли.

— Это я-то прицепилась. У меня на руках хилый дракон, который стоит на ногах лишь от злости. Спорю, вот сядешь на землю, отойдешь чуток, успокоишься и даже встать не сможешь.

— Я не чахлый, у сынов неба регенерация проходит гораздо быстрее, чем у людей.

— Пока не заметила. — Я покривила душой, желая уязвить ящера.

Крылатый таки смутился.

— Просто заживление напрямую зависит от питания. Телесного и энергетического.

— В смысле, чем больше ешь, тем быстрее? — уточнила я.

— Да. Или хорошо поесть, или переспа... — дракон недоговорил, оборвал сам себя.

Я же поняла простую вещь: с лекарством для драконов в этом мире гораздо проще. Не надо искать антибиотики или корвалол. Надо просто накормить от пуза.

— Тогда пошли. Буду тебя лечить. — Я мотнула головой в сторону ближайшего стога.

Дракон споткнулся на полушаге, а потом выдохнул решительное:

— Нет.

— Ну нет — так нет, — покладисто согласилась я. — Значит, буженина вся моя.

— Ты имела в виду еду? — сглотнул Брок.

— А ты? — Тут я насторожилась.

— Я тоже, — как-то чересчур поспешно согласился ящер, а потом добавил: — И, знаешь, я решил, что ты права, неплохо бы полечиться, в смысле подкрепиться.

Стог, который удостоится чести стать нашим «банкетным столом», Брок выбирал с дотошностью ресторанный критик, пришедшего в заведение, помеченное пятью мишленовскими звездами, с единственной целью — оттяпать как минимум одну пятиконечную.

Такого дотошного кастинга в этом мире, наверное, не достаивался ни один стог. Наконец нужная с точки зрения дракона копна была выбрана. Ну как выбрана: Брок просто пошатнулся и осел рядом с одной из копешек.

Я посчитала это за окончательное драконье решение и аккуратно слезла с метлы. Солнце уже клонилось к закату. Балки давно не было видно: по моим ощущениям, ящер протопал с пару километров.

Сняв с черена метелки узел с едой, я развязала концы. Буженина там и правда была, а еще каравай, яблоки, сыр, яйца, кулебяка. К тому же в таком количестве... Мне лично хватило бы на месяц. Дракон умял все за раз.

Я лишь наблюдала, как исчезают в Броке съестные припасы. Да уж, драконий аппетит в действии — это впечатляющая штука.

Когда же на полотнище закончились даже крошки и Брок обвел «поле боя» взглядом голодного сиротинушки, я лишь вздохнула. И как в него только вместились?

На небо выкатилась луна. То, что дракон никуда уже не пойдет, стало ясно по тому, как он приглядывался к копне. Да и у меня шастать по ночному лесу, видневшемуся невдалеке, особого желания не было.

Но страхи, про которые позабылось, пока я улепетывала от ырки и помогала любвеобильному Йону, вновь вернулись.

— Брок, а этот огненный шар, вернее, не этот, а такой же, не может вернуться? — постаралась сформулировать свою мысль. Вышло не совсем точно, но все же.

— Может, но не сегодня, — «успокоил» меня крылатый. — Чтобы призвать демона, нужно несколько дней. В идеале — шесть. Но сгодится и три-четыре. Меня интересует другое: кому ты дорогу перешла.

— Я? Перешла? — удивилась искренне. — Да я же говорила, что в этом мире никого не знаю.

Брок нахмурился. На его лице читалось сомнение.

— Слушай, ну ты сам признал, что я — не из благородных и не из крестьян. Да у меня и вещи есть из моего мира.

И я гордо выставила кроссовку. Мы с драконом вместе уставились на мою обувку. Не знаю, что подумал ящер, но я поняла точно: кроссовка доживает последние дни.

— То, что я ни разу не видел подобного, еще не значит, что таких вещиц нет в этом мире. К тому же тебя желают убить именно тут. Значит, и врагами ты обзавелась здесь же.

У-у-у! Непробиваемый!

— Да не обзаводилась я никем, только печатью, — в сердцах достала змею. — Если и охотятся, то на мое змеевидное украшение. В это ты хотя бы веришь?

— Верю, — серьезно ответил дракон, и мы оба надолго замолчали. Каждый думал о своем.

Заухала сова. Небо вызвездило. Далеко, в стороне балки, ввысь полетел дым.

— Костры жгут? — спросила я ради того, чтобы хоть что-то спросить. Молчание чесало мне нервы почище пуходерки.

— Так Сейринк же сегодня.

— А что за Сейринк? — решила я просветиться.

Как выяснилось из рассказа Брока, Сейринк — исключительно человеческий праздник. Поэтому меня поначалу не насторожило то, что дракон говорит о нем с презрением. Ну веселье и веселье.

Я по наивности ожидала, что это что-то вроде купальской ночи: костры, венки, хороводы... Нет, все перечисленное тоже было, вот только «банкет» оказался с продолжением. В одну из самых темных летних ночей девки с парнями прыгали через костер. А потом незамужние водили танок, купались, песни пели, пили маковое молоко и убегали в лес. А парни — за ними. А там уж кто какую поймал — та и его. Или те его — это зависело от шустрости «бегуна».

Когда Брок закончил, я сглотнула. Вот тебе и праздничек.

— У вас, у людей, есть и другие развратные обычаи. Например, кнесс может первый раз взять молодую жену на глазах у своих воинов. Или вот еще праздник...

Потрясение было настолько сильным, что даже печень предложила выпить. Вот только под рукой не оказалось ничего, кроме жбана с молоком, который всучила мне Бажена. Я открыла крышку и сделала большой глоток. То, что это ни разу не молоко, поняла в секунду.

Голова закружилась, ноги ощутили небывалую резвость. Захотелось бежать, смеяться, радоваться звездам и луне. А потом я посмотрела на Брока.

— А ты красивый, — сами собой сорвались слова. Я выдохнула их чуть хрипло.

По телу разлилась истома. «Наркотик», — выплыла обреченная мысль. А потом стало уже все равно. Лишь ощущение, что я лечу в какую-то бездну, туда, где единственное спасение — поцелуи, терзающие губы, и прикосновения, танцующие на коже. Дурман, что туманит разум и оголяет чувства, инстинкты.

Брок вырвал у меня из рук жбан, отхлебнул и резко выплюнул.

— Кереметь тебя раздери! Маковое молоко.

А потом, как сквозь пелену, до слуха донеслось: «Так вот почему Йона сорвало». Мне же было безразлично, от чего там снесло крышу блохастого. Здесь и сейчас существовал Брок, и я потянулась к нему.

Все происходило как во сне. Он вновь оттолкнул, я снова прижалась. А потом впилась в его губы. Сильно, без намека на нежность. Сама. Дракон закаменел.

Запустила руку в его волосы, целуя, рыча, вновь целуя. Я хотела всего и сразу, словно до этого прошли века ожидания. Брок пытался поймать мои руки, увернуться. Это раздражало. Неимоверно злило.

Я не могла остановиться. Отвар, будь он неладен, просто не давал мне этого сделать. Мне хотелось Брока до безумия. Ощутить кожу, впитать запах корицы и имбиря, почувствовать его всего, целиком.

Я больше не думала ни о чем. Были лишь эта ночь, эти звезды и сражение тел.

ГЛАВА 7, она же вопрос седьмой: — Сколько нужно времени на принятие решения?

Проснулась я оттого, что тело кололо сотней иголок. Голова раскалывалась, во рту чувствовался отвратный вкус, будто залпом выпила стакан сока из гнилой капусты. Но главное — я не могла пошевелиться. Совсем.

Порою страх — это трамплин для подвига. Так получилось и у меня.

Я забилась, завозилась полевкой, чей хвост прищемила мышеловка, и поняла, что вовсе не спелената смирительной рубашкой. Да и вообще, рубашки как таковой на мне не было. Зато имелся стог. В котором я, судя по всему, и провела ночь.

Выбравшись из своего убежища, осмотрелась. Первое, что... Вернее, первый, кого я увидела, был Брок. А потом в голову начали лезть воспоминания. А за ними налетела и вторая волна, но уже не страха, а паники.

Кажется, вчера я изнасиловала дракона. Как же неудобно получилось. А ведь он точно отбивался... Впрочем, последнее, что я четко помнила, это то, как Брок заламывает мне руку, а я его кусаю, и ящер, шипя и ругаясь, отпускает захват.

Посмотрела на разорванную в клочья рубаху дракона, мою, почти целую, но живописно украшавшую вершину стога, потом взглянула на жертву моего разврата, пока еще мирно дремавшую, и мне захотелось завывать в голос.

Потерпевший дракон спал. Но от этого мне не становилось менее совестно: расцарапанные плечи, несколько засосов на сильной шее и, кажется, даже пара выдранных клоков волос.

Я опустила взгляд ниже и поняла, что отныне буду пить только воду. Ладно рубашка, но как я смогла порвать на ящере штаны? Из плотной ткани, что по прочности навряд ли уступала джинсовой.

А потом с замиранием сердца провела рукой по своей груди. Обнаженной. Увы, если во мне и теплился огарок надежды — вдруг ночью мы все же не дошли до самого главного — то когда я поняла, что на мне костюм Евы, этот огонек с шипением погас.

Я тихо, чтобы не расплескать мозги, повернула голову. Казалось,

любое резкое движение заставит мою черепную коробку разлететься на мелкие кусочки, а серое думательное вещество — и вовсе растечься киселем. Поэтому я была предельно осторожна.

Мои штаны оказались в двадцати метрах от места нашей сенно-стоговой вакханалии. Кроссовки — и того дальше. Предметы исключительно дамского гардероба обнаружились отчего-то под боком Брока. Осторожно ступая по стерне, я добралась до своей одежды.

Лишь когда полностью оделась, смогла выдохнуть и начать раскаиваться. Сожалела старательно, алая от стыда и не представляя, как посмотрю дракону в глаза. Он людей и так ненавидел, а сейчас к всеобщей нелюбви добавится еще и антипатия к конкретной особе...

— Проснулась. — От голоса, совсем даже не сонного, я подскочила, а, приземлившись на многострадальную ногу, запрыгала на второй, шипя от боли.

— Вчера это тебе не мешало, — кивнув на мою лодыжку и сурово скрестив руки на обнаженной и расцарапанной груди, осуждающе заявил дракон.

— Извини... — Я не знала, что сказать в свое оправдание, и ляпнула: — Я случайно, нечаянно получилось...

Ящер закашлялся, но я, собрав все свое мужество, решила покаяться до конца:

— Знаю, мне нет оправдания, но все же прошу: прости меня, что я с применением грубой силы тебя совратила, изнасиловала и надругалась...

Брок согнулся в приступе кашля, я уже испугалась, не схватил ли он за ночь пневмонию, но дракон распрямился. Этот наглый крылатый не кашлял. Он хохотал.

— Надругалась... — Он все же не смог совладать со смехом. — Извини, но для того, чтобы меня совратить, твоих силенок маловато.

— Но как же... — Я развела руками и взглядом указала на разодранную в клочья рубаху дракона и порты: одна штанина радовала мир дырами, а вторая уцелела лишь чудом.

— Но я же не говорил, что ты не пыталась. Причем весьма рьяно. — Он протянул руку, чтобы потереть шею, и поморщился.

Я же облегченно выдохнула и только тут поняла, что до боли в костяшках сжимаю кулаки.

Брок же, не подозревая о том, какие душевные терзания меня раздрают, с сожалением повертел головой и спросил о том, о чем может спросить лишь мужик:

— А поесть ничего не осталось?

— Нет. — Облегчение от осознания того, что ночью не произошло окончательной капитуляции драконьих нравов, было велико, но все же внутри, где-то глубоко, точил червячок. — Зато приближается пицца духовная.

Я не кривила душой. Смурной, но уже умытый, причесанный, в чистой рубахе и даже кожаной безрукавке к нам широким шагом приближался Йон. Рядом трусила лисица.

Когда оборотень подошел, вместо приветствия бросил:

— Я смотрю, вы весело провели ночьку.

— Не было ничего!

— Не завидуй, шкура!

Мы с драконом ответили почти синхронно и эмоционально, что возымело обратный эффект. Йон заухмылялся.

— Заметь, побратим, я второй раз нахожу тебя поутру в компании с это рыжей, и ты опять так старательно отпираешься, что впору думать только одно.

— Посмотрел бы я на тебя, если бы на твою шею кинулась почти ведьма, что выпила макового молока... — сказал Брок и осекся.

Йон икнул. Судя по случившемуся вчера у молодой вдовушки, оборотень уже испытал на себе все прелести дегустации местного напитка любви.

— Кстати, а что это вообще за гадость такая и откуда она у Бажены? — задала я главный вопрос, кивнув на опрокинутый жбан.

— А разве не знаешь? — изумился шкура.

— Думаешь, если бы знала, отхлебнула бы вчера? — в тон ему ответила я.

Просветил меня дракон. Оказалось, что это гадское «молоко» варят раз в году, в ночь на Сейринк. А незримый Многоликий будто бы, умывшись этим отваром, наделяет его чудодейственной силой. Пьют его девы и юноши лишь единожды в жизни, перед тем как водить танок и бежать в лес. Если повезет и одарит Многоликий чрево, то зачатые в праздничную ночь дети непременно родятся сильными и здоровыми. А девку такую, понесшую после Сейринка, с радостью в любой дом женою возьмут: сумела зачать с первого раза, да к тому же дитя осенено божественным благословением...

Видимо, Бажена решила, что можно опоить Йона и миновать стадию «ночной лес». Вот и зачерпнула она макового молока из котла, но, торопясь собрать в дорогу снедь, эта заполошная всучила жбан с маковым отваром мне.

Правда, от такой догадки легче не стало. Все равно было жутко стыдно перед Броком. Мое молчаливое самобичевание прервал дракон, ехидно поинтересовавшийся у оборотня:

— А ты, помнится, так рвался в лес...

— Рвался, — не стал спорить Йон. — И даже был бы счастлив этой ночью, если бы не одна рыжая зараза.

«Я-то тут при чем?» — мелькнула мысль. Но я даже толком обидеться не успела, как шкура кивнул на лису.

Патрикеевна села, обвила зад хвостом и виновато прикрыла лапой морду. Но отчего у меня возникло ощущение, что раскаяния в этой лисьей моське ни на грамм?

— Что, она крутилась рядом, наблюдая за процессом, и тебя это озаботило? — изогнув бровь, изумленно поинтересовался дракон, дескать, неужели такая ерунда, как хвостатый свидетель, могла смутить любвеобильного оборотня?

— Если бы! Эта плешивая вела себя как законная жена, застукавшая благоверного на горячем. Она кусала девок, прыгала мне на спину в самый ответственный момент, а последней беглянке, которой я задрал подол, и вовсе вцепилась зубами в ухо. В общем, никакого удовольствия на этот раз не получил.

Я честно старалась сохранить серьезное выражение лица. Целых две минуты. Брок продержался чуть дольше. Но все-таки мы не выдержали. Йон на наш смех демонстративно обиделся. Лиса — уничижительно фыркнула. А я поняла — что такое Сейринк, я запомню навсегда.

Шкура же в ответ на наше зубоскальство лишь прошелся выразительным взглядом по разорванным штанам Брока. Теперь стыдно стало мне. Ну в чем дракон пойдет?

Запасные порты, что были на дне котомки, увы, на жертву моего опьяненного темперамента не налезали. Пришлось дракону щеголять в своих, чудом державшихся на завязках. Вернее, в одной уцелевшей штанине и лохмотьях второй. Оборотень пожаловал побратиму безрукавку со своего плеча. Целыми после моей попытки «совратить» дракона остались лишь его сапоги из дубленой кожи.

Зато отсутствие вещей сделало наши сборы в дорогу рекордно быстрыми.

— Куда теперь? — Сидя на метле, я старалась говорить как можно более непринужденно. — Может, в деревню вернемся за одеждой? У нас три золотых есть...

— Не может, — скривился шкура и признался: — Я под утро там

слегка... обернулся. От огорчения. Деревенские увидели и организовали мне увеселительный забег с вилами и факелами.

Брок ничего не сказал, но на его лице аршинными буквами читалось: «Я в тебе и не сомневался».

Йон же смело выдержал взгляд побратима, а потом выразительно осмотрел самого Брока, меня, лису и припечатал:

— Двинемся на тракт, что идет к Шойбе.

— По нему быстрее и удобнее идти? — зная оборотня, на всякий случай уточнила я.

— И это тоже, — согласился шкура. — А еще на нем удобнее грабить.

— Мы никого не будем грабить, — с нажимом произнес Брок.

— Хорошо, не грабить, а забирать одежду, провиант и деньги из чужого кармана с помощью угроз и почти без насилия, — слишком уж уверенно парировал Йон.

— Извлекать деньги из чужого кошелька, не прибегая к этому самому насилию, называется по-другому, — вставила я свои пять копеек. — Умные люди величают это искусство бизнесом.

Брок от моих слов посмурнел, зато Йон расцвел улыбкой и оптимистично заявил:

— Тогда пойдете на тракт. Будем делать этот самый бизнес, что бы данное слово ни значило.

Преувеличенно радостное Йоново «пойдете» растянулось на добрых полдня. Причем в животе Брока так выразительно урчало, что даже шкура начал поглядывать в сторону побратима. Наконец я не выдержала и обратилась к оборотню:

— Слушай, может, ты сбегашь, поймаешь и убьешь кого-нибудь побыстренькому, и мы пообедаем?

Ящер круто развернулся, собираясь что-то сказать, но его опередили:

— Чего? — опешил блохастый. — Я тебе не головорез какой-нибудь.

— Вообще-то я имела в виду зайца, тетерева, куропатку... — Мне осталось лишь покачать головой.

Да уж, я еще понимаю — дракон. Он не до конца поправился и пока всецело подтверждал давно известную истину: то, что не убивает, делает из людей циников с нездоровым чувством юмора и оригинальным образом мысли. Потому-то думать о членовредительском подтексте моей просьбы ему не зазорно. Но оборотня же никто по башке накануне не бил. Хотя... Или максимальная кровожадность мышления — это генетически закрепленная мужская черта?

— А-а-а... Ты это имела в виду. — Перевертыш выдохнул и повертел

головой.

А потом его ухо натурально дернулось. Миг — и Йон превратился в слух.

— Кажется, обед отменяется, — понял причину столь странного поведения побратима крылатый.

Судя по суровому виду Брока, голод все же сумел договориться с принципиальностью, а то и вовсе взял ее в долю: ящер идею облегчить поклажу путников уже не отвергал. Правда, чует мой желудок, самому пристальному лесному таможенному досмотру подвергнутся отнюдь не кошель, а съестные припасы тех, кто едет сейчас по тракту.

Йон сиганул в кусты напрямик, ориентируясь на звук. Я же предпочла взлететь чуть выше, поэтому пригibasась и смотрела в оба, чтобы не получить очередной веткой по носу. Брок слегка приотстал.

Когда мы оказались у обочины дороги, я тоже услышала скрип колес и цокот копыт. Но тут встал вопрос: как, собственно, делать бизнес? У нас не имелось даже меча. Вернее, он был у Йона, пока им не подзакусил дракон.

Мы, не сговариваясь, переглянулись. И почему-то два этих сильных, чего греха таить, красивых мужчины, два воина, где надо — смелых, умных, а оттого в меру отважных, уставились на маленькую меня.

— Чего?

— Ну ты же у нас специалист по пакостям и неприятностям, — соблаговолил пояснить шкура.

— Зато оружие массового поражения, на которое массы смотрят и поражаются до дрожи в пятках, у нас дракон! — пошла в атаку я. — А тебя, Йон, вообще должны бояться все женатые мужики.

— Почему это только женатые? — подозрительно уточнил оборотень.

— Потому как ты способен не только наставить раскидистые рога, но и осчастливить законного супруга мохнатым пополнением семейства.

Крыть шкуре оказалось нечем.

Обоз вот-вот должен был показаться из-за поворота.

— Хорошо, — выдохнул Брок. — Дракон так дракон.

Он отошел на десяток шагов, намереваясь обернуться. Я покачала головой. Да уж, эта здоровенная крылатая ящерица была отличным тактиком, готовым принять удар на себя. Могу поспорить, в каждой битве Брок дрался едва ли не до последнего вздоха и до смерти в буквальном смысле ненавидел отступать.

Но, судя по тому, что встретились мы, когда ящер сидел в клетке, такую дисциплину, как стратегия, дракон усердно прогуливал.

— И как ты собираешься заниматься вымогательством? Тьфу! В

смысле вести переговоры и требовать пошлину за проезд? — исправилась я.

Крылатый посмотрел на меня сердито.

— Заешь, я вообще-то первый раз граблю, — едко заметил дракон.

Я же поняла: этих двоих правильно вести бизнес еще учить и учить.

— Сначала клиенту надо дать возможность выбора без выбора, — начала я, но тут показалась оглобля телеги и пришлось срочно сворачивать просветительскую деятельность.

Мы все сиганули в кусты. Лисица, которая то крутилась рядом, то скрывалась в лесу, пока мы шли до тракта, уже поджидала нас в зарослях ракитника.

— И? — спросил Йон.

— Пока сидите здесь. Ты, как только позову, выйдешь из кустов. А ты подашь голос, когда скажу, — раздала я указания, некультурно, зато доходчиво тыча пальцем поочередно в Брока и шкуру. А потом, посмотрев на плешивую рыжую, скомандовала: — Пошли со мной.

Плутовка вильнула хвостом: де, не очень-то хочется своей шкурой рисковать. Но я ее не спрашивала, подхватила под тощее брюхо. На роль ведьминской горжетки рыжая подошла отлично, заодно надежно закрыла печать, которая все норовила выглянуть через разодранный ворот.

Когда я вылетела на середину тракта верхом на метле, лиса старательно обвисла, репетируя роль шланга.

— Стойте! Я хочу взять у вас интервью! — заорала я, не успев собраться с мыслями от неожиданности, но потом исправилась: — В смысле ограбить. Кошелек или...

К слову, крик и фраза про взятие интервью были давно и прочно отрепетированы, я действовала почти на рефлекторном уровне и при надобности могла перекрыть луженые глотки коллег-репортеров. Поэтому по сравнению с выданными мною сейчас децибелами пожарная сирена не выла, а тихо шептала.

Во время этого короткого спича я одной рукой держала черен поганки-метлы. Она же, словно нарочно, вдруг загарцевала подо мной, отчего я чувствовала себя как турист на банане. Второй рукой во время взбрыкивания своего летательного аппарата инстинктивно вцепилась в лису. Подозреваю, со стороны это выглядело как замах из-за головы.

Небольшой обоз (всего-то пять телег) сразу же разделился на два лагеря: одни осенили себя божественными знаменами, вторые — луками и стрелами. Причем ладно бы решили благословить ими однотележников, а то — меня.

Едины ограбляемые были только в одном:

— Черная ведьма!

— Душу выпьет!

— Убить ее!

— Щас заклятием шибанет!

Потенциальные жертвы обстоятельств, как всегда случается, услышали только мою первую реплику.

В меня полетели стрелы.

Я почти увернулась. Нет, с технической точки зрения я благополучно разминулась со всеми оперенными летуньями, что нацелили на меня свои каленые жала. Но вот то, как я это сделала... Кто сказал, что пилотам для освоения мертвой петли нужно не меньше ста часов полетов? Ха! Да в них при этом просто не целились из луков и арбалетов. В моем случае учителя попались дюже талантливые. А один еще и меткий: стрела застряла в черене прямо передо мной и напоминала гигантскую метку прицела, что вертикальню маячит перед оком снайпера.

Нет, определенно, задуманный гоп-стоп пошел не по плану. Зато лиса, увидев, что если она и дальше будет изображать предмет гардероба непутевой грабительницы, то ее наспигуют стрелами, как урну в торговом центре флаерами, решила дать деру. Вернее, лету. Оттолкнувшись от меня лапами, она сиганула прочь, чем вызвала новый приступ паники среди молящейся категории граждан обозников.

— Чернокнижница!

— Она оживляет трупы!

— Мужики, она вообще-то живая была, — заорала я ради справедливости, закладывая очередной вираж.

Ответом мне стал очередной водопад стрел, от которого я позорно ушла свечкой вверх.

А потом из кустов завыли, протяжно так. Сразу стало понятно: не человек. Когда же на этот вой еще и откликнулись... Даже у меня мурашки по спине побежали.

Но не рулада заставила обозников мысленно попрощаться с этим светом: на тракт вышел Брок. В своем драконьем образе он был впечатляющ до дрожи в коленках.

«Депутаты» от партии «молящихся» заблеяли еще громче. Охрана приготовилась подороже продать свои жизни и ощетинилась: одни — копьями, другие — мечами. И над всеми ними зависла я.

Надо было срочно вступать в дипломатические переговоры, пока охрана обоза еще могла меня услышать. Набрала побольше воздуха,

прикидывая, как в одну реплику вложить мысль: мы мирные разбойники и никого убивать не собираемся. Только позаимствуем немножко вещей.

Краткость — сестра таланта. Я оказалась очень одаренной, потому как весь глубинный смысл идеи мирного ограбления свелся у меня к четырем словам:

— Собираем плату за проезд!

Оторопели, кажется, все. Это-то мне и требовалось. Я штопором спустилась вниз, зависла в паре локтей над землей.

— Не нужны мне ваши души ни разу! Мне бы свои прокормить, — глянув на дракона, у которого в этот момент выразительно заурчал живот, начала я свою вымогательскую речь. — Оттого на этом тракте с сегодняшнего дня установлена таможня. Плата за проезд необременительная. К тому же у вас есть выбор...

— Какой еще выбор? — донеслось из-под шлема одного из охранников обоза.

— Вы можете заплатить или нам, или лекарю.

— А лекарю за что? — нашелся тут же другой, молодой, без брони, с льяняными вихрами, стянутыми очельем.

— За то, что он наложит лубки на ваши раздробленные кости и залечит ожоги, — искренне заверила я.

Дракон в подтверждение моих слов ударил хвостом. И вроде не сильно так, но кони всхрапнули. «Молящаяся» часть пассажиров, поняв, что убивать их вроде как не собираются, повылезала из-под телег. Это оказались двое купцов (первый — вольный сокол, второй — с дочерью) и несколько путников, что опасались ехать в одиночку.

Через полчаса торгов, когда и охрана обоза, и дракон уже искренне сожалели, что не сошлись в рукопашной, мы с двумя местными коммерсантами все-таки пришли к соглашению. Когда же озвучили оное воинам обоза и дракону, то обе «боевые группировки» плюнули в едином порыве.

Йон вылез из кустов и, отдирая от шеи лису (моя этой рыжей морде не понравилась, а оборотнева — прямо не отцепить), озвучил общее мнение воинов:

— Вы совсем ку-ку? — Он повертел пальцем у виска для выразительности.

В тишине леса кукушка, заслышав пение конкурента, решила оповестить, что эта часть лесной территории таки под ее протекцией, и закуковала. Громко и остервенело.

Но купцам плевать было на мнение критиков, а уж если из спасения

собственной шкуры можно извлечь выгоду — и подавно. Я же вспомнила, что покойная кнесса проповедовала сохранение мира, и прикинула: этот самый мир устанавливают не политики, а торговцы. Поэтому решила, что нынешнюю сделку можно считать вкладом в упрочнение мира между высоколетающими и прямоходящими.

Мы ударили по рукам.

Брок зарычал и стал стремительно менять ипостась. Подозреваю, что он сделал это с единственной целью: так удобнее душить рыжих журналисток.

— Мне? Охранять людей?

Ему вторили обозники:

— Нам, с этим драконом?

Но меня больше моральной стороны вопроса интересовала пищевая:

— Плату, в смысле еду, вперед.

— Твой дракон еще ничего не наохранял, — тут же возразил купец. — И оборотень тоже.

— Уважаемый, а вы не слышали народной мудрости: дракон, когда поблизости люди, долго голодным не бывает?

— Нет, — буркнул второй торгаш, понимая, что убедиться в супернадёжности новой дополнительной охраны не факт что удастся, зато в прозорливости — вот прям сейчас.

Купец развернулся к одному из обозников и гаркнул:

— Хран! Достань шматок сала и ковригу для новых обережников.

Потом вновь посмотрел на меня и уточнил:

— Это все?

Я изогнула бровь и прищурилась:

— А ходить новый охранник должен в рваньё?

Звук стираемой зубной эмали я услышала отчетливо, но купец был ученый и выученный не такими кровопийцами-покупателями. Потому он почти спокойным тоном бросил через плечо:

— И одежду найди этим...

Больше торговец ничего спрашивать не стал. Зато второй его «коллега» буркнул себе под нос, что его всегда настораживали умные бабы, мирно настроенные драконы и обещания кнессов снизить налоги, но паче всего — черные ведьмы, сулящие чистую выгоду.

— А меня — щедрые торговцы, — не удержалась я от ответного комплимента.

После обмена любезностями обоз снова двинулся в путь. Йон бессовестно сидел на одной из телег и активно работал челюстями,

попеременно откусывая от куска перченого сала и от ломтя хлеба, которые держал в обеих руках. При этом блохастый умудрялся еще и переглядываться с симпатичной девицей, что ехала чуть поодаль, рядом с одним из купцов. Лиса, сидевшая подле Йона, лишь фыркала.

Я покачала головой. Шкура был неисправим. Зато Брок зыркал на меня сердито. Правда, делал это в новых штанах и рубаше, не переставая жевать. Когда в недрах драконьего желудка исчезли третий шмат сала и вторая коврига хлеба, к злomu взгляду ящера добавился второй: разгневанного Храпа. Оказалось, что этот уже немолодой мужчина отвечал в обозе за провиант, и его до красных пятен на щеках раздражал тот факт, что прожорливый дракон в одну морду утрескивает снeдь, которой хватило бы трем здоровым мужикам. И при этом смотрит голодным взором: а есть ли еще?

Подивилась аппетиту ящера, но вспомнила, как быстро зажил ожог... Все имеет свою цену, хорошо, что в случае Брока она измеряется всего лишь килокалориями.

Пролетев вперед, наткнулась на любопытный взгляд той самой девицы, которую так усердно совращал Йон. Подумала, не стоит ли взлететь чуть выше, когда девушка решила на вопрос:

— Госпожа ведьма, а это тяжело? — краснея от собственной смелости, она смущенно посмотрела на меня.

— Что? — не поняла я.

— Летать на метле! — Девушка грозила превратиться в переспелую ягоду, которую французы романтично именуют «поме де амор, или плод любви».

А тут еще сердитый взгляд сидевшего рядом купца... Но женское любопытство оказалось превыше смущения и страха перед колдовкой. Потому, комкая в руках ткань собственной рубахи, она ждала ответа.

— Не очень, но сидеть на лавке всяко удобнее... — протянула я с намеком, кивнув на облучок.

Девушка намек поняла и, пододвинувшись, предложила:

— Так садитесь, госпожа ведьма...

Меня дважды просить не пришлось. Как выяснилось из разговора (к которому потом присоединился и отец девушки, купец Ротмин), причина девичьего любопытства была простой, как половица: отец вез дочку в стольную Шойбу — поглазеть на ярмарку и знаменитые на все кнесские уряды бои магов. На последних чародеи соревновались в своем умении колдовать.

Юная Ярика, которая на поверку вила из батушки веревки,

непрерывно захотела себе в мужа взаправдашнего мага. Да не абы кого, а знаменитого Умара Ружримского — драконоборца и красавца, прославившегося в сражениях последней войны. Этот самый Умар всегда выступал в колдовских боях и выходил победителем.

Отец, конечно, посмеивался над дочкиной блажью, но на ярмарку дитяню взял. Ярика же решила, что, едва знаменитый драконоборец ее увидит, сразу предложит зазнобе руку, сердце, голову и прочие органы своего доблестного чародейского организма и не забудет про самую важную запчасть — кошелек.

Ротмин, как мне чудилось, согласился взять дочь с одной-единственной целью: чтобы та убедилась, как несбыточна ее мечта, и наконец-таки благосклонно взглянула на сына его давнего торгового партнера.

Меня же Ярика пригласила присесть, чтобы побольше узнать о магах. Но эта наивная девушка и не подозревала, что проще отодрать от кожи присосавшегося клеща, чем узнать у журналистки то, что та рассказывать не намерена. Зато я умудрилась выцыганить из словоохотливой купеческой дочки прорву информации.

За насыщением пищей духовной настал черед отведать и обычной: наступил вечер и вереница телег остановилась на ночлег.

Обозники перешучивались, разминались после долгого пути, вздыхали. Вокруг царствовала обычная походная суета.

Повозки установили полукругом, начали разжигать костры.

Я спешила, искала взглядом Брока. Дракон, все такой же угрюмый, помогал другим воинам распрягать лошадей.

Словно почувствовав мой интерес, он обернулся и в упор посмотрел на меня. Я поежилась под его взглядом и зябко обхватила плечи. Брок же отвернулся, словно меня тут и вовсе не было.

Ну и ладно. Не больно-то и хотелось.

Вечер тек неспешно, но при этом разительно отличался от того, какой я видела, наткнувшись на стражников, охранявших клетку с Броком. Я чувствовала себя здесь... почти в безопасности. Или это оттого, что и простые путники, и охрана обоза слегка побаивалась «госпожи ведьмы»?

В котелках кипело варево, к которому меня благоразумно не допускали. А вдруг какого зелья подолью в еду? Зато миску с кашей мне поднесли одной из первых.

Я, присев рядом с оборотнем, жевала разварившееся зерно и думала об этой странности. А потом не выдержала и поделилась наблюдением. Йон тоже задумался и выдал неожиданный ответ:

— Наверное, это потому, что они мирные. Война... Для торговца пряностями или крестьянина едино, сожжет его добро драконье пламя или съедят поборы кнесса на армию. Но вдвойне обидно бывает простому люду, когда его начинает грабить войско, на содержание которого были отданы последние гроши из кошель ремесленников, землепашцев, торговцев. Потому у обывателей нет той лютой ненависти к драконам, что у воевавших.

— А у тебя? У тебя эта ненависть есть? К людям.

— Знаешь, — шкура облизал ложку и положил ее в опустевшую миску, — как ни странно, тоже нет.

— А с чего вообще началась эта самая война? — глядя на плясавшие в ночи языки костра, задала давно мучивший меня вопрос.

Йон открыл было рот, чтобы ответить, когда на мое плечо легла рука и чуть хриплый голос произнес:

— А как ты думаешь, с чего начинаются войны?

Я вздрогнула.

Медленно повернула голову и увидела отрешенное лицо, испещренное морщинами и отмеченное уродливым рубленным шрамом. Я заприметила этого старца еще тогда, когда летела на метелке вдоль обоза. Да и как не обратить внимания на седого как лунь слепца, что держал спину прямо, а, казалось, видел с повязкой на глазах больше, чем некоторые зрячие?

Йон замер. Я же, отчего-то оробев, сглотнула и предельно честно ответила:

— Причина любой войны — желания.

Старик крикнул, помотал седой головой и присел рядом.

— Интересно... — задумчиво протянул он, словно сомневаясь.

— Ну да, — решила я пояснить. — Желания богатств, земель, мести, любви, власти...

— Слишком разумные мысли для дурной девичьей головы, — по-своему понял нежданный собеседник, которого никто не приглашал. — Хотя, если эта голова принадлежит ведьме, то в нее может прийти все что угодно...

— Так война между драконами и людьми началась по иной причине? — провокационно, в истинно журналистском тоне, задала я вопрос.

Слепец усмехнулся, но крючок заглотил.

То, что перед нами природный и исключительный оратор, стало ясно хотя бы по мягкому, но сильному голосу, уверенности в правоте своих слов. Да и сама история оказалась весьма познавательной. Все началось пару лет

назад: драконы напали на несколько кнесских урядов. Вернее, сначала один вожак спалил дотла бриталь.

Когда же местные маги оцетинились боевыми заклинаниями и начали жалить вероломного ящера пульсарами, знатно намяв ему бока чародейскими хуками и едва не завалив, крылатый унесся ввысь. А через день драконы полили огнем уже пять окрестных деревень, и вспыхнула война.

Сражения в воздухе и на земле шли с переменным успехом. Драконы — сильнее, но людей — больше. Под натиском небесного племени стенали и равнинники, и лесные жители, и болотники, и хижнаны, и бутинты, и житноши, и везиры... Сыны парящих твердынь не разбирали границ кнесских урядов.

Лишь уряд стража Верхнего предела драконы не тронули. Вернее, попытались, но наткнулись на препону. Будто кто длань простер над горянами.

Сопредельники, видя такое, решили, что лучше примкнуть к сумевшему дать отпор драконам соседу. Кнессы поклонились владыке Верхнего предела, попросились под защиту и тем самым избежали участи быть сожженными до голого пепелища.

В знак покорности правитель предгорий затребовал печати. Кнессы покорились.

Диктофон, который я умудрилась включить украдкой (хоть и не с самого начала речи слепца), старательно укладывал в цифровую память сведения о новейшей истории этого мира.

У меня же рождались все новые и новые вопросы. Они зудели на кончике языка, роились в голове. Но я молчала. Порою кусала щеку с внутренней стороны, иногда впивалась ногтями в кожу так, что на ней оставались полумесяцы с алыми каплями, и безмолвно сидела, пытаюсь понять...

Печати. Чем они так ценны?

Почему дракон напал ни с того ни с сего? Обезумел? Тогда бы за него не мстили сородичи.

— Энпарс сумел объединить под своей дланью почти половину кнесских урядов и дал отпор драконам, — продолжал меж тем свой рассказ старик. — В битве под Льдистыми пиками страж Верхнего предела не победил, но выиграл куда больше. Мы знатно помяли тогда крылья драконам. Настолько, что те пожелали заключить мир и даже заплатили дань полновесным золотом... Вот только каждая монета из тех мешков, что отдали драконы, оплачена кровью людей, погибших в этой треклятой

войне.

Когда рассказчик закончил и я машинально выключила диктофон, мне отчего-то расхотелось задавать вопросы. Не здесь и не сейчас. И не этому слепцу. Слишком убежденно он рассказывал о правоте людей. Слишком горячо восхвалял силу и мудрость кнесса Энпарса. За сиянием его речи не было видно и тени правды. Или, может, в незрячем говорило отчаяние? Наверняка свои глаза он потерял, сражаясь с крылатыми ящерами. И нынешнему слепцу хотелось верить, что оставил он свое зрение на поле брани не зря — отстаивая правое дело.

Мне нужно было что-то сказать неожиданному собеседнику, который решил скоротать вечер, поведав о былом. Вот только рассказ о времени, что еще недавно было настоящим и не успело покрыться пылью веков, вышел безрадостным.

Журналистская выучка требовала, просто вопила: поблагодари, заверь, что прониклась и уверовала именно в его правду об этой войне. Но с языка сорвались другие слова:

Не ищите вы вздорного вымысла
В тех речах, что так громко звучат.
Ложь не бывает бессмысленной,
Когда обмануть хотят.
Правда — палач нечаянный.
Ее тяжело снести.
За нее умирают отчаянно.
Или к ней не находят пути.
Но расплата за ложь ядовитую,
Как и за правду порой,
Звенит кровавой монетою.
Только что стоит за ценой?

Едва прозвучали последние слова, я пожалела, что не дала взятку-обещание собственной совести. Ну что мне мешало покивать китайским болванчиком, будто я во все верю? Может, то, что в глубине души понимала: таким образом я предам Брока. Наверняка у него об этой самой войне тоже имеется своя правда.

— Ведьма, — то ли сказал, то ли плюнул слепец и поднялся, чтобы уйти.

Ни я, ни Йон не стали его окликать. Но и сидеть вот так, в тишине, под

пристальным взглядом оборотня, не хотелось. Потому я, заприметив, что Ярика схватила котелок и пошла мыть, припустила следом за ней.

Догнала уже почти на границе света, что отбрасывали костры. Слово за слово выяснилось, что, несмотря на то, что девушка — дочь торговца, она отнюдь не белоручка. Впрочем, в последнем я убедилась у ручейка шириною от силы в три ладони. Зато его воды хватало путникам не только на еду.

Вода журчала, шепталась, колола руки холодом родника, бывшего неподалеку и дававшего начало ручью. Его неспешное течение дарило покой и умиротворение, словно смывало жгучий яд противоречивых эмоций.

Ярика смеялась, зубоскалила, все пыталась выведать, отчего ведьма не пользуется волшбой, а по-простому драит котелок. Я отшучивалась, что-де мытье посуды без чародейства — это своего рода ритуал, благодаря которому можно узнать, насколько сильно тебя любит мужчина. Ведь если он влюблен, то пообещает всего лишь горы золота и алмазов, а если любит по-настоящему, предложит еще и помыть за тебя котелок.

Увы, никто пока не был столь одержим страстью, чтобы предложить свою помощь. А фольклорного элемента моего мира, мистера Пропера, подозреваю, нельзя было вызвать даже через пентаграмму. Поэтому мы с Ярикой медленно, но верно одерживали победу над грязью самостоятельно.

Когда же бока котелка, натертые песком, засияли, дочка торговца вскочила, тряхнув дюжиной своих косичек, перемежавшихся с распущенными волосами, и подхватила посудину. Увы, я такой резвостью из-за своей еще не до конца зажившей ноги похвастаться не могла.

Егоза смотрела на мое кряхтенье и притопывала на месте: ей не терпелось вернуться к костру, где уже звучал смех. Судя по тому, что кто-то горланил в меру пристойную песню, обозники были из тех людей, которые живут для радости, а не существуют для тоски.

До меня донеслось:

За зазнобу милую
Выпить я хочу,
Но как это сделаю —
От жинки получу.
И от тещи пакостной
Я б напился всласть,
Только ведь зараза та
В хмель не даст упасть.

И с бабушкой старою
Пил бы чарку я,
Сидя на завалинке
На исходе дня.

Но я понял истину:
С этой или той,
Без вина немислимо
Обрести покой.
Так мужик спивается,
День за днем идет...
А виной всему опять
Этот бабий род.^[1]

Но, как бы ни хотелось Ярике побыстрее присоединиться к веселью, она все же дожидалась меня.

— Беги уже, сама дойду, — заверила ее.

В ответ только пятки засверкали.

Прихрамывая, тихонько побрела на свет. Но то ли день сегодня такой, то ли я такая, а меня второй раз за вечер напугали. И если слепец сделал это так, что я не дернулась, а закаменела, то тут, в кустах, когда тебя за талию со спины обнимает темнота... Рефлекторный тычок локтем и отточенный дворовыми драками удар затылком, который метил в переносицу противника, сделали свое дело.

Субъект, положивший на меня в темноте свою лапу, зашипел. Правда, сквозь зубы. Но хваталки так и не убрал. А вот то, что в плане роста я промахнулась, стало понятно, когда мой затылок ударил не в ожидаемое лицо противника, а в грудь. Причем знакомую такую грудь, широкую и твердую. Да и волевой подбородок, который я созерцала ныне с запрокинутой головой, был мною не так давно весьма пристально изучен.

Брок смотрел на меня сверху вниз. Все такой же хмурый: поджатые губы, складка меж бровей. Ну точно небо пред ненастьем: буря пока не начала рвать своими ветрами тучи, дождь еще не надавал хлестких капель-пощечин, но воздух уже искрил.

— Ты меня напугал! — Я сглотнула, чуть отстранилась и повернулась лицом к дракону.

Было странно стоять вот так, рядом с ним. Брок казался скалой, что нависает, угрожая обвалиться, и одновременно защищает от стывших ветров.

— Прости. — Его глухой голос, скупая фраза и прикосновение мозолистой ладони, напоминавшее ожог, говорили о том, что ящер опасается, что я не приму его извинений, сбегу.

— Ты тоже извини. Я с перепугу тебя ударила. — Мои слова показались какими-то незначущими, глупыми.

— Я не за то просил прощения, — выдохнул дракон, будто собирался сделать самый ответственный шаг в своей жизни. Ну или как минимум предложить совместную ипотеку. — За то, что злюсь на тебя. За это прости.

Я закусила губу. Мужская логика во всей красе сразила меня наповал: я лучше извинюсь и продолжу в том же духе, чем попробую что-то изменить в себе. Ну хорошо. Если мустанга нельзя объездить, то, может, стоит его задобрить сахарным бураком, а потом и вовсе откормить до жирка, чтобы он был не столь резв? В смысле, может, в беседе с Брокком зайти с другой стороны?

— Хорошо, — начала я миролюбиво, даже ладонь поверх все еще державшей меня руки положила. — Тогда не мог бы пояснить: почему ты на меня сердит?

— Потому что я мужчина. Это я должен решать проблемы, добывать пропитание, защищать...

— А еще кричать в порыве страсти: «Ар-р-р, моя!» — и в гневе: «Молчи, женщина!» — закончила я за него.

Дракон удивленно моргнул, будто увидел перед собой привидение. Мне же все стало предельно понятно. Ящер, похоже, на своей шкуре впервые в полной мере познал синдром сломавшегося олимпийца.

Когда ты еще вчера — чуть ли не надежда нации, привык идти только вперед, побеждать, несмотря ни на что, вести за собой... а сегодня вдруг оказался в инвалидном кресле и тебе подносят к губам стакан воды.

Разум отказывается верить телу и кричит: «Я могу!» — бьется в силках парализованных мышц. Душа горит пламенем отчаяния: ты не смог, подвел всех и в первую очередь себя. Вот тогда-то с головой накрывает злость.

Брока я в этот момент понимала. Но тут же в моей временами весьма рационально мыслящей черепашке возник вопрос: почему дракон ощутил все это только сейчас, а не тогда, когда сидел в клетке?

— Зачем я должен кричать «Ар-р-р»? — Вопрос Брока выдернул меня из размышлений.

— Ну, так обычно кричат все властные му... мужчины. — Я поправилась в последний момент, впрочем, не упомянула, что сей вопль гориллы, словившей в ягодицу заряд соли, мужики издают в основном в

женском воображении.

— Странные, однако, слова любви в тех местах, откуда ты пришла. — Брок намеренно опустил слово «мир».

«Не верит», — в груди кольнула обида.

— У тебя тоже странные, — не преминула подколоть в ответ. — Должен, обязан... Что ты должен — это отдавать налог в казну, что не должен — это заповедано Многоликим. — Я припомнила имя местного божества, прикинула, что у того в религиозном загатнике наверняка есть парочка табу типа «не укради, когда можешь честно обмануть». — Все, за сим обязательная часть заканчивается. Остальное ты вправе выбирать сам.

— А если я выберу тебя? Не спрашивая твоего согласия... — Голос Брока вдруг резко сел.

Проверяет? Провоцирует? Говорит правду? Хочет уйти от неприятной темы? От этого дракона можно ожидать всего. Его губы снова изогнулись в усмешке, и я поняла: все же провокатор! Ну, ящерица крылатая, держись!

— Тогда у меня тоже будет выбор: сражаться, поддаться и обхитрить — или принять. И если выберу последнее, — я прильнула к Броку так, что мое дыхание коснулось его лица, — то прижмусь к тебе, трону языком губы, укушу жадным поцелуем. Запущу руки в твои жесткие волосы, чтобы ощущать, как они щекочат подушечки пальцев. Я захочу услышать бешеный стук твоего сердца и треск срываемой одежды... И это тоже часть выбора, — закончила сухо, глубиной льда вывалив последнюю фразу на разгорячившегося дракона.

То, что моя ответная провокация произвела эффект, стало понятно по тому, как часто Брок задышал. Видимо, воображение у ящера было отличное.

Дракон оценил и фыркнул.

— Знаешь, ты либо хитрюга, каких свет не видывал, либо сумасшедшая.

— Порою это две крайности одной натуры.

— Если только ведьминской, — незлобно поддел ящер.

И вот что странно: за этими обоюдными провокациями и подколками мы оба как-то подзабыли о том, что не в меру гордый дракон злится на себя (а заодно и на меня), ощущая, что он — не единственный защитник и надежда.

— А, может, не так плохо быть ведьмой? — задумчиво протянула я.

— В смысле — не так уж и плохо мешать в котле крысиный помет и сушеные лягушачьи лапки? Страдать радикулитом от полетов на метле и иметь горб? — прищурился дракон.

— Нет, быть свободной. Хотя бы отчасти.

В этот момент я покачнулась и оперлась на больную ногу. Щиколотку кольнуло, и я непроизвольно поморщилась. Брок, не говоря ни слова, подхватил меня на руки, не дав упасть.

— Ты же... — «...не до конца поправился», — так и не договорила я.

Ящер лишь усмехнулся и заверил, что еще пара шматков сала — и от ожога не останется и следа. Нести же тощую девицу он и сейчас в состоянии. Но вопреки своим же словам никуда он меня не нес, а стоял на месте и внимательно рассматривал. А потом задал неожиданный вопрос:

— А что для тебя эта самая свобода?

Я растерялась. И вправду, что?

— Я сама могу выбрать свой путь.

— Чтобы уйти?

— Или остаться. Выбор — это не всегда движение. Порой это просто осознание того, что тебе дорого, за что ты готов сражаться.

— Сражаться должны мужчины, а удел женщин — ждать, — возразил этот непробиваемый упрямец.

— И даже драконицы ждут? — поразила я.

— И даже они, — в тон мне ответил Брок. — Ждут, надеются и верят.

Нет, его не переубедить, что истинное счастье — это возможность взлететь самой и знать, что если начнешь падать, то тебя поймают. Это. А не сидение на земле, пусть и парящей в небесах.

— Тебе никто не говорил, что ты тиран в мягких тапочках?

— Нет, — мотнул головой дракон. — Говорили много лестного, пока я был младшим братом энга парящей твердыни, много честного, когда стал командующим, и много унижительного, пока был в плену, но «тираном» еще никто не оскорблял.

Я смотрела на Брока. Спокойного, собранного, скрывающего за шутливыми словами то, что его гнетет, и решила:

— Скажи, нападение дракона, который выжег бриталь... Оно ведь произошло не на пустом месте?

Я почувствовала, что мышцы на руках Брока резко сократились, и я оказалась еще теснее прижата к телу дракона.

ГЛАВА 8, она же вопрос восьмой:

— Что бы вы хотели изменить в своем прошлом и почему?

— Скажи, задавать вопросы, на которые тяжелее всего ответить, — это у тебя врожденный дар или были талантливые учителя?

— Нет, это профессиональный рефлекс. — Я внимательно посмотрела на Брока.

— Тяжело с тобой, — покачал головой дракон.

Я обиделась. Всего-то пятьдесят три килограмма! А еще «мне донести ничего не стоит...».

— Если тяжело, поставь обратно. Туда, где взял.

Но Брок прижал меня еще крепче. Хотя, казалось бы, куда еще-то.

— Я не о том, но раз ты хочешь знать...

На поляне уже всю смеялись и разговаривали. Кто-то даже пробовал бренчать на местном музыкальном инструменте — нехайтарпе. Сия жуткая штуковина напоминала половинку чурбака, к которой с дури притачали и клавиши, и струны одновременно. Но и этого изобретателям показалось мало: к нехайтарпе прилагался еще и смычок. Но, несмотря на все пришпандоренные гаджеты, звучала она отвратно. У меня создалось ощущение, что кошка, которую тянут за хвост, и то орет мелодичнее.

Тем не менее слушатели мужественно терпели, поскольку в роли исполнителя выступал здоровенный детина: такому попробуй возрази, вмиг уверишься в гениальности музыканта, бороздя носом землю на бреющем полете.

Сначала здоровяк долго прилаживался, натягивал струны, а потом, видно, решил: «Нехай тэк!» — и мелодия полилась в народ. Народ мучился, но терпел, пока Ярика, состроив глазки, не сумела-таки выманить у меломана инструмент и не забренчала сама. К слову, у нее это выходило гораздо благозвучнее.

А мы с Броком сидели на границе света и тьмы, так, чтобы случайные глаза нас не увидели, а уши — не слышали. Дракон рассказывал без пафоса, не оправдываясь и не обвиняя. И я понимала: каждое его слово — правда.

Испепелил ту бриталь старший брат Брока — Вьельм. На то была веская причина: кто-то из жителей городка убил его возлюбленную. Она,

сбитая магическим огнем, камнем упала в расщелину.

Самки всегда слабее самцов, невеста не смогла расправить крылья и ударилась о камни. Падая с такой высоты, с которой рухнула Марна, в живых не остаются даже драконы.

Все это произошло в день свадьбы. Во время первого полета, когда супруги должны были лететь крылом к крылу. Вьельм обезумел и решил покарать убийцу-мага, который поспешил укрыться за стенами бриталя. Гнев и отчаяние во сто крат увеличили пламя дракона, что был не столь силен, сколь полон ярости. И все же горожане его атаку отбили.

Вьельм улетел, но вернулся с подмогой, и Брок, находившийся в то время далеко от брата, не смог его остановить.

Началась война.

Ящер закончил говорить и продолжил смотреть немигающим взглядом в сторону огня. Я же своей журналистской печенкой почуяла, что сказанное Броком лишь вершина айсберга. Но у кого можно выведать все остальное? Блуждающий взгляд наткнулся на шкуру, который усердно подбивал клинья к Ярике. Вот уж неугомонная натура, решившая, что оборотней в этом мире мало и нужно срочно увеличивать их поголовье.

Блохастый всюду увивался вокруг девушки и не подозревал, что я не хуже таежного клеща нацелила на его шкуру свои репортерские жвалы.

Ночь наступала медленно, но неотвратимо. Наконец, когда почти круглая желтая ноздреватая луна зависла в зените, все, кроме караульных, уснули.

Йон и еще трое стражей должны были охранять покой обозников до часа волка — времени самого темного, когда предрассветные сумерки еще не прорезал розовый отсвет восходящего солнца, а ночная тишь словно сжалась и загустела в предчувствии, что ее срок на исходе.

Я дождалась, пока дыхание Брока выровняется, а лагерь погрузится в сон. Повременила еще полчаса и потом начала изображать бессонницу.

Играла старательно — на бдящую публику. Наконец, решив, что зевков и потягушек достаточно, встала и двинулась к оборотню. По дороге обо что-то зацепилась и, падая, инстинктивно выставила руки вперед. Ладони сразу же выпачкались в чем-то жидком. Чертыхаясь, встала, отряхнулась и двинулась дальше, костеря про себя любителей оставлять посреди дороги плоски с водой.

Похоже, что сегодня был вечер бесед. Пусть так. Главное, чтобы за этими разговорами я сумела узнать всю правду.

У догоравшего костра шкура перешучивался с одним из охранников. Остальных видно не было. Эти двое вели разговор о возвышенном и

вечном, а если проще — трепались о нас, женщинах.

— Слушай, Йон, я вот никогда не понимал девок. Ей говоришь: «Пошли!» — а она жметя и только твердит: «Нет-нет». А если отступишься, согласившись с этим ее «нет», смотрит так, словно смертельно оскорбил и на сеновал все же идти надо было...

— А это завсегда так, — глубокомысленно изрек оборотень. — Я тоже, чем больше пытаюсь их уразуметь, тем меньше понимаю. Единственное, в чем точно убедился: принять дев такими, какие они есть, способна только земля.

— Ну да, тверди все едино: что баба, что мужик, что мрак и пепел, что дохлый дракон.

Я вступила в круг света, заставив сторожей технично свернуть научно-философский диспут.

— Чего тебе не спится? — по праву знакомца спросил оборотень, как-то подозрительно кося глазом.

Я передернула плечами и зыркнула на охранника, оказавшегося широкоплечим юнцом. А со спины и не скажешь — здоровый какой. Парень сбледнул и спросил:

— Может, надобно чего, госпожа ведьма? Аль хотите водички попить? Так в котелке еще остался отвар...

Я хмуро глянула на говорунов, потом на котелок:

— Больше всего я сейчас хочу бутылку хорошего вина и амнезию, но пока в наличии вижу только этот ваш отвар и суровую реальность.

Парень окончательно загрустил. То ли не знал, что это за зверь такой — амнезия, а, следовательно, всучить его в ведьминские руки, чтобы отстала, не имел никакой возможности, то ли печалился из-за внезапно прерванной занимательной беседы.

Я, не спрашивая разрешения, присела между ним и Йоном. Журналисты, когда учуют сенсацию, могут быть дюже настырными, беспринципными и въедливыми. Шкура, словно догадавшись об этом, непроизвольно от меня отодвинулся.

Я пододвинулась ближе. Он — еще раз отодвинулся. Я начала преследование в стиле бешеной улитки. Таким макаром мы переползали по бревну, пока оно не закончилось и шкура не поприветствовал землю тем местом, из которого растет хвост. И все это в гробовой тишине, под испуганным взглядом второго дозорного.

— Не смотри на меня так, — нашелся Йон, встал и потер бедро.

— Как? — уточнила я, осматривая завоеванную бревенчатую территорию. Повернула голову к парню, что до моего появления так мило

трепался с перевертышем.

Тот, поймав мой взгляд, принял превентивные меры и тоже отодвинулся, а потом и вовсе выдал:

— Я, пожалуй, того... обойду дозором лагерь и сменю Бакулу...

— Чего это он? — не поняла я, глядя в спину удаляющемуся охраннику.

— А ты себя со стороны видела? — хмыкнул Йон, вставая.

Шкура обошел меня по дуге и присел ровно на то место, с которого только что дезертировал дозорный, а потом продолжил:

— Волосы растрепаны, глаза горят, на лице такое выражение — сожрать живьем готова, а за тобой еще и метла летит.

Я повернула голову. Действительно, в двух локтях от земли парила моя метелка. А я и не заметила. Пока таращилась на свой транспорт, Йон решил меня добить:

— Да и руки, судя по всему, в крови. Притом учти, что ты для обозников — ведьма. Можешь как мор прогнать, излечить, так и младенца живьем сожрать. Это какое у тебя будет настроение.

Вот зря он заговорил о хлебе насущном. Желудок сразу же заурчал.

— Ничего нет поесть? — Я резко сменила тему разговора. Шкура осекся на полуслове.

— Есть... — ошарашенно выдал он и кивнул на костер: — Запеченная репа осталась.

Перед тем как допрашивать Йона, я решила, что неплохо бы подкрепиться. Попробовала эту самую репу и убедилась: не следовало человеку становиться вершиной пищевой цепи, чтобы питаться такой вот полезной диетической гадостью. Не стоит она того. Но, несмотря на сомнительные гастрономические плюсы запеченного корнеплода, репу все равно сжевала. А потом уставилась на блохастого.

Не сказать чтобы оборотень сдался без боя. Но я, почувствовав себя в привычной среде, где допрос становится младшим братом светской беседы, вытащила из перевертыша все, что тот знал.

Когда вытрясла из шкуры все ответы, задумалась. Ушла в свои мысли, заглядевшись на пламя костра. Очнулась лишь тогда, когда подала свой скрипучий голос желна. Встрепенулась и краем глаза поймала задумчивую улыбку оборотня, который разглядывал мой профиль.

Но мне было не до мыслей, что бродили у перевертыша в голове. Без него имелось над чем подумать. По словам Йона выходило, что история началась задолго до того дня, когда энг сжег бриталь.

Все произошло гораздо раньше.

История началась тогда, когда на свет появились близнецы. Энг парящей твердыни радовался сразу двум сыновьям, но дракон был правителем и понимал: наследие он может передать только одному.

Брок родился вторым. Задержался во чреве матери всего на несколько вдохов. А старший брат Вьельм — его точная копия — оказался первенцем. Время шло, драконы росли, становились на крыло. Один готовился взять бразды правления в свои руки и вдохнуть часть своей силы в твердыню, второй постигал азы военного искусства и дипломатии вдали от дома, под бдительным оком наставника. Родители решили, что так будет лучше: незачем младшему видеть каждый день то, что никогда ему не достанется.

Подходило время пробуждения силы. У каждого дракона, в котором теплится искра дара, магия своя, уникальная. Даже небо не в силах предугадать, что за карты сдаст каждому из крылатых сыновей судьба, тщательно перетасовав колоду своих даров. Так, в семье огненных драконов может родиться ледяной, у матери, ткущей облака света, — сын, творящий мрак, или у отца, которому подвластна вода, — сын вовсе без дара. Да, не все драконы способны к магии, как не каждый человек имеет абсолютный слух. Скорее даже наоборот, магия не так часто просыпается в детях крылатого племени, но в семьях знати — почти всегда.

Простым сынам неба достается лишь способность менять облик. Над огнем, водой или мраком рядовые драконы, не имеющие дара, не властны.

О силе магической искры говорит рисунок, что проступает на теле ящера к тридцати годам: чем он больше и ярче, тем сильнее оказывается дар.

Я невольно вспомнила Брока, вернее, ту часть его тела, которую видела: ни на спине, ни на груди и плечах отметок этой самой силы я не заметила. Потому с языка сорвалось:

— У него не проснулся дар?

Собеседник грустно усмехнулся:

— Лучше бы так и было.

Сила в Броке пробудилась неожиданно рано, рывком, обожгла нутро первородным огнем, выламывая кости, прорезая кожу тысячей стилетов, расплавляя кровь, клеймя рисунком, как тавром. Всю правую ногу дракона за одну ночь украсила вязь. От лодыжки до бедра кожу покрывали изображения языков пламени и руны. И это притом, что цветной рисунок в три пальца толщиной у драконов считался свидетельством изрядной силы. Некоторые крылатые радовались даже черно-белой вязи рун, нанесенных на запястье словно строчка письма.

Броку тогда минуло семнадцать. Родители обрадовались известию и стали ждать. Если младшего судьба одарила такой силой, то что же ждет старшего? Но время шло, энг, которого уже два десятка лет точила изнутри болезнь, слабел и в один из полетов не рассчитал сил, что таили в себе грозные облака.

Твердыня не могла остаться без правителя. Дело даже не в том, что оплот начал бы медленно снижаться, а его твердь — разрушаться. Гораздо быстрее распаду подвержены умы и сердца подданных. А смута, что на земле, что в небе... — последствия едины. Для всех Вьельм был будущим энгом. Дракону, которого отец-правитель считал своим наследником, пришлось принять венец владыки, хотя дар в нем еще не пробудился.

Для всех новым энгом стал старший сын, а вот свою силу в сердце парящей твердыни влил младший — Брок. Но об этом знали лишь несколько драконов.

Жизнь шла вперед, проходили годы, а магическая искра в Вьельме так и не спешила вспыхнуть.

Брок же, влив свою силу в сердце оплота, вновь занялся тем, что стало для него привычным: войной и дипломатией. Стычки драконьих племен, что на словах подчинялись энгу, но на деле покорялись лишь силе, заключение союзов и демонстрация мощи, дипломатические переговоры с другими расами — все дела, для которых нужны решительность и хитрость, легли на крылья младшего.

Старший же освоил тонкую науку управления монетой и сердцами подданных и не только стал хорошим правителем, но и обеспечил своим владениям процветание. Однако простые драконы вдвойне полюбили молодого энга за то, что полет парящей твердыни стал как никогда ровным, а земли, впитавшие часть силы, — тучными и богатыми. Год от года уголья прирастали, а оплот ширился.

Наконец настало время, когда сила пробудилась и в Вьельме, но, увы, она не оправдала чаяний матери и покойного отца — всего лишь тонкий серый ободок не толще кольца на среднем пальце. После этого старший брат стал носить перчатки, скрывая ото всех ту толику дара, которую пожаловала ему судьба. Завидовал ли он Броку? Наверяд ли...

Так шли годы, Брок и Вьельм заматерели. Тело одного покрылось паутиной шрамов — даже регенерация не может насовсем скрыть следы побед. Чело второго изрезали ранние морщины, а острота зрения спасовала перед свитками, которые старший искренне ненавидел, но все равно корпел над ними.

Брок был уже далеко не юн, когда встретил ту, которую решил назвать

своей женой, надеть на нее мужний пояс.

Марна происходила из обедневшего, но знатного рода. Юна, красива, невинна и, как казалось Брокку, влюблена в него так же, как и он в нее. Но то казалось, а любовь подобна банковским процентам — вовсе не такова, какой кажется. Йон юлил, изворачивался и изъяснялся экивоками, но все же основную мысль я поняла: старший увел у младшего невесту.

Хотя, как по мне, если девушка сама уходить не хочет, то и не уведешь ее никуда. Но это мое сугубо женское мнение, которое я не спешила озвучивать. И правильно сделала. Дальше стало еще интереснее: Вьельм развязал войну, а потом решил, что самое лучшее средство решения проблем — это уйти в депрессию. Энг впал в нее с полной самоотдачей.

Увы, Брока никто не спрашивал, чего он хочет, так что младшему пришлось брать на себя и командование армией, и управление оплотом. Причем не только своим, но и теми парящими твердынями, которые принесли вассальную клятву.

Соседи же внизу не думали дремать. Поначалу в стычках с людьми драконы одерживали победы, но потом правитель Верхнего предела, тот самый Энпарс, нашел против крылатых мощное оружие. Оно выжигало дракона в считанные секунды, пробивало броню, плавало кости, въедалось в кровь. Ни один маг, будь то человек, дракон, эльф или гном, ранее не был способен на заклинание такой силы.

Сыны неба отступили и даже заключили позорный для себя мир, выплатив немалую дань людям. Причем, поскольку Вьельм от венца правителя не отказался, младшему пришлось еще и изображать своего брата-близнеца. В итоге такого маскарада для простых драконов героем, который прекратил войну, стал благородный Вьельм.

Йон рассказал много, но вопросов возникло еще больше. Кто напал на ту драконицу? Что за оружие изобрел даже не маг, а просто кнесс? И любит ли до сих пор Брок свою Марну? Последнее к политике отношения не имело, но отчего-то волновало меня едва ли не больше прочего.

Ночь подходила к концу. Мои силы давно иссякли, и сейчас я держалась на голом упрямстве. Вино, в котором заляпала рукава рубахи по дороге к костру, въелось в ткань и засохло, так что выглядела я как настоящая ночная ведьма — очень кровожадная, невыспавшаяся и зело злая.

Последнее будто чуяли дозорные, и к нам с Йоном не приближались. Когда же караульным пришло время смениться, я тоже почла за лучшее хоть немного поспать. Но моей мечте, видимо, сегодня сбываться дюже не хотелось. Едва я прилегла, как рядом заметался в бреду Брок. Будь я хотя

бы не такой уставшей, сработал бы инстинкт самосохранения, но я на автомате протянула руку, чтобы погладить его и успокоить, ведь дракон мешал мне заснуть. Зря, ой зря я сделала это.

Брок был далеко не маленький мальчик, а вполне себе мужик. Даже не совсем мужик, а здоровенная драконья морда в человеческой ипостаси. И мне, хрупкой, с ним, даже сонным, было не потягаться. Поэтому, когда лапища ухватила меня за запястье и рывком подтянула к себе, я и пискнуть не успела.

Оказавшись прижатой к теплому боку Брока, я попыталась высвободиться. Куда там. Даже пошевелиться не смогла. Зато дракон затих и начал елозить носом по моей макушке, будто принюхивался. Пришлось замереть, как той знаменитой мыши под веником.

Брок же собственническим жестом еще ближе притянул меня к себе, уткнулся своей сопелкой в мои волосы и задышал, втягивая воздух часто и коротко. Его ладони начали движение. По моей спине, шее, ключицам. А потом он резко развернул меня, так, что я оказалась нос к носу с этим потерявшим всякую совесть ящером. Так и не проснувшись ящером! Хотела гаркнуть от возмущения и только открыла для этого дела рот, как его тут же закрыли.

Он не целовал. Кусал поцелуем, словно голодный, дорвавшийся до еды. С силой, с яростью, обжигая губы, проникая языком, завоеывая. Я попыталась вырваться, но он прижал меня еще крепче. Его дыхание опаляло мою кожу — хриплые выдохи, отчаянные, словно у пловца, вынырнувшего с глубины, вдохи.

Руки Брока требовали, а тело заявляло о готовности произвести не только неизгладимое впечатление, но и потомство. Его сильные ладони опустились ниже, остановились на моих бедрах. Сжали — почти до синяка. Не ласка, ультиматум.

Все происходило столь стремительно, что я оцепенела, а потом забилась с удвоенной силой, уже не церемонясь. Укусила за нижнюю губу, потом, чуть откинув голову, нанесла удар лбом. От такого «хука черепом» у меня чуть искры из глаз не посыпались, но одну рыжую попаданку, желавшую поскорее выбраться из слишком горячих объятий, это не смутило: колено попало точно в пах.

Брок застонал сквозь зубы и проснулся. Ну еще бы: к такой побудке мало кто останется равнодушным.

Дракон распахнул глаза, и я поняла две вещи: во-первых, возможно, в этом мире будущей популяции драконов только что был нанесен серьезный урон, а во-вторых, даже у проснувшегося Брока желание не пропало.

Слишком уж много в его заострившихся чертах проступило откровенного, хищного, голодного, первобытного.

Я медленно перевела дыхание. На лбу наверняка будет шишка. Да и из носа Брока потекла кровь. Но, казалось, дракону это безразлично. Как и то, что он уже не спит, не грезит и должен вроде как понимать, что все происходящее — реально. Чудилось, что еще миг — и он набросится на меня, распластает на траве, наплевав, что вокруг — спящий лагерь. Просто накинется и подомнет под себя.

Но Брок все же выдохнул и, приложив немалые усилия, спросил:

— Что. Ты. Тут. Делаешь.

— На звезды гляжу и чувствую, как ты проявляешь ко мне симпатию. Животом — особенно сильно чувствую, — зло выпалила я. — А если проще — подвергаюсь изнасилованию.

— Я не... — Он осекся на полуслове и, видимо, прислушиваясь к собственным ощущениям, с подозрением воззрился на мою до неприличия задранную рубаху.

— Я тебя успокоить хотела, ты опять метался в кошмаре, а в результате... Схватил, подтащил и начал использовать.

Дракон приложил ладонь к носу, потом с сомнением посмотрел на кровь, оставшуюся на пальцах. Когда он поднял на меня взгляд, в нем без слов читалось, что не больно-то такую драчливую и поиспользуешь...

А меня с запозданием начали одолевать сомнения: слишком уж Брок действовал... Нет, не привычно, но так, как шагает путник по тропе, которую однажды уже прошел — уверенно, не сомневаясь на поворотах.

Я буквально впилась взглядом в его лицо. Та ночь с маковым молоком, будь оно неладно... Ящер со своим хвостатым благородством мог ведь и солгать. Или не солгал? Может, этот дракон со всеми и по первому разу такой напористый и уверенный?

Нет, я знала один точный способ проверить: а была ли полностью совместная ночь? Но, увы, одноразовый тест на невинность махал мне белым платочком: в свое время я была достаточно любопытной, чтобы остаться целомудренной. Поэтому успела избавиться от того, что ранее считалось девичьим достоинством, а в веке двадцать первом — стало скорее недостатком.

И вот теперь... Оставалось разве что усмехнуться, вспомнив, как когда-то на лекции разбирали этот интересный медицинский факт и бытующее по его вине устойчивое выражение: «до свадьбы заживет». Именно этими словами развратные хлопцы сманивали невинных необразованных деревенских барышень, уверяли, что «все срастется», и

шептали на ушко прочие убедительные доводы, отлично приводящие к горизонтальному и обнаженному времяпрепровождению.

Сейчас задумалась, как ответить на вопрос: «Было ли у нас с Броком что-то более существенное, чем поцелуи?» Журналистская натура ехидно подсказывала единственно верный ответ: «Частично».

Зато наших соседей дилеммы не мучили. Чей-то сонный голос проворчал:

— Или уже займитесь делом, или не мешайте честным людям спать! — а потом этот же комментатор усовестил уже конкретно Брока: — Да, девка у тебя точно — огонь, ложиться на нее, что на шипящие угли, но ты вроде как с пламенем дружен...

Дракон не сказал ничего, только посмотрел. Советчик мгновенно заткнулся, а спустя пару секунд так выразительно захрапел, что удостоился тычка от соседа, который лежал рядом.

Я почувствовала, как жар идет по щекам.

Но кое-что все же не давало покоя. В первый раз Брок едва не придушил меня в бреду. Когда его успокаивал Йон — я тоже не заметила повадок мартовского кота, почему же сейчас...

— Ты это специально? — спросила я почти наугад. — Мстишь за вчерашнюю ночь?

Как оказалось, попала в яблочко. Непробиваемый дракон фыркнул, а потом признался:

— А что я должен был подумать, если проснулся, а ты прижимаешься ко мне? Решил или продолжить вчерашнее, или проучить...

— А до того как проснулся? — начала допытываться я.

Судя по тому что Брок нахмурился, вопрос ему жутко не понравился, но он все же ответил:

— Сначала был кошмар. Один и тот же, что снится из ночи в ночь. А потом накрыло спокойствие, словно густой утренний туман, который окутывает молочной дымкой настолько плотно, что не видишь собственных пальцев. Кошмар ушел, но ярость и отчаяние так до конца и не улеглись...

«И перешли из фазы „сражайся“ в фазу „размножайся“ без промежуточных остановок», — домыслила я то, что так и не озвучил дракон. Все с вами ясно, господин крылатый.

— Давай спать, скоро рассвет.

— Давай, — подозрительно быстро согласился дракон и... вновь притянул меня к себе.

На этот раз без какого-либо подтекста, просто делился теплом. Но я дернулась, попытавшись вернуться на свою лежанку.

— Сама же сказала, что нужно выспаться. А когда ты рядом, меня кошмары не мучают.

«Правильно, они меня душат наяву или лезут целоваться», — про себя возмутилась я, хотя вслух сказала совершенно иное:

— Тебя и с Йоном кошмары не мучили в доме Бажены.

Но ответа на свое замечание так и не дождалась. Дыхание Брока стало редким и менее глубоким. Вот же умеет мгновенно засыпать, паршивец! Подивилась я и... сама тут же мгновенно провалилась в объятия Морфея.

Побудка вышла зверской. Причем зверела в основном я. Тело хотело тепла и еще поспать. На худой конец было согласно на кофе с зефиркой. Но суровая реальность лязгала котелком, горланила, фыркала, а иногда и ржала, брэнча сбруей.

Лагерь вовсю просыпался и готовился к дальнейшему пути. Я же вставать категорически не хотела. Брок уже куда-то испарился. Зато в трех локтях от меня обнаружился Йон. Шкура сидел на своей лежанке и потягивался. Его довольная рожа напоминала мне Италию: так и хотелось в нее съездить.

То ли у оборотня затесался в роду Кощей, и оттого он чувствовал себя капельку бессмертным, то ли просто по утрам — чутка дурак, но он так скабрёзно улыбался, что я в мыслях мстительно представляла, как познаю все прелести профессии таксидермиста. В общем, беды блохастый не ощущал и разглагольствовал:

— Я смотрю, вы с Броком так друг друга терпеть не можете, что утром он тебя заботливо укутывал, когда вставал, а ты на него ну чисто случайно ногу закинула, словно на дерево залезть собиралась...

А между тем она — беда — медленно вставала. Посмотрела на свои рукава с засохшими пятнами вина, провела по лицу ладонями, словно умываясь, огляделась в поисках метелки. Последняя на удивление нашлась рядом. Словно чуяла, что понадобится.

Йон увидел, куда, а главное, с каким выражением лица я тянусь, и запоздало сообразил:

— Эй-эй, не надо так нервничать!

Этой своей фразой про то, что не стоит беспокоиться, блохастый привел меня в окончательное и стабильное состояние бешенства, которое я попыталась ликвидировать выполнением утренней восточной гимнастики «у-ши на-де-ру».

Через минуту оборотень лихо улепетывал от окончательно проснувшейся меня. Я же искренне удивлялась, почему всегда так: сначала доведут, а потом кричат «Па-ма-ги-те!». Увы, шкуре никто протянуть руку

помощи не стремился. Спасло его то, что у меня банально разболелась незажившая нога.

Зато к костру я подходила бодрой и была настроена добыть свой завтрак во что бы то ни стало. И таки получила. Даже вперед тех, кто вроде бы стоял в очереди. Взяв миску с варевом, огляделась, выискивая место, куда присесть, и напоролась на хитрый взгляд Брока. Судя по тому как дракон, посмеиваясь, нет-нет да и косил в сторону потиравшего загривок Йона (все-таки метелка мне досталась толковая, если я сама не смогла дотянуться, то ее прутья несколько раз приложились к спине блохастого), ящер наблюдал за нашими бегами, причем не без удовольствия.

Я поджала губы. Отчего-то стало стыдно за такое поведение. Хотела было развернуться и поискать место где-нибудь подальше от усмехающихся драконов и раздражающих оборотней, но Брок успел окликнуть:

— Присаживайся!

Сделать вид, что не услышала, казалось еще глупее, чем уничтожительно фыркнуть, развернуться и демонстративно уйти. Поэтому присела рядом с крылатым. Все же я воспитанный взрослый человек... Наверное.

Завтракали быстро и почти без разговоров, собирались — тоже. Когда двинулись в путь, я привычно подседа к Ярике. Метелка улеглась рядом, у борта телеги.

Обоз неспешно ехал по дороге, солнце взошло высоко, и, по ощущениям, приближалось время, когда завтрак уже улегся, но до обеда еще осталась пара часов. Обозники начали озираться. Воины и вовсе взяли в руки луки, словно готовились к нападению. Отец приказал дочери на всякий случай схорониться меж тюков.

На мой закономерный вопрос: «Чего опасается охрана?» — купец лишь коротко выдохнул:

— Так к Ошле подъезжаем. На всем западном тракте только здесь разбойный люд и шалит.

Я на всякий случай пересела на метелку. Но то ли разбойники сегодня были дюже чуткие на неприятности, то ли мы такие везучие, увы, рандеву ловцов удачи и обозников так и не состоялось. Зато после обеда, в тот час, который местные величают «временем свиристели», мы выехали из леса.

На горизонте показался даже не город — его дымка. Обозники посчитали, что лучше не тратить времени на привал и к вечеру добраться до столичных ворот.

Чем ближе мы подъезжали, тем четче вырисовывались очертания

Ошлы. Только теперь я смогла разглядеть крепость и город, который раскинулся под ее стенами. Именно крепость, а не замок: в таком убежище защиту от неприятеля найдет не только семья местного кнесса, но весь простой люд.

Неприступные стены опоясывали немалый надел земли. Они были высокие, будто выросли из самой скальной породы. И если ворота и барбакан находились в изножье пологого склона, то дозорная башня венчала утес. Казалось, что еще чуть-чуть — и ее пик коснется края молочно-белых облаков. Но так лишь казалось. Зато ветер с необычным привкусом безграничной свободы, чуть солоноватым запахом водорослей — не мерещился.

Море. За той крепостью было море. Оно, пока невидимое, шумело, шептало, манило.

Так вот она какая... Ошла.

Ярика уже всюду прихорашивалась для этой самой Ошлы в целом и Умара Ружримского, на которого бойкая девица заочно положила глаз, в частности. Знал ли знаменитый и непобедимый маг, герой битв только-только отгремевшей войны, о том, что на встречу с ним спешит неотвратимое семейное счастье?

Но пока доблестный чародей оставался в неведении, а Ярика становилась к нему все ближе и ближе, меня начали терзать сомнения: а стоит ли нам вообще заезжать в эту Ошлу? Ведь если Йон опасался колдуньки из балки... Эту простую мысль я попыталась донести до блохастого, подлетев к нему и Броку на метле.

Поравнявшись с их повозкой, я, сидя на своем летном транспорте, начала осторожно выяснять издали: что шура думает о политике сдерживания и толерантности в общем и о расовой нетерпимости чародеев к оборотням конкретно? Йон лишь покровительственно усмехнулся и заявил, что, как ни странно, в городе оборотню затеряться легче, чем в деревеньке, где все друг друга знают.

А в рыночной толпе пойдешь отлови перевертыша. Ну маякнула твоя следилка на базарной площади, где яблоку негде упасть: «Нелюдь!»... Так не сыщешь же.

— Главное, вовремя от обозников отстать, чтобы не сдали... — так, чтобы услышала только я, произнес Йон, а потом уже громче добавил: — В городе и едой запасемся, и лошадьми разживемся... Нечего ноги-то сбивать.

Как перевертыш планировал «вовремя отстать», пришлось пройти на практике, когда вечером, в лучах заката, обоз подъехал к городским

воротам. Ошла, хоть и не тягалась с побратимом-замком, какую-никакую стену имела. Правда, высотой в два человеческих роста, но все же. Да и ворота скорее выполняли условно-пропускную функцию. Основной их целью было обогащение казны и личных кошельков стражи, которая накануне магических боев проявляла заметное служебное рвение.

Наш обоз остановился в очереди из точно таких же телег. Я приготовилась ждать, когда Брок тихонько взял меня под локоток. Йон невозмутимо соскочил с повозки и как ни в чем не бывало пошел напрямик к воротам, минуя очередь. Словно он даже не местный, что по три раза на дню выходит за городские ворота понюхать цветочки, а один из стражников — столь уверенный был у него вид.

Того, как мы тихо стекли с телеги, никто не заметил: одни таращились на столицу, вторые зевали от усталости, мечтая поскорее оказаться за сытным столом и в теплой постели. Зато оборотень бдел. Кого он выискивал, хитро озираясь, я поняла лишь тогда, когда шкура походя умыкнул пса, что стоял рядом с телегой. Наклонился и, не сбавляя шага, притянув лохматого пегого кобеля, сграбастал под мышку. Причем тот даже не тьякнул.

Местный тузик до этого верил, что он боевой пес, и сторожил хозяйскую телегу, от которой на всю округу разносились визг, деловое похрюкивание, гусиный гогот и кудахтанье — видимо, крестьянин вез на ярмарку живность. Но песий мир пошатнулся, когда его, как кутенка, сцапал матерый оборотень. Это ведь мы, люди, можем обмануться, а собаки — они старшего брата-перевертыша нутром чувствуют. И помалкивают.

Кобелек лишь беспомощно засучил лапами, наверняка мечтая схорониться в ближайших кустах. Мне стало любопытно, что Йон задумал: впереди уже показались караульные. Один с энтузиазмом кладоискателя потрошил дорожный сундук тучной дамы в возрасте, второй гнусавым голосом вопрошал, размахивая перед своим носом странной висюлькой:

— Имя, возраст, цель визита?

— Ларелия из рода Уртов, — пыхла дама, гневно пылая взглядом на развратника, извлекшего из недр сундука ее панталоны. Причем страж не сразу сообразил, что батистовый кусок ткани — это вовсе не скатерть, а дамское неглиже, и расправил его, вздернув за края, как мокрую простыню, которую собираются повесить сушиться. — А возраст... мой возраст уже позволяет мне самой решать, сколько мне лет и какое белье я хочу носить: теплое или красивое!

С этими словами дама вырвала из рук стражника, залюбовавшегося на необъятные «паруса» мадам, эти самые «паруса».

Я же машинально отметила, как опечалился охранник, у которого изъяли батистовый срам. Видимо, этот тощий мужик был из тех, кто определяет женскую красоту по принципу: «Чем больше и мягче, тем лучше».

Вот только Йону было не до фетишистских страданий стража. Он опустил отловленную псину на землю, а потом придал ей ускорение сапогом.

Местный бобик помчался к воротам, как болт, выпущенный из пращи. Йон подналег за ним, и тут висюлька в руках у стражника вспыхнула и взорвалась.

Контрольно-пропускная система типа «Тузик обыкновенный, укомплектованный оборотнем» сработала на отлично. А судя по тому, что Брок остался невозмутимым, он не впервой созерцал подобный фокус в исполнении побратима. Зато амулет, призванный оповестить о приближении перевертыша, выгорел.

Первым опомнился любитель дамских форм, богатых жирами и углеводами. Он-то и погнался за припустившим во всю прыть кобельком. Пес же, не будь дурак, припустил во все четыре лапы, а крик: «Лови оборотня!» — подстегнул его почище стаи голодных блох.

Зато второй мытник ошарашенно крутил головой сразу за двоих. Дама габаритов смелых мужских фантазий, хлопая ресницами, беззвучно открывала и закрывала рот.

— Пропускать-то будешь? — с напором произнес Йон, пользуясь тем, что страж пока не отошел от случившегося.

Но местный таможенник оказался настоящим профессионалом своего дела: даже в ошалевшем состоянии требовал на три медьки больше положенного, да еще одну недодал на сдачу. А на вопрос проявившего небывалую рачительность и талантливую актерскую игру Йона уличенный в обмане сборщик даже обосновал размеры мзды:

— Раз ничего с собой нет, надо заплатить за то, что будете ввозить в Ошлу в следующий раз, а вира — за издевательство над пошлинниками! А то, ишь, привычку взяли, ходить с пустыми руками...

За дележом сдачи и торгами охранник как-то подзабыл про «оборотня», что с оглушительным лаем успел проникнуть в город, лишь когда глянул на свою левую руку, в которой так и болталась выгоревшая висюлька, спохватился. Но мы уже успели просочиться через ворота. А вот дама, наконец пришедшая в себя, возопила:

— Почему это их без очереди? Я тут стояла!

Мы же лишь ускорили шаг. При этом мне как добропорядочной

горожанке пришлось нести метелку. Я прихрамывала, кривилась от боли в ноге, но терпела. Видимо, терпела недостаточно безмолвно, поскольку Брок не выдержал и со словами: «Держи и тащи!» — отнял метелку и всучил ее Йону.

Оборотень устался на так любившееся мне летное средство с недоумением, словно в первый раз его увидел. Но дракону, казалось, было на это наплевать. Он подхватил меня на руки и понес. Я попыталась возразить, но вместо того, чтобы опустить меня обратно за землю, этот упрямец только цыкнул:

— Не ерзай.

Я смутилась. За мои двадцать четыре года меня на руках носили считанные разы, да и то в основном на занятиях по гражданской обороне в качестве пострадавшего. Манекен наш приказал долго жить — развалился от усердного отработывания навыка «вынос пострадавшего из зоны поражения» еще на первой паре. Как итог — я оказалась на месте пластикового Йоси, и когда меня тащили из этой самой «условной зоны поражения», молилась лишь об одном: чтобы хорошие одноклассники не раскололи мне голову так же, как и манекену.

А вот сейчас, посмотрите-ка, уже не первый раз тащат на руках. И при этом даже косяки моей головой не считают. Приятно, черт возьми!

Йон, ухмыляясь чему-то, шел чуть позади. Метелка в его руках изображала обычный рабочий инвентарь дворника и даже не порывалась лететь. Уже смеркалось, народу на улицах все прибывало. Зажигались огни. Готовились к уличным выступлениям артисты, собирались толпы зевак.

В животе заурчало, напоминая, что пицца духовная лучше всего переваривается с помощью желудочных соков, изрядно разбавленных горячей едой из печи.

На вывеске, раскачивающейся и скрипящей под порывами ветра, изображались куриные окорочка, вздетые к небу. Не сказать чтобы художник был дюже талантлив, но все же его умения хватило на то, чтобы есть захотелось не просто сильно, а отчаянно.

— Может, здесь остановимся? — словно вторя моим мыслям, заметил Йон.

Дракон возражать не стал, а меня, лишённую права самостоятельного выбора направления, и не спросили.

Таверна встретила нас гвалтом, запахом прокисшего пива и чесночным духом. Последний был особенно ядреным и, со слов Йона, должен был отпугивать нечисть, то бишь оборотней. Шкура, увы, пугаться и не думал, первым занял один из пустующих столов.

Брок ссадил меня на лавку, и я смогла осмотреться. Кто попроще — прихлебывал пиво и заедал пену сушеными окуньками, кто побогаче — за отдельным столиком дегустировал бараньи ребрышки с гречневой кашей и вино.

подавальщица с весьма интригующими формами стиральной доски подскочила к нам буквально через минуту. Она стреляла глазками то в Йона, то в Брока, то с прищуром глядела на меня. А я озиралась украдкой: нет ли в зале новых посетителей?

В вопросе «что заказать?» мы сошлись на каше со шкварками и сбитне. Йон, придерживав у себя несколько серебряшек, щедрой рукой высыпал на столешницу погнутые медяки — сдачу пошлинника.

Увидев монеты, которые наверняка были ровесницами прадедушки подавальщицы, местная официантка погрузилась. Впрочем, поубавившийся энтузиазм девицы ничуть не сказался на скорости, с которой она принесла еду.

Комнаты располагались на втором этаже. Скрипучая лестница, неструганые дубовые перила, основным достоинством которых являлась надежность, запахи пота, браги и мокрых половиц — эта таверна на одну ночь должна была стать нашим домом. Впервые я поймала себя на мысли, что спать в лесу мне нравилось гораздо больше.

Я всегда не любила резкие запахи. Порой кривилась от сладких духов или синтетической лимонной отдушки, которую производители порошков выдавали за «истинную свежесть цитрусов». Даже ароматы дорогого парфюма и изысканных сигар заставляли меня морщиться. Но я терпела. Когда за душой ни гроша, тебе приходится часто улыбаться и мириться с обстоятельствами.

Но сейчас я могла позволить себе то выражение лица, которое хотела, и скривилась. Брок недоуменно посмотрел на меня. Пришлось пояснить:

— Запах...

— Да, здесь тот еще душок, но ночью будет гроза. Распахни окно, как только она закончится, станет легче.

— Откуда ты знаешь? — обернулась уже у двери комнаты, которую мы сняли на ночь. Одну на троих. Дело не в жадности. Просто мест больше не оказалось. Нам и так досталась последняя каморка: накануне-то ярмарки. Завтра даже на улице под забором за места в тени будут гнутую медьку брать.

Когда все же перешагнула порог, лишь хмыкнула. Даже я понимала, что два серебра за этот клоповник — многовато. Хотя хозяйева на свой манер позаботились о комфорте. Ножки обеих кроватей стояли в тазиках с

водой, чтобы блохи с пола не запрыгнули на ложе. Пол был подметен. От одной из постелей даже потом почти не разило.

— Чур, эта моя. — Я бесцеремонно кинула метелку на кровать. Шедший от нее запах немытого тела хотя бы не щипал глаза.

Йон, моментом сориентировавшийся в ситуации, заявил, что ему уже хватило одного обвинения в мужеложстве, поэтому повторно он на те же грабли не наступит и проведет эту ночь со мной. Я же в свою очередь ответила интернациональной фигурой из трех пальцев — кукишем, добавив:

— Кровать узкая. На ней можем поместиться только мы с метелкой. А пола много. Тем более что ты, Йон, можешь и в волка обернуться. А коврик я тебе найду...

Отчего-то перевертыш обиделся. Но мне было не до душевных терзаний шкуры. Меня, не выспавшуюся прошлой ночью, клонило в сон. Сил хватило, только чтобы умыться в тазу, который стоял на табурете рядом с одной из кроватей.

Упала на постель, не раздеваясь. Только кроссовки, которые уже радовали мир дырами и доживали последние дни, стянула с ног. Но, несмотря на предсмертное состояние обуви, я за нее все же опасалась. Кто их знает, этих голодных блох. Вдруг они распробуют полиуретановую подошву и нейлоновые шнурки? Но потом решила, что ломать голову по поводу неприкосновенности труда китайских обувщиков я уже не в силах, и оставила кроссовки на полу.

Йон сначала уничижительно фыркнул, рассматривая вторую постель, а потом... вопреки своим же словам развалился на кровати, которую так не хотел делить с Броком. Это было последнее, что я запомнила, прежде чем заснуть.

Разбудили меня раскаты грома и рев. Оконные ставни дергались и бесновались на привязи хлипкого крючка, а за окном бушевала гроза. Стекол в таверне не имелось, поэтому от уличной непогоды спасали только закрывавшие окно деревянные створки.

Я огляделась. Темнота была не крошечная, но и я совиным зрением не обладала. Нащупала рукой на груди диктофон, что все так же был со мной — напоминание о родном мире, якорь. Стало чуточку спокойнее, и тут рев повторился.

Ветер не может быть столь яростным и отчаянным. Так может раздирать слух, пробирая до мозга костей, лишь крик первобытной злости, издаваемый живым существом. Я села, осмотрелась насколько позволяла темень.

Йон обнаружился на соседней кровати. Раскинув руки, он посапывал, причмокивая губами. А вот Брока нигде не было.

Крик повторился, а потом резко оборвался.

Я зябко обхватила себя за плечи. Дождь стучал о дерево не хуже настойчивого коллектора, не прося, а требуя впустить внутрь. Мне стало беспокойно: где же этот несносный дракон? В такую-то погоду.

Умом я понимала, что дракон, скорее всего — внизу, в харчевне, лечится. В смысле усиленно ест и регенерирует. Но волнение не отступало. Я осторожно спустила ноги, нащупав кроссовки, обулась. Подошла к окну и, сама не зная почему, осторожно откинула крючок.

ГЛАВА 9, она же вопрос девятый: — Сколько стоит правда?

В лицо сразу же ударили струи дождя, и я промокла. Глупо. Холодно. Отрезвляюще. Небо росчерком света располосовала молния. А потом, словно в отместку, с земли ввысь плюнул столб огня. Знакомый такой.

Подобный я уже видела у Брока, когда дракон от души поливал из глотки пламенем своих конвоиров. Неужели...

Додумать я не успела, скрипнула дверь, впуская того, о ком я только что вспоминала.

Брок был мокрый до нитки, с него буквально стекала вода, оставляя на полу лужи.

— Я волновалась, — вырвалось раньше, чем успела подумать.

Уставший, хмурый, со сжатыми кулаками — воин, что в каждый миг своей жизни готов к бою. Но отчего-то он, услышав мое простое признание, изменился. Разгладилась вертикальная складка на переносице, отпустило сковывавшее тело напряжение.

— Закрой, а то простудишься, — прозвучало тихо и чуть хриловато.

— И это говорит вымокший до нитки?

— Я сын неба, — как само собой разумеющуюся истину выдал ящер.

— Я переживаю. А если женщина волнуется, то...

— Даже дракону стоит затаиться? — полувопросительно закончил за меня Брок.

— Да, — согласилась с такой трактовкой моей незаконченной мысли.

Зато этот мокрый, как моталка после душа, ящер больше разговаривать не стал. Я вообще заметила, что последнее слово в диалогах с драконом чаще всего — его поступок. Вот так и сейчас: он просто молча подошел и закрыл створки.

Когда Брок развернулся, я не успела отойти, и мы почти столкнулись. Застыли, глядя в глаза друг другу и ловя в них свои отражения и вспышки молний, пробивавшиеся через неплотно сомкнутые ставни. Рядом с драконом казалось, что среди тьмы засиял яркий свет, которому неведом страх. Я настолько осмелела, что готова была идти по этому миру с закрытыми глазами, если меня поведет сильная рука.

Сейчас и здесь, стоя перед Броком, я чувствовала себя беззащитной и... И мне это нравилось.

Он не говорил ни слова, лишь всматривался в мои черты, будто пытаюсь запомнить их навсегда, а потом чуть подался вперед и провел ладонью по моей скуле.

— Знаешь, — его голос стал хриплым, он сглотнул, — впервые за долгое время я, кажется, начал жить. Рядом с тобой — тепло. Ты человек, но в тебе нет ненависти к моим братьям...

Он замолчал, оборвав себя, и я невольно спросила:

— А что тогда есть?

— Понимание. Ты понимаешь и принимаешь меня таким, какой я есть. Не дракон, враг людей, не энг, который должен спасти своих любой ценой. Для тебя я просто Брок.

— А как же то, что ты нужен мне, чтобы добраться до Верхнего предела? — Я чуть изогнула бровь и тут же удостоилась беззвучного смешка.

— За эти дни я убедился, что ты прекрасно смогла бы добраться туда и без моей помощи.

Он говорил уверенно, а я поежилась от воспоминаний о едва не убившем меня огненном шаре. А ведь Йон говорил, что на изготовление подобного нужно трое суток. Судя по всему, завтра к вечеру стоит опасаться появления второго огненного «привета из бездны»...

— Если ты так тактично пытаешься увильнуть, то знай: нет. Ты мне нужен. — Я попыталась говорить шутливо, но дракон был серьезен.

— Ну-жен... — Он покатал слово по небу, словно смакуя его, дразня языком. — Лекса, знаешь, что делает любого мужчину счастливым? Ощущение того, что ты нужен, что тебя ждут, согревают теплом своего сердца и не требуют ничего взамен. Я хочу запомнить эти минуты и часы, потому что знаю, что скоро ты меня возненавидишь.

Слова Брока звучали спокойно, будто он говорил о неизбежном, о том, с чем уже смирился сам и от чего предостерегал меня.

Я, все так же глядя ему в глаза, накрыла его замершую ладонь своей, прижала к щеке.

— А еще я хочу запомнить вот это...

Он наклонился и поцеловал. Его губы — со вкусом корицы и имбиря, сухие, чуть шершавые, сначала невесомо прикоснулись к моим. Будто пробуя, но еще не дразня и не искушая.

Я ответила. Первый раз. Без подоплеки готовящихся провокаций, без дурманного зелья и кошмаров сна. Такое уже не спишешь на случайность. Мы оба это осознавали и делили одно дыхание на двоих. От первого касания до последнего вдоха мы были честны друг перед другом.

Голова кружилась, тело стало словно невесомым. Мне на миг показалось: еще немного — и улечу. Я схватилась за Брока, за его рубашку, под которой в бешеном ритме стучало сердце.

Мы оба были безумны, как та гроза, что бушевала за окном. Я — без прошлого. Он — без будущего.

— Не отдам. — Брок выдохнул мне в губы два простых слова, и я, чуть отстранившись, замерла.

О чем он?

Губы дракона изогнулись в усмешке, когда я запрокинула голову, пытаюсь найти в его глазах ответ на так и не заданный вопрос: кому он меня не отдаст?

Я не заметила, как моя одежда намокла. А виной всему Брок, который буквально выкупался в ливне, все молившем и молившем по ставням. Взгляд дракона блуждал по вороту моей рубахи и ниже, по ткани, что сейчас четко обрисовывала фигуру.

Вдруг губы Брока сжались, он на мгновение прикрыл глаза, словно боролся с собой...

Того, что произошло в следующую минуту, я не ожидала. Дыхание, которое вырвалось изо рта дракона, было теплым. Даже чуть обжигающим, но одежда на мне высохла вмиг.

— Ложись спать, — излишне сухо бросил несносный ящер, а потом, словно извиняясь за резкость, добавил: — Я и так позволил себе сегодня много лишнего...

А я разозлилась. Позволил он... Себе... Не спросив меня. Ну, крылатый! Сама поразила, как резко схватила его за рубаху. Мокрая ткань затрещала, заставила дракона чуть наклониться, и я прижалась к Броку, впилась в его губы. Сделала то, чего мне сейчас хотелось больше всего. Тронула языком, чуть прикусила нижнюю губу.

В этом нашем поцелуе не было нежности первого. Зато были ярость, жадность, нагота чувств. Легкие горели огнем. Хотелось забыть обо всем.

Я отпрянула, совершив над собой невероятное усилие. Брок стоял ошалевший, обескураженный, задыхающийся.

Я ничего не сказала, лишь развернулась к своей кровати. Позволил он себе, как же.

За спиной послышались добродушное фырканье и звуки стаскиваемой одежды. Потом хлюпанье и звон капель. Судя по всему, дракон отжимал свою рубаху и штаны.

Я долго не могла уснуть. Кровать, где квартировал Йон, уже давно скрипнула под телом ящера, завалившегося спать. Оборотень на это

ущемление его территориальных прав даже что-то сонно проворчал. А я все думала. О Броке, о кнессе, о войне и шатком мире, о вспышках драконьего пламени и... о том, как дракон виртуозно смог избежать всех вопросов самым древним мужским способом: просто поцеловав и тем самым заткнув мне рот.

Заснула уже ближе к утру, когда ливень стал затихать и сменился дождем. А пробуждение оказалось весьма неожиданным.

Мой нос кто-то щекотал: не перышком, но очень похоже. Приятный запах дразнил обоняние, а солнечный зайчик нет-нет да и плясал на щеке. Я сонно приоткрыла один глаз.

Букет ромашек лежал на моей подушке. Рядом с букетом обнаружился Брок. Улыбающийся, свежий, выспавшийся, вызывающий жгучую зависть своим бодрым видом.

— Просыпайся, соня, одевайся и спускайся вниз.

С этими словами дракон вышел из комнаты, оставив меня наедине с букетом и... платьем. На соседней кровати лежало именно оно. Насыщенного синего цвета, длинное, с белой вышивкой по воротнику-стойке и подолу. А еще комплектом к этой красоте шла белая нательная рубашка. На полу же, под кроватью, я увидела не замеченные мною до этого женские сапожки на шнуровке.

Оставалось лишь гадать: где и когда Брок все это нашел? Примерила, убедилась, что глазомер у дракона может посоперничать в точности с лазерной рулеткой: все было впору. Даже рукава — и те не длинные, ровно до запястья. Разве что подол... Никогда не носила юбки ниже колена, а эта оказалась по щиколотку.

Умылась и заплела косу, не переставая улыбаться.

Спустилась в зал, который уже был битком набит народом. Кто-то из посетителей мазнул по мне взглядом, кто-то задержался, рассматривая. Но я их не замечала. Для меня был важен один Брок.

Дракон смотрел внимательно, неотрывно. Йон, до этого толкнувший его в бок и мотнувший головой в мою сторону — вон, мол, смотри, идет наша попутчица — сейчас, кажется, перестал дышать.

Мне тут же захотелось что-то на себе поправить, одернуть. Почему дракон даже не мигает? Что-то не так? Но извечную женскую панику я постаралась загнать как можно глубже и продолжала приближаться к столу все с той же внешне невозмутимой миной.

Йон отмер, гулко сглотнул, а потом опрокинул в себя остатки пива, что плескалось в кружке, которую он держал.

— Рад, что все подошло. — Брок чуть прищурился.

— Ага, теперь ты хотя бы на приличную горожанку стала похожа. — «А не на пугало черной ведьмы», — так и повисло в воздухе несказанное. Впрочем, оборотню, похоже, чувство деликатности купировали в детстве вместо хвоста. Перевертыш ничтоже сумняшеся продолжил: — Зато теперь не будут оборачиваться и смотреть нам вслед.

На последних словах он все же замялся и прибавил с сомнением:

— Наверное... — и, обращаясь исключительно к Броку, предложил: — Может, хотя бы голову ей платком укроем? Вон те в углу уже таращиться на Лексу начали. А нам лишнее внимание ни к чему.

Но тут входная дверь хлопнула, и я увидела, как в харчевню между ног нового посетителя просочилась рыжая. Кажется, ни дракон, ни оборотень, сидевшие вполоборота к входу, не заметили ее появления. Зато я, расположившаяся лицом к двери — оценила в полной мере.

— Знаешь, с покрывалом на голове или без, но на нас все равно будут оборачиваться.

— Отчего это? — не понял Йон.

Я указала на лису, уже пробирающуюся к нам. Оборотень застонал, словно в разгар лихого корпоратива увидел жинку, которая пришла убедиться: так ли все скучно, как расписывал муженек?

Но это был только первый сюрприз за самый долгий день в моей жизни.

Рыжая, словно взявшая след гончая, шла напрямик к своей цели. Дошла. Плюхнулась на зад рядом с сапогом Йона и обняла хвостом его ногу.

Оборотень опустил взгляд на хитрую морду. Лиса задрала лобастую голову и уставилась на шкуру взглядом, полным обожания. Облизнулась, коротко твякнула и в нетерпении начала переминаясь передними лапами.

— Да чтоб тебя. — Йон, который перед появлением Патрикеевны нацелился на рульку, но так и не донес еду до рта, с остервенением ткнул мясо в лисью морду. — На и отстань.

Рыжая вонзила в подачку зубы, но уходить и не подумала, только еще крепче обвила хвостом ногу оборотня. Передними лапами она прижала рульку к полу и начала с упоением грызть.

— Это любовь... — не удержалась я.

— Это в перспективе воротник... если она от меня не отстанет... — недовольно буркнул Йон, у которого мигом пропал аппетит.

Перспективная горжетка на выпад своего возлюбленного никак не отреагировала, все так же уминала мясо. Зато Брок не смолчал:

— А зачем ты ее тогда подкармливаешь?

Оборотень передернул плечами, словно его уличили в непростительной для воина слабости, и уколол ящера в ответ:

— В отличие от тебя я кормлю ее лишь обедками со стола, а не словами и ожиданиями... — Он не договорил, но его мимолетный взгляд в мою сторону заставил поежиться.

Над столом повисла гнетущая тишина. Стали отчетливо слышны и гогот, и стук ложек, и звон посуды, и разухабистые песенки, доносящиеся с улицы.

Казалось бы, Йон не сказал обо мне никакой гадости, но отчего-то возникло ощущение, что под ноги вылили ушат грязной воды: вроде и подола не замарала, а все равно... Зачем он так? Хотя, как говорится, если вас в чем-то незаслуженно упрекают, не будьте жмотом на гадости и оправдайте ожидания обвинителя.

— Он тебе изменил. Трижды. Я сама видела. Один раз с кошкой. — Все это я сказала с самым серьезным видом, глядя в глаза удивленно поднявшей морду лисы.

Последствия фразы не заставили себя долго ждать. Рулька была отброшена, а ляжка Йона — продегустирована. Правда, целилась лиса, как я успела заметить, чуть выше и центральнее...

Оборотень вскочил, стал отдирать от себя рыжую, а я, глядя на эту полную страсти картину, с философским видом заметила:

— Всегда считала, что выражение «живут, как кошка с собакой» — фигуральное... А сейчас вот думаю, что не совсем.

Брок, впервые не ринувшийся помогать побратиму, подхватил:

— Хм... Интересно, а до этого ты думала, оно означает, что жена, как кошка, гуляет сама по себе, пока муж тявкает, сидя на лавке? — шутливый тон дракона подсказал, что он прекрасно все понял. Но пусть лучше прозвучит неуклюжая шутка, и я забуду, с чего все началось, чем начну раз за разом прокручивать в голове слова Йона о «кормлении словами, надеждами и обедками».

Оборотень сумел-таки отцепить от себя лису. Правда, рыжая выдрала лоскут из штанов блохастого, и теперь чуть ниже того места, где обреталось мужское достояние, зияла дыра. Зато лисица, кажется, спустила пар и успокоилась.

— Ну ты и за... — Йон не успел договорить.

Я перебила, подсказывая:

— Замечательная?

— Зараза, — выдохнул шкура. — Где я теперь порты новые возьму?

— Там же, где и лошадей. На ярмарке. У меня осталось полтора

золотых, — пришел на выручку побратиму Брок.

Йон ничего не сказал, лишь сплюнул.

Расплатившись за еду, мы в слегка враждебной обстановке (оборотень злился — на меня, лиса — на своего благодетеля) двинулись на эту самую ярмарку. Хотя сначала пришлось решить вопрос с метлой: в людской толчее на ней особо не поездишь. Да и хромала я уже вполне сносно. Поэтому-то и решено было оставить мою летунью в специальном загоне около нашего трактира. «Вольер» для чародейского помела обнаружился прямо над коновязью. Лошади стояли пофыркивая и нет-нет, да били копытами, а над ними вторым ярусом парили метелки. Причем некоторые из них норовили поддеть товарок прутьями или ударить черенком. Правда, вытворяли они все это в специально созданной сфере, напоминавшей гигантский мыльный пузырь. Его стенки были почти полностью прозрачными, и преграда четко обрисовывалась лишь тогда, когда по поверхности сферы пробегали разряды.

«Лучший загон для чародейских метелок в Ошле», — рекомендовал хозяин, гордо демонстрируя свой «вольер». Хотя я подозревала, что этот загон не только лучший, но и единственный. Отдав три медьки, оставила свою метелочку в «вольере».

Хозяин, ошарашенный на три монеты, утверждал, что мое помело, если я его призову, сможет спокойно пролететь через ограждающий барьер, но я все же решила для себя: надежнее дойти и забрать метелочку лично. С напутствием: «Не дерись там!» — я направила черен своей летуньи вверх и подкинула. Метла занырнула в сферу и тут же забыла об увещаниях хозяйки.

Мужик схватился за голову, увидев, как моя хулиганка стала наводить в сфере режим тотальной диктатуры: норовила распушить прутья соседок-метел, мутузила черенки и даже не погнушалась распотрошить веник, каким-то чудом затесавшийся в сферу. Хозяин предложил мне вернуть три медьки и от себя добавить еще две, только бы я забрала метелку.

Я подумала и... не согласилась. За что была трижды проклята и упомянута как «безднова ведьма»!

Брок, наблюдавший картину пристраивания метлы, посмеялся и спросил, отчего я не согласилась взять деньги. На что услышал закономерный ответ:

— Мало давал.

— А сколько было бы достаточно? — встрял Йон, до этого хранивший обиженное молчание.

— Измерять деньгами хорошее настроение и яркие впечатления?

Увольте. Ведь положительные эмоции — бесценны... Их не уместишь в жалкий серебряный, — шутя ответила я.

— Значит, ему нужно было дать тебе два серебряных, — серьезно возразил шкура.

«А он быстро постигает женскую натуру», — отметила про себя с сожалением.

Вот только познание глубин психологии не помогло Йону пристроить лису. Она так и тягалась за ним, преданно заглядывая в глаза своему «благодетелю». Оборотень плюнул и через какое-то время стал делать вид, что не обращает на рыжую внимания.

В городке и вправду было не протолкнуться. Зазывалы орали, не жалея глоток. Перекричать их могли только рьяно торгующиеся продавцы и покупатели.

На башнях алели стяги, а магически усиленный голос периодически вещал о том, что в полдень начнется «величайшее магическое состязание, коего еще не видел свет».

Когда Йон с упоением выбирал себе новые штаны в одной из платяных лавок, над площадью пронесся оглушительный рык.

Я заозиралась, чуть отступила и прижалась спиной к груди стоявшего рядом Брока. Его сердце билось гулко и часто.

— Что это? — задрала голову, заглядывая ящеру в глаза.

— «Кто это» — будет точнее. Драконы.

— Ага, — поддакнул услышавший наш диалог торгош.

Глянула на торговца. С его выражением лица можно было смело идти и на свадьбу, и на поминки: уж больно хорошо в нем сочетались и приветливая улыбка, и вселенская скорбь из-за того, что приходится сбавлять цену за товар. Лавочник, заметив мой интерес, воодушевившись, продолжил:

— О драконах уже три седмицы талдычат все глашатаи. В этом году маги будут состязаться в умениях, не только летая на метлах. Специально для укрощения привезли крылатых ящеров. Если чародей совладеет с огнедышащей машиной, то вместо метелки у него будет ездовой дракон, а нет, так упокоят...

— Мага? — озадаченно лягнула я, вспомнив, как легко один ящер может раскидать дюжину людей.

— Дура, дракона! Кто же мага-то позволит упокоить! — возмущенно выдохнул торговец, потрясая крючковатым пальцем. — Чародея-то кто даст... Я вот и сам думаю на время турнира прикрыть лавку. Гляну. Уж очень любопытно.

Я же чувствовала не любопытство, а напряжение Брока: он был словно натянутая струна. Йон, все это время державший ухо остро, но не проронивший ни слова, быстро выбрал новые штаны и расплатился.

Едва отошли от торговца, как шкура зашипел:

— Даже не думай! И сам попадешься, и спасти никого не сумеешь.

— А я и не думаю, — обманчиво-спокойно заверил дракон.

Так спокойно, что мы со шкурой в один голос, вопросительно — я, и негодуя — Йон, протянули:

— Бро-о-ок?

Крылатый недовольно зыркнул глазами и, прижав нас к стене, так, чтобы ненароком не услышали чужие уши, признался:

— Там семь драконов. Я вчера ночью сумел пробраться и ослабить привязки. Как только дети оплота окажутся в небе, они смогут скинуть с себя седоков и станут свободными.

У меня тут же случились многоплодные роды: рождались преимущественно вопросы, но иногда и сквернословия. Ругалась, правда, пока про себя, а не вслух. Йон же страстью к обдумыванию не страдал и рубанул сразу:

— Ты чего мне не сказал? А если бы тебя поймали? Да как ты вообще узнал?

Брок не стал оправдываться, лишь ответил, что услышал зов родичей. Ими оказались семеро молодых драконов, попавшихся уже после подписания мирного договора. Все они, кто когда, нарушили уговор, спустившись на землю. Шестерых поймали маги, одного — обычные люди, просто взяли числом.

— А тебя так же словили? — решила уточнить я, пользуясь удобным моментом.

— Нет, я сам попался, специально, — походя бросил Брок, и по тому, что дракон сразу же замолчал, я поняла: он пожалел о сказанном.

— Но как ты вчера ночью сумел... один... — Я сделала вид, что ничего не заметила.

— Драконы отвлекли стражей, вот я и смог, — ответил Брок неохотно.

Осуждающий взгляд Йона был красноречивее всяких слов. Зато мне стала предельно ясна и причина возникновения огненных столбов, и где всю ночь шатался дракон, прежде чем явиться в совершенно промокшем виде.

— Значит, сейчас мы с чистой совестью можем валить из города? — решил уточнить шкура.

— Нет, — отрезал ящер. — Я хочу убедиться, что все семеро

свободны.

Что может примирить оборотня и ведьму? Правильно, упрямство дракона. Под нашими с Йоном осуждающими взглядами Брок направился к ристалищу, где вовсю гремели трубы, а глашатаи вещали: «Скоро начнется первый тур магических состязаний!»

Если на торговой площади было не протолкнуться, то на подходе к ристалищу имелся даже шанс похудеть и методом сплющивания-сдавливания приобрести плоскую, стремящуюся к блинообразной, форму. Толпа так уплотнилась, что пришлось усиленно работать локтями, а иногда и ногами, в буквальном смысле протаптывая себе дорогу. На пару минут я даже почувствовала себя как дома: родное метро, час пик, куча народу, давка — одним словом, ностальгия. Моя журналистская натура слегка умилилась. А уж когда Йон и Брок своими широкими спинами расчистили дорогу маленькой мне, я размечталась: как удобно было бы с такими напарниками добывать эксклюзив в гуще событий...

К ристалищу мы, благодаря локтево-коленной тактике продвижения, пробрались быстро. Здесь и обнаружился основной затор. Выяснилось, что ушлый градоправитель решил: зрелище — вещь хорошая, особенно для казны. Посему вход для всех желающих поглазеть на бои стоил медьку с носа. Народ напирал, ибо глянуть на живых драконов желание было, а вот расстаться с деньгами — нет. Но стражи стояли насмерть. Единственный плюс — в такой толпе не проверяли: оборотень ты или не оборотень. Заплатил — проходи.

Ну мы и прошли... под сетования Йона о расточительности некоторых. Зато за оградой оказалось не столь многолюдно. Видимо, до боев еще была пара часов. Лавки под навесами пока пустовали, но два детинушки, что ненавязчиво патрулировали их, своим видом как бы говорили: эти струганные доски не про зады простых смертных.

Зато ушлые лоточники сновали меж рядами, где уже расселся люд попроще, предлагая угоститься пирожками. Причем выпечка была двух видов: или вкусная, или дешевая. Хотя, судя по виду некоторой сдобы, среди двух этих категорий затесалась еще и третья — очень дешевая. Но я бы отнесла ее не к еде, а к оружию батальона химзащиты.

Нам почти беспрепятственно удалось подойти к загонам. Там в здоровенных клетках сидели драконы. Каждый — с шипастым ошейником, по которому пробегали разряды.

Ящеры — тощие, некоторые с ожогами и едва успевшими затянуться ранами — не ревели, не плевались огнем, а лежали, поджав под себя лапы и свернув валиками крылья. Как по мне — вели себя крайне подозрительно.

Зато охране, что была приставлена к пленникам, так не казалось. Один с важным видом курил чубук, дымя не хуже дракона, остальные шестеро тоже бдели: кто с семечками в кульке, кто, гордо выпятив грудь.

Рядом с ящерами кроме охраны стояла куча зевак. В летунов тыкали пальцами, смеялись, обсуждали. Наверняка и камни кидали бы, но клетки, что удерживали драконов, как оказалось, не пропускали не только огня (один из сынов неба все же решил плюнуть) — с одной стороны, но и бульжников — с другой.

Я глазела на пленных минут десять, а когда обернулась к Броку, увидела, что он смотрит вовсе не на соплеменников.

Его внимание приковал маг, что широким уверенным шагом приближался к клеткам. За ним шли еще трое. Все в плащах, руки украшены кольцами и татуировками с вязью рун. У центрального, белобрысого, даже на щеке был выведен какой-то узор. В этого блондина и впился взглядом Брок.

Я тоже глянула на обладателя льняных волос, что щеголял своими распущенными космами, которые свободно болтались ниже плеч и лишь у висков были собраны в тонкие косицы. В последние, к слову, вплели еще и бусины. Они отчетливо выделялись в льняных волосах.

Я тронула дракона за рукав, и он, словно очнувшись, поспешил повернуться спиной. Йон же простонал со сдавленно-нецензурной интонацией:

— Твою же магию... Умар Ружримский.

Мне сразу же вспомнились два дня со вздохами Ярики по этому красавцу-драконоборцу.

Я сжала кулаки на удачу. Ну что этому ославленному, тьфу ты, прославленному и заслуженному герою войны стоит пройти мимо скромных нас? Суетиться поздно: лишь привлечем к себе внимание. Поэтому к идущим навстречу магам я встала лицом, а Брок и Йон — спиной.

Умар поравнялся с нашим трио и даже сделал несколько шагов вперед, но потом резко развернулся. Двое других чародеев чуть замедлили ход, и драконоборец бросил, не оборачиваясь:

— Я сейчас, — и, уже обращаясь исключительно ко мне: — Какая красавица... Люблю рыжих! Ты мне понравилась, держи.

С этими словами маг протянул мне перстень, снятый со своей руки. Я замешкалась. Брать эту цацку совершенно не хотелось. Но не взять — обидеть, а значит, привлечь к себе еще больше внимания. Почувствовала, как напрягся Йон, стоявший рядом. Брок и вовсе замер и, казалось,

перестал дышать.

— Ну же, бери, вечером я жду тебя в комнате, в трактире «Семь рыцарей».

Я сразу же отдернула руку. Такого скоростного перехода от периода ухаживания и подарков к горизонтально-детородному я еще не встречала. Решил, раз он весь из себя такой герой, то ему все можно?

Я уже набрала воздуха в легкие, чтобы ответить: «У меня совесть слишком дорогая и одного кольца ей явно мало, а вам дюжины — жалко, поэтому стоит разойтись!» — это был бы оптимальный вариант, ибо гордо задирать нос и утверждать: «Я не такая и не продаюсь!» — все равно что дразнить быка, в смысле мага, красной тряпкой. Мне же нужно было от этого Умара просто избавиться. Лучше всего в таком случае, чтобы не обидеть — назвать цену, которую чародей не готов заплатить. Но Брок опередил меня.

Тяжелая рука дракона легла мне на плечо, потом он, подняв голову и глядя глаза в глаза чародею, твердо произнес:

— Моя жена ни к кому в комнаты не пойдет.

— Тогда, может, пойдет вдова? — изогнув бровь, спросил Умар.

И по этому высокомерному стервецу вздыхала Ярика? Да упаси ее Небо от такого супруга! Это же концентрированная сволочь!

Надменный взгляд, не лицо — высеченный из мрамора лик, в котором душевности и тепла не больше, чем в баллоне со сжиженным азотом; острые скулы, поджатые губы... Этот красавчик-драконоборец считал, что он в своем праве.

Напротив него — в обманчиво-непринужденной позе замер Брок. Дракон напоминал мне клинок, который не покинул ножны лишь потому, что сталь извлекают на свет тогда, когда готовы искупать ее в крови, а не для устрашения.

Йон напряженно переводил взгляд с одного на другого.

Я неосознанно положила ладонь на руку дракона то ли в бесплодной попытке удержать, то ли ища поддержки.

Мы, четверо, замерли. А между нами застыла громовым молчанием вот-вот грозившая грянуть буря.

На секунду мне показалось, что время тоже застыло. Кадром. Фреской. Миг превратился в вечность. Даже пламя одного из драконов, которое ящер вдруг выдохнул из своей глотки, замерло в воздухе. Праздные зеваки и вовсе напоминали изваяния, застывшие посередине спора, смеха, шага, вдоха.

Меня накрыло ощущение дежавю: точно такой же миг застывшего

безмолвия был перед тем, как прорвало плотину. Только сейчас треснет не дамба, а мужская выдержка. И даже не важно у кого: у мага или у дракона. Итог один — слетит заклинание, Брок, защищаясь, обернется.

В противостоянии лучшего драконоборца и, собственно, дракона погибнут все, кто случайно оказался рядом. А за ними — и сам Брок. Но и осудить ящера я не могла. Как бы я повела себя, если бы передо мной оказался виновник смертей близких мне людей? Да к тому же если бы этот кто-то потребовал ради забавы мою подругу.

Уж точно не смогла бы спокойно смотреть на убийцу. Прикусила щеку изнутри. Думай, Лекса, думай! В моей голове была каша, которая, увы, в качестве пищи для ума или хотя бы почвы для идей не годилась.

В мозгу пульсировала лишь одна относительно здравая мысль, от которой хотелось разразиться истеричным смехом: ну что это за мир такой, в котором найти нормального человека тяжелее, чем живую пальму на Луне, а среди всех людей вокруг единственным, кому я могу доверять, является дракон! Разозлилась на себя — думаю не о том. Хотя... Мысль только начала оформляться в слова, когда время, словно сорвавшись с привязи, рвануло во весь опор, оглушив, сбив и буквально опрокинув сознание.

— А сил хватит? — Хрипотца в спокойном голосе Брока резанула слух, рывком возвращая в реальность.

— У меня? Сил? И это спрашивает тот, у кого хватает наглости дерзить боевому архимагу? Но этот недостаток можно быстро исправить. К тому же за убийство плебея чародею даже штраф платить не нужно...

Костяшки на сжатых кулаках Брока побелели, на лице четко обозначились желваки.

Сглотнула и решила:

— Скажите, господин Умар. — Я заставила драконоборца перенести внимание на себя. — А как вы себя чувствуете?

Самый идиотский вопрос, заставший мага врасплох, вынудил его дать самый очевидный для некроманта ответ:

— Живым.

— Значит, у вас еще не было качественной смерти. Это я вам как специалист по данному вопросу заявляю.

Что я несла? Уж точно не прогресс и IT-технологии в массы, скорее небольшие осадки в виде снега, а точнее — полную пургу. Зато Умар перестал буравить взглядом Брока.

Хищное лицо драконоборца заострилось, и он с прищуром, как-то по-новому глядя на меня, спросил:

— И что же ты за специалист такой? Знака магической гильдии я на тебе не вижу. Значит, не некромантка. Тогда лекарка. Не ведьма же...

Йон кашлянул. Громко, выразительно и... глумливо. Никогда бы не подумала, что одним звуком, да еще таким, можно столько сказать. А вот гляди ж ты. Правильно подобранный кашель, как и взгляд, оказывается, как коробочка «Рафаэлло», лучше тысячи слов, говорят все...

— Не просто ведьма! — утерев несуществующую соплю и воздев вверх перст, которому выпала почтенная роль носового платка, ответил шура. — Она из рода Журналистов. А они, если говорить честно, не маги. Хуже. Просто звери.

Йон вещал с самым серьезным выражением лица, как раз с таким, с каким и несут полный бред. Но я была перевертышу за это безумно благодарна. Расцеловала бы... если бы не так сильно хотела задушить. Хотя я и сама готова была молоть любую чушь, все что угодно. Главное, чтобы Брок и драконоборец не сцепились.

— Ты еще скажи, что я магистр черной и белой бухгалтерии, — фыркнула в ответ.

Чародей нахмурился. Сейчас он выглядел как человек, который понимает, что его пытаются обдурить, но в чем именно — еще не смекнул.

— Не скажу. А то еще проклянешь, в смысле предскажешь будущее, и живи потом с этим знанием, мучайся...

Брок и Умар. Эти двое стояли друг напротив друга. Жажда крови не ушла. Вот только я поняла: что-то изменилось. Не было уже нервов, натянутых струнами. Им на смену пришли холодная расчетливая ярость — у дракона и предвкушение удовольствия — у мага.

— Значит, ведьма... Занятно. Что же, раз передо мной вольная колдунья, прошу прощения. — На словах Умар вроде бы извинялся, но вот интонация... С такой говорят истинные гадости и предлагают только проверенные яды. — Как насчет невинного спора? Как говорят драконы, пари...

Кольцо из его ладони исчезло. Зато на открытой длани загорелась маленькая шаровая молния. Не больше пчелы. Чуть позже я узнала: мне бросили вызов как равной.

— Как истинная дочь дара ты не вправе отказаться от выз...

Кулак Брока пролетел в сантиметре от моего лица, и в крепком истинно боксерском приветствии поздоровался со скулой драконоборца.

Хук был с пиротехническим эффектом. Краткая вспышка на миг охватила тело мага. Вот только и дракону досталось: кожа на костяшках буквально сгорела, словно кулак впечатался не в благородный чародейский

анфас, а в раскаленное добела тавро. По воздуху поплыл запах паленой кожи, от которого начали выворачиваться легкие.

Знаменитый и непобедимый ошалело помотал головой, словно не веря, что его амулет не сработал. Дракон зашипел, крепче сжимая кулаки. Но, казалось, ни драконоборца, ни объект его промысла не смутило то, что народ, толпившийся вокруг, отхлынул волной. Среди праздных зевак показались маги.

— Смотри-ка, из-за девки не побоялся сцепиться с колдуном...

— Ни переда, ни зада, подержаться не за что, а щас из-за этой тощей стервы мужик угробится.

— Ой, страсти-то какие!

— Мам, мам, у дяди чародея искры из глаз посыпались, когда он плюху получил, потому что он маг?

— Мяс...

— Брысь!

— Умар, помочь разобраться с зарвавшимся мужичьем?

— Ну дай семок, что жмотишься! Мне тоже охота на мордобой магический глянуть...

До ушей донеслись обрывки выкриков. Я уже хотела вклиниться между этими двумя, понимая: биться будут не из-за меня. Причем оба. Я оказалась лишь поводом. В драконоборце говорило уязвленное самолюбие. Как же, маг, герой, обласканный славой. Ему наверняка позволялось больше, чем всем, а такие отказов не прощают. И берут свое не силой, так хитростью.

Брок. Он ненавидел стоявшего передо мной Умара всей душой и готов был свернуть ему шею, мстя за сородичей.

Я уже шагнула вперед, намереваясь встать между этими двумя, когда сильная рука дернула меня назад.

— Куда! — Голос Йона звенел сталью.

— Он же его...

— Пусть лучше Брок, чем ты. У него хотя бы есть шансы...

Какие именно «шансы», я поняла позже, когда перевертыш доходчиво объяснил, чему успел помешать кулак дракона. По кодексу чести самых бесчестных представителей этого мира — магов, равными им считались только те, кто тоже не обделен чародейским даром. А когда драконоборец узнал, что перед ним не простая девка, а вроде как почти колдунья (ведьмы, в отличие от прочих магов, обучались не в специальных школах, а исключительно «на дому», по семейным гримуарам), сообразил, что ее просто так на плечо не закинешь. Зато можно вызвать на бой. Если

откажется — признает себя простолюдинкой. Проиграет — придется сдаться на милость победителя. В общем, куда ни плюнь, везде профит.

Новый акт представления «постоим за честь жены» начался с бодренького апперкота. Умар, не будь дурак, ни за чью честь стоять не хотел, а уж лежать — тем более, потому шустро уклонился, поднырнув под летевший в него кулак. Для того чтобы кастовать полноценное заклинание, нужна была хотя бы секунда, которую дракон чародею, разумеется, и не думал давать.

Драконоборец встряхнул рукой, совершая замысловатый пасс. То ли колданул, то ли выругался, усилив обычный хук магически, и замахнулся для прямого удара.

Брок увернулся в последний момент. Кулак, чуть задев, скользнул по боку ящера. Зато мой неожиданно объявившийся муженек медлить не стал, а, пользуясь тем, что Умар по инерции полетел вперед, поймал его кисть и дернул.

Рука драконоборца вылетела из сустава, но маг даже не вскрикнул, лишь крутанулся вокруг своей оси, подсекая противника.

Оба повалились на землю. Шею Брока обхватили колени Умара, и я увидела, как можно душить ногами. Дракон же ломал чародею вторую руку, лишая того самого главного колдовского оружия, без которого не совершить и простейшего пасса.

Грозный повелительный крик заставил замереть всех:
— Остановитесь!

Сквозь расступившуюся толпу шагал еще один маг в серой хламиде. Выцветшие до безизны весеннего снега глаза, абсолютно седая борода и лысый как коленка череп впечатлили не только меня. Хотя, признаться, до этого я и не предполагала, что на затылке, как на листе пергамента, можно поместить чуть ли не целое письмо. Но убористые строчки рун, красовавшиеся на черепе мага, свидетельствовали: да, можно.

— Любые сражения до начала турнира запрещены! Нарушивших это правило ждут браслеты из аладара.

Судя по всему, у этого мага слова с делом не расходились. Стоило ему всего лишь взмахнуть посохом, как на запястьях Брока и Умара появились оковы из странного черного металла.

— Я всего лишь вызвал этого мага на поединок, — первым нашелся Умар, смело глядя в глаза седобородого. — При всем моем уважении к вам как к главе гильдии магов... Мессир Рохар, за приглашение на честный бой лишать меня магии до окончания турнира, заковав в наручники, словно преступника...

Лысый зыркнул на Брока из-под густых и абсолютно белых бровей.

— Обычно, когда чародеи бросают вызов, ограничиваются запущенной в сторону соперника шаровой молнией.

— Хотел, но не успел, — с невозмутимым видом на чистом глазу соврал Брок, вставая и отряхиваясь.

— Зато вы оба, как я посмотрю, успели вывалить друг друга в грязи и чуть не свернули шеи. Но раз вы в один голос утверждаете, что это был всего лишь вызов... — Он выдохнул, прикрыл глаза и совершил замысловатый пасс, после которого кандалы исчезли, и старик продолжил мысль: — ...Раз вы такие боевые, то что вам делать на земле? Покажете себя в небе. Оба полетите на драконах. Вместо Здыха Кушнурского и Кермина Чодры.

После этих слов маг ударил посохом, круто развернулся и зашагал прочь. Надо ли говорить, что в Умара и Брока тут же прилетели малые шаровые молнии и прожгли в одежде обоих дыры. Не нужно было гадать, чтобы узнать, за чьим авторством разряды. Здых и Кермин, которых только что потеснили, не преминули воспользоваться возможностью если не в воздухе, то на земле намылить шею первому герою войны с драконами и главнокомандующему этих самых драконов. Правда, о том, что простой на вид маг и есть тот самый ящер, что вел за собой в бой всю летную рептилистую эскадру, они, к счастью, не догадывались.

Умар зло зашипел, сбивая пламя и вправляя вывихнутую своим «супругом» кисть. Брок похлопал себя по груди, потушил загоревшуюся ткань.

— Только после него, — обращаясь к толпе, бросил Брок, кивнул на драконоборца и тем самым дал понять: вызов принял, но поединок будет после сражения с Умаром.

Два кивка незадачливых магов подтвердили, что дракона услышали.

— Да уж, у магов, как посмотрю, перед этим турниром жутко боевое настроение, — заметил Йон, все это время на всякий случай державший меня за локти: а вдруг ринусь помогать дракону?

— Боевое до начала турнира запрещено, как заметил этот мессир, — проворчала я. — Поэтому у них пока лишь травматическое.

Брок на мое заявление фыркнул и, кажется, даже скупой улыбнулся.

— Чему радуешься? — сварливо заметил шкура.

— Чему-чему... Думал, придется от пульсаров на арене уворачиваться, а вышло, что даже летаю... Может, собственным драконом обзаведусь... — чуть мечтательно, словно вживаясь в роль по Станиславскому, выдал Брок.

— А, ну раз дракона собственного заимеешь, это, конечно, меняет дело, — с издевкой парировал Йон.

В их милый мужской разговор вклинился голос драконоборца:

— Эй, как там тебя звать, ведьмин супругник?

— Брок.

— Просто Брок?

— Нет, Брок Типо-о-графский, — выпалила я первое пришедшее на ум, чем в очередной раз поставила в тупик драконоборца, да и не его одного. Дракон, который по моей милости стал то ли подобием графа, то ли представителем рода Офсетной Печати, тоже с интересом воззрился на меня.

— А я Лекса Типографская, — с этими словами я с энтузиазмом схватила руку Умара, мстительно цапнув ту, которую чародей только что вправил, и затрясла. — Искренне не рада нашему знакомству, но, как говорится, вежливость-то никто не отменял.

В этот миг я увидела чернявую макушку, и не просто увидела, но и узнала ее обладательницу — Ярика.

— В знак примирения я готова выдать вам предсказание на ближайшее будущее, причем совершенно бесплатно. Буквально через пару минут вы встретите свою судьбу. Она черноволоса, молода и ярка. И ее имя — ей под стать. Такое же яркое и жгучее.

Хотела добивать: «А нам уже пора», — но Умар меня опередил:

— Если думаешь улизнуть, рыжая, то знай: твой Брок живым с небес не вернется, а ты станешь моей.

Йон расплылся в улыбке: уж кто-кто, а перевертыш прекрасно знал, что грозить дракону облаками — все равно что сумоисту пироженкой. Впрочем, шкура предпочел оставить эти знания при себе.

Дракон же смерил блондина взглядом и наконец заметил мою активную жестикуляцию за спиной противника. А потом узрел ту особу, на которую я активно указывала. Он тоже узнал Ярику и, бросив сухое:

— Увидимся в небе! — развернулся и зашагал прочь.

Когда мы уходили, маг казался жутко довольным. Ровно до тех пор, пока на все загоны не прозвучало звонкое девичье:

— Господин Умар!

Ярика пошла в атаку. Я лишь усмехнулась: ведьма не ведьма, а предсказание-то точное!

Когда же мы пробрались к зрительским рядам, я, оглядевшись, спросила:

— Ну что, уходим?

Оборотень с драконом слаженно кивнули, но, увы, выполнить задуманное не получилось: невидимый барьер не выпускал Брока за ограждение. Как выяснилось, участники боев не могут покинуть пределы ристалища, не сразившись со своими противниками. Был, конечно, и другой вариант, но мне не хотелось тащить на себе драконий труп. Опыт транспортировки полудохлого ящера уже имелся, но повторять его с абсолютным мертвяком я как-то не стремилась.

— Вот скажи мне, на кой нужно было лишь ослаблять путы на этих пойманных? Не мог сразу всех отпустить, и летели бы они...

— Это однозначно расценили бы как провокацию со стороны драконов, а мир между нами и людьми и так слишком шаткий.

— А так, значит...

— А так, значит, решат, что маги недостаточно сильны, чтобы быть наездниками, — припечатал Брок.

Загудели трубы, оповещая, что скоро начнется турнир. У меня от плохого предчувствия засосало под ложечкой.

Сначала сражались на арене. Организаторы этого «мракобесного и непотребного», как судачили в толпе, а значит, дюже интересного магического мордобоя не стали тратить на песок для арены, решили, что грязь мягкая, целебная и самое главное — не стоит и гнутой медьки. Потому и оставили ее, родимую. За что получили сердечное спасибо от всех участников турнира, которые после завершения боев снаружи напоминали элитных хряков на поросычем курорте. То бишь были вымазаны целебной и смягчающей удары жижей с ног до головы. А особо счастливые, те, кого противники носом повозили по чудесному грунтовому покрытию, — еще чуточку напоминали хряков и изнутри.

Когда же первая часть сражения закончилась, герольды объявили, что вот прямо сейчас зрители увидят небывалое зрелище: маги-самоубийцы на заливках ящеров, в смысле отважные герои укрощают драконов.

Брок, подмигнув мне и похлопав побратима по плечу, бросил:

— Ну я пошел, встретимся у леса, за городом, — и, не позволив мне сказать ни слова, потопал к загонам.

— Волнуюсь за него... — Я повернулась к Йону.

Шкура обнял меня, но отчего-то скидывать руку оборотня с плеча мне не хотелось, хотя жест и вышел фривольным. Будь рядом лиса — обязательно на это фыркнула бы. Но Патрикеевна затерялась где-то в толпе еще при входе на ристалище.

— Не переживай. Это остальные будут скакать, как на диких лошадях без седла. Брок же поедет на закорках у родича. Ничего с ним не случится.

А нам надо пробираться поближе к выходу...

Зачем — спрашивать я не стала. И так очевидно: это зрители думают, что их ожидает укрощение драконов. А на деле — если Брок все сделал верно, ящеры поскидывают седоков и будут таковы. Но как сам ящер думает выкрутиться из этой ситуации? Хотя ему виднее, о чем договариваться с сородичем.

Над ареной пронесся оглушительный крик, и драконы, выпустив струи пламени, взмыли в небо.

ГЛАВА 10, она же вопрос десятый: — Что для вас самое главное в жизни? А в смерти?

То, что полет на загривке дракона — не увеселительная прогулка, стало понятно уже через пару мгновений, когда один из ящеров, совершив несколько кульбитов в воздухе, начал стремительно набирать высоту. При этом крылатый плевать хотел (как в переносном, так и в прямом смысле этого слова — огнем) на понукания и попытки мага-наездника натянуть силовой аркан. Толпа слаженно ахнула, когда дракон, перекувыркнувшись в воздухе и зависнув на пару секунд брюхом вверх, резко ударил крыльями и сбросил с себя седока. Освободившись, угольно-черный ящер свечкой **ВЗМЫЛ ВВЫСЬ**.

Чародей полетел вниз, суматошно размахивая руками.

В голове пронеслась мысль, что я вижу последние секунды жизни молодого, еще сильного и здорового мужчины, который в панике инстинктивно пытается схватить руками воздух. Но нет, оказалось, в свободном падении, когда небо и земля меняются местами за долю секунды, колдун не истерил, а умудрялся кастовать заклинание.

Он успел. Замер в воздухе, завис всего в двух локтях над грязью арены. Его тело, уже сгруппировавшееся, приготовившееся принять удар, повисло будто на тросе. Но едва зрители выдохнули, как второй дракон, на этот раз аметистовой масти, на брющем полете буквально причесал брюхом толпу, в панике брызнувшую во все стороны. Лишь выставленный в последний момент щит того самого лысого седобородого мага чудом спас сотни жизней.

— По метлам! — Крик, как рупором, усиленный магией, полетел поверх голосащей толпы.

Несколько чародеев успели взмыть в воздух, когда и на третьем драконе, чья чешуя отливала бронзой, лопнул силовой аркан, высвободив ящера из пелены заклинания. Его седока смело волной огненного дыхания чешуйчатого, когда тот вывернул шею под немыслимым углом. Обгоревшего чародея, свержившегося с драконьего загривка, успел подхватить заклинанием левитации один из магов, оставшихся на земле. Выжил ли опаленный огнем колдун — для меня осталось загадкой.

Едва бронзовокрылый разделался со своим наездником, как арену тут

же залило огнем.

Первый вылетевший из седла чародей, что еще секунду назад висел в двух локтях над землей, как муха на паутине, успел в несколько прыжков пересечь поле.

Грязь, которая недавно хлюпала под ногами боевых магов на ристалище, вспучившись, затвердела в момент, а потом и вовсе пошла трещинами. К бронзовокрылому присоединился четвертый дракон, шипастый, и не давал магам возможности взлететь.

Вот только дракон, чью шею украшал ряд здоровенных игольчатых выростов, в отличие от своего бронзовокрылого собрата, не успел избавиться от наездника. Колдун еще чудом держался на его холке, намертво вцепившись в один из этих самых шипов. Миг — и по шее сородича, ровно в то место, где сидел хваткий чародей, пришелся удар хвоста бронзового дракона. Наездник за долю секунды до этого успел сигануть с холки.

Только сейчас, стоя у стены и наблюдая безумную панику, крики, свистящие пульсары и отчаянный мат чародеев, которые сдерживали стену огненного драконьего дыхания, я начала осознавать, что такое война для простых людей.

Чародей, что первым выпал из седла и лишь чудом не разбился, весь измазанный, сейчас присоединился к магическому заслону, влив в него свои силы.

Я повернула голову, успела увидеть, как и второго наездника, вцепившегося в загривок аметистового дракона, щедро облил пламенем бронзовокрылый, освобождая крылатого собрата от седока.

Маг, которого только что испутили в огне, должен был обуглиться и осыпаться на землю кучкой пепла, но он, хоть и основательно подкопченный, каким-то чудом сумел выжить. А вот удержаться — нет.

Не знаю как колдунам, а вот простым смертным падение с драконьей шеи наверняка светило бы не совсем романтическим свиданием с апостолом Петром. То ли всадник на шипастом был дюже удачливый, то ли просто имел блат, знал всю небесную канцелярию лично и наведывался в нее регулярно, но... После того как уже бывший наездник аметистового поприветствовал боками арену с запекшейся на ней грязью, он весьма резво припустил по глиняной корке, ловко уворачиваясь от драконьего дыхания.

Толпа, еще пару минут назад праздная и опьяненная азартными зрелищами, сейчас голосила на все лады. Я жалась к стене, понимая, что если ринусь к выходу — меня просто затопчут. Йон думал примерно так же

и изучал взглядом частокол ограды. Видимо, прикидывал, сможет ли сигануть через него.

Я тоже задрала голову и увидела, как фиолетовый дракон в небе, взбрыкнув, скинул с себя пятого наездника.

Умар же боролся со своим ящером, матерым, огненно-красным. Плюнув на бесполезный аркан подчинения, сырой силой, что текла из его рук, драконоборец пытался усмирить крылатого летуна. Зверюга же укрощаться не желал, яростно плевался огнем, но до Умара так и не доставал. Все же этот наглый блондин был одним из лучших боевых магов и оправдывал свою репутацию: лишь он один сумел относительно подчинить себе дракона, в то время как остальные уже вылетели из своих седел.

Брок же талантливо изображал ковбоя на родео. Он гарцевал на драконе, который старательно взбрыкивал откляченным задом. Если не знать, что все это — лишь представление, складывалось впечатление, что Брок изо всех сил старается усидеть на крылатом ящере, а тот усердно его скидывает, но при этом как бы невзначай плюет огнем именно в нескольких сумевших взлететь магов. И — о чудо! — бьет практически без промаха.

Но не только дракон Брока прицельно коптил летунов на метлах. Крылатые сородичи, уже освободившиеся от наездников, от него не отставали. Порой они зависали в воздухе, словно ждали, когда их последний собрат избавится от ненавистного драконоборца, и не позволяли остальным магам подняться в небо.

Впрочем, яростный огонь доставался только чародеям, оголтелая толпа хоть и выла, но в основном от страха, а не от реального урона.

Вот так... Местный кнесс захотел показать, что он все контролирует и прижал крылатого неприятеля к ногтю, уверить простой люд, что драконы беспомощны перед величием магов... А на деле вышло совсем наоборот. Хотя, если бы Брок не ослабил арканы подчинения на своих сородичах, демонстрация наверняка вполне удалась бы.

— Давай пробираться к восточной стене. Она ниже, я смогу перелезть и вытащить тебя, — кивнул перевертыш, указывая направление.

На его руках ногти превратились во внушительные черные когти, без слов объясняя, как шкура собрался все это провернуть.

Йон начал протискиваться сквозь суматошную людскую толчею. Я держалась за ним в фарватере. На краткий миг, когда один ярый плевок огня вызвал особенно сильную волну паники и люди словно вовсе обезумели, меня буквально впечатало в стену, вдоль которой я пробиралась вслед за шкурой. Когда же спустя минуту мне удалось отделиться от

чостокола, макушки Йона уже не было видно.

Сцепила зубы. Плечо, которым приложилась к стене, жгло болью. В ушах звенели крики, но я упрямо продолжила пробираться туда, куда указал перевертыш, в надежде найти блохастого.

Через два десятка шагов неведомая сила заставила меня остановиться. Я почувствовала, что впереди, в нескольких шагах от меня, стоит она. Моя смерть.

На ней красовалась черная кожаная куртка с металлическими шипастыми заклепками на груди, локтях и манжетах — одежда, любимая магами — охотниками на нечисть. Мой персональный «каюк» имел выбритые на висках каштановые волосы, татуировку розы ветров на виске и совершенно черные провалы глаз.

Я никогда не встречала таких... Бездонные, без намека на белок. Создавалось ощущение, что ненормальный для человека расширенный зрачок видит не только твое тело, но и душу. А хозяин этих очей не прочь эту самую душу еще и забрать.

— Ну вот и встретились, Раана, — не сказал, проскрежетал незнакомец.

Поджарый, высокий, он стоял не шевелясь в толпе, охваченной броуновским движением. И вот странность — даже объятые паникой люди стремились уклониться, обтечь этого пугающего до жути мага. Казалось, он в сотню раз страшнее самого ядерного драконьего пламени.

А странный тип в упор смотрел на меня. В его согнутой руке была сфера, светящаяся ядовито-зеленым. От этой стекляшки в мою сторону тянулся едва видимый луч, который пронзал мое тело в районе груди.

«Попалась. Не убежать!» — Эта мысль на удивление отчетливо прозвучала в моей голове. Причем прозвучала так же скрипуче, как до этого «Раана».

Змея на груди недовольно зашевелилась, словно зеленый луч потревожил и ее покой. Рептилистое тело стало теплым, шершавым и напряглось.

Шевеление сероузорной заставило мой испугавшийся мозг заработать. Усиленно так зашевелить извилинами. Если этот псих назвал меня Рааной, значит, он и есть тот самый маг, что послал по следу кнессы, а вернее, ее печати огненного демона. Но я же выгляжу совершенно иначе, нежели убитая стрелой хозяйка змеевны!

Мысли неслись с головокружительной быстротой.

Разбойники сначала не признали в переодетой мальчишкой кнессе хозяйку печати.

Этот черноглазый — тоже. Вывод: он, как и тати, — наемник. Киллер местного разлива, чтоб его!

Между тем мой личный кошмар времени не терял. Он сжал сферу, и тонкий зеленый луч обернулся петлей. Она-то и стала медленно, но верно душить, подтягивая мое тело к убийце. Шаг за шагом, сантиметр за сантиметром, как я ни упиралась, а все равно приближалась к своей черноглазой смерти.

Когда между нами осталось не больше локтя, я с усилием прошипела:

— Что, так понравилась моя душа?

Этот хищник облизнулся:

— Очень. Настолько, что хочется ее забрать. Правда, отдельно от тела.

— Ну тогда дерзай. Я вместо тебя себя убивать не собираюсь. — С такими словами я саданула каблуком сапога, метя в ногу.

Но не удар по колену был моей основной целью. Я лишь хотела отвлечь убийцу от главного. Темный маг на долю секунды скривился, и в этот миг я с силой толкнула его руку, державшую сферу, — на него же, целя в один из металлических шипов.

Да, местечковый дизайнер, который шил куртку магу, полагал, что эти иглы уберегут чародея, когда тот решит подзакусить нечистью. Но портной наверняка никак не ожидал, что одна наглая девица, которая очень хочет жить, решит использовать их как молоток для разбивания ценных магических капсул.

Сфера треснула, и зеленая удавка исчезла. Я же, дитя городских улиц, еще в бытность разбитых коленок и молочных зубов усекла простую вещь: лучше всего избегает проблем тот, кто быстро бежит. А медленное шевеление ногами — это гарантия того, что ты станешь счастливым обладателем люлей или почетного права восседать на стуле в детской комнате милиции.

Я решила, что мудрость на все миры одна, и, ловко поднырнув под киллерскую пятерню, что вознамерилась схватить наглую кнессу за плечо, на полусогнутых сиганула в гущу топы. Угрем, которого живьем кинули на раскаленную сковородку, я извивалась, просачивалась между людьми, ныряла чуть ли не под ноги, или, наоборот, перепрыгивала через головы. В общем, всячески старалась увеличить расстояние между собою и смертью. Вот только оно, это сволочное расстояние, увеличиваться не хотело. Черноглазый пер сквозь толпу, как ледокол по торосам.

Я оглянулась в тот самый миг, когда в руке преследователя показалась еще одна сфера. На этот раз беспросветно-черная, с ореолом мглы.

Легкий замах, и чернильный шар полетел в меня, сдавленную со всех

сторон толпой. Я качнулась чуть в сторону, понимая — этого недостаточно, чтобы уйти от столкновения. Но тут бронзовокрылый дракон плюнул еще раз, особенно яростно. Толпу мотнуло, и меня вместе с ней.

Сфера ударилась о голову моего соседа — здоровенного детины. Секунда — и тело мужика осыпалось пеплом, словно его и вовсе не бывало. На его место пришла бабища, которая даже не заметила, что произошло и отчего вдруг стало чуточку свободнее. А потом ее придавило ко мне.

Едва зажившая нога вывернулась особенно резко, боль прошла от пятки до висков, заставив запрокинуть голову и заорать.

Как Брок среди воя толпы услышал мой вопль — осталось загадкой. Но именно когда я закричала, он окинул взглядом толпу, словно искал меня. А потом его дракон камнем полетел вниз.

Убийца смотрел исключительно на меня. В его руке зрела очередная черная сфера. И я поняла: мое везение кончилось. В этот раз он не промажет. Замах. Вновь летящий в меня сгусток тьмы и особенно сильный крик, ударивший по ушам.

Лапы, схватившие меня и с силой рванувшие из сдавившей со всех сторон толпы, казалось, раздробили плечи. В глазах почернело. Зато мозг, в отличие от зрения, и не подумал отключаться. Ехидная мысль, что я только что примерила на себя образ приснопамятной репки, которую тянули-тянули, никак не хотела покидать дурную голову. Струя огня, прошедшая рядом, опалила жаром, а круги тьмы перед глазами на миг поблекли. Я смогла рассмотреть, как мой несостоявшийся киллер красиво пылает. Задорно так: прямо в лучших традициях ада.

Жаль только, что черноглазый на поверку оказался огнеупорным. Сбив с себя пламя, он еще раз попытался прикончить меня, поднимающуюся все выше к небесам.

Убийца вскинул руки, чтобы создать новую сферу, не ожидая очередной подлянки судьбы. А она, эта самая подлянка, как верная жена, всегда была готова продемонстрировать если не красивый, то просто жест: фигуру из одного или трех пальцев. Это уж как повезет.

Черноглазому достался от фортуны кукиш. Фига была большой, тонны в две, огнедышащей и с матерящимся Умаром на загривке.

Драконоборец почти сумел подчинить себе зверя, когда тот в пикирующем полете устремился к земле, словно желая самоубиться, и лишь в последний миг распахнул крылья и сграбастал моего киллера.

Сдавил он его знатно: даже выжатый досуха лимон по сравнению с черноглазым выглядел полным жизненных сил и перспектив на светлое и

здоровое будущее. Только после демонстрации того, на что способна драконья лапа, я оценила, сколь бережно нес меня крылатый ящер Брока.

Это была последняя мысль перед тем, как я все же потеряла сознание, то ли от боли, то ли от недостатка кислорода на высоте. К тому же пронзать облака в качестве драконьей ноши оказалось холодно.

Тьма, заполнившая меня изнутри, подарила спокойствие и избавление от боли.

...В себя я пришла на земле. В спину впились мелкие камни, даря холод и непередаваемые ощущения. Подобное наверняка испытывают йоги со стажем, которые любят дремать на гвоздях и разбитых стеклах.

Ноги затекли, я их практически не чувствовала. Руки, по ощущениям, были скованы.

Тихо сглотнула. Свинцовые веки не желали подниматься, и я решила, что могу позволить себе полежать пару минут, изображая квартиранта мавзолея.

— Говорят, что Рогнед купил себе у эльфов лук за пятьсот золотых, — с толикой восхищения произнес юношеский голос. — Чтобы в человеческом облике участвовать в ежегодной ритуальной охоте на косулю.

— Пять сотен золотых? — переспросил с возмущенной интонацией хриплый бас, словно хотел убедиться, что ему почудилось. — Да это же такие деньжищи! Да за такую цену с таким луком надо идти не на косулю, а как минимум на самого Умара Драконоборца! Хотя я бы на месте Рогнеда с подобными деньжищами вообще плюнул на охоту, нанял бы профессионального стрелка, чтобы прихлопнул эту оленятину. Да за пятьсот золотых и некроманта можно нанять. Темный маг не только пришибет косулю, но и оживит, чтобы повторить процедуру убиения на бис. Причем обставит все в итоге таким образом, что даже сыскарь не подкопается. Да я гарантирую, что за такую монету все вокруг будут считать, что эта ритуальная косуля покончила жизнь самоубийством! Ее найдут на брачном ложе, а вокруг обнаружат разбросанные сушеные бледные поганки. На столе будет лежать пергамент, где она собственным копытом нацарапает: «Олика, прости, я подлец, но больше не могу скрывать, что я всю жизнь любил кабана Джонрика, которого вчера пустили на шашлык. Я ухожу вслед за ним!»

— Тебя послушать, так если есть деньги, то и оружие не надобно...

— Почему это не надобно? Конечно, надобно, — возмутился бас.

— И какое же? — вкрадчиво поинтересовался юношеский ломкий тенор.

— Топор! — гордо возвестил прокуренный бас. — Он и в хозяйстве

пригодится, да и на поединок чести с ним не зазорно выходить. Им и биться можно, и метать. Причем, как ни попади, супостату все равно мало не покажется.

— Ты, Трас, скажи, что он еще и не ломается, — ехидно поддел фаната топоров второй голос, звонкий, юношеский.

— И скажу, — сварливо пропыхтел любитель табака. — Нож вот можно сломать. А топор?

— А еще топор вносит оживление в любой разговор. Стоит его вогнать в доски стола, как беседа сразу становится куда интереснее и эмоциональнее, — вклинился в беседу третий.

Кашляющий, но тем не менее ехидный голос Умара я узнала с трудом.

Усмехнулась про себя. Судя по эмоциональному спичу любителя подымить табаком и обладателя тенорка, эти двое не знали, что рядом с ними тот самый драконоборец, которого не стыдно замочить из лука в пятьсот золотых.

— Я тебе щас кулак в живот вгоню, — угрожающе начал курильщик. — Поговори мне тут!

— Да я беседу хотел поддержать... — прозвучало будто бы примирительно, а на деле — с тонкой издевкой.

Звякнули цепи.

— Беседу поддержать... Была бы моя воля, я бы тебя давно на дыбу определил. Там бы по-другому завыл. Сколько ты, сучий потрох, моих братьев загубил!

— А ты не убивал магов?

Ответом стал звук глухого удара, какой бывает, когда задумчивую беседу начинают вести кулаки. Умар сквозь зубы зашипел проклятия.

— Я умею укорачивать языки, — самодовольно отозвался бас.

— Невелика наука, когда этот язык на привязи, — сказал новый голос, и от этих звуков все внутри меня застыло. Словно от капли, что ударилась о водную гладь, пошли ледяные иглы, враз затянувшие пространство ажурной тонкой изморозью, мгновенно затвердевшей до толстой ледяной корки.

Всего несколько слов, что обронил мой пока несостоявшийся убийца, заставили меня резко изменить свои планы. Нет уж. Лучше я по канонам актерской школы дедушки Страсберга качественно отыграю роль обморочной.

Это вечное, как весь женский род, искусство подглядывать, когда окружающие думают, что ты крепко спишь, я отточила за свою дворовую жизнь до совершенства. Впрочем, как и некоторые другие умения уличного

прохвоста. Пушистые ресницы не дрогнули, но я и сквозь них смогла увидеть место, где очутилась.

— Тоже захотел? — меж тем отозвался бас, отвечая уже киллеру.

— Ну что вы, уважаемый дракон, я еще не настолько дурак, чтобы напрашиваться на ваши жаркие приветствия. К тому же я предпочитаю традиционные отношения, а вы, уж простите, ни разу не девушка.

— Поэтому ты так рвался к нашей спящей красавице? — вкрадчиво поинтересовался курилка.

— Нет, к Раане я, как вы выразились, «рвался» совсем по другой причине. Мне заплатили за ее голову.

— Раане... — Умар зашелся рваным кашляющим смехом. — Мне довелось быть лично знакомым с кнессой, и я могу поклясться собственным даром, что эта рыжая — не она.

— Так поклянись, и я смогу насладиться тем, как ты выгоришь. Гончие сумрака не ошибаются. Они чувствуют печать.

— Но им без разницы, на ком она, — ехидно заметил Умар.

— Заткнитесь оба! — рявкнул прокуренный бас. — Начали лясы точить, смертники. Вот пожалует господин Вьельм, прикажет — и отсечем вам троим головы.

Имя энга, брата Брока, резануло слух. Тут же в голове возникла сотня вопросов, главный из которых был — что же случилось с моим несносным драконом? Лишь потом поймала себя на мысли: думаю о Броке как о «своем».

Отбросив эмоции, попыталась рассуждать трезво. Если должен пожаловать этот Вьельм, значит, мы на парящей твердыне драконов. Судя по всему — в тюрьме или просто под охраной двоих стражников.

Умар, напоровшись на кулак, не смог ответить встречным хуком. Скорее всего — скован, как и мой несостоявшийся киллер, как и я. Но если нас троих уравнили, связали руки всем без разбора, значит, с Броком что-то случилось.

Дракон просто не мог оставить меня рядом с тем, от кого, собственно, и спас. Или Брока посчитали предателем, и он тоже связан, только без сознания? Похоже, все же придется подать признаки жизни.

Я уже собралась протяжно застонать, когда курилщик, вздохнув, протянул:

— Схожу за ужином, что ли. Ноги разомну. Покарауль этих троих. Хотя, может, уже и двоих. Девка-то сколько веретен уже валяется бревном и даже не шелохнется. Может, издохла?

— Сейчас проверю... — отчего-то воодушевился звонкий тенорок.

— Проверит он, — добродушно пропыхтел бас. — Ты смотри, вырезто особо усердно не проверяй. Там змеюка. Хоть и железная, а выглядит как живая. Может, оберег какой.

Из этого короткого диалога я поняла две вещи. Первое — Брока рядом нет, и второе — меня уже один раз облапали.

Подкованные сапоги застучали по камням. Судя по всему, старший из стражей пошел-таки за ужином. Владелец тенора остался один. Минута-другая, и я услышала, как кто-то приближается ко мне.

Ехидные понимающие смешки, долетевшие оттуда же, откуда еще недавно звучал голос моего киллера, шмыгающий вдох, будто кто-то втягивал кровь, сочащуюся из разбитого носа, — вот аккомпанемент, сопровождавший приближение ко мне юного стража.

Он остановился совсем рядом. Присел.

Я почувствовала, как холодные пальцы коснулись моей шеи, нащупывая жилку.

— Не туда руки тянешь, надо сразу под юбку! — все же черноглазый не удержался.

Пальцы замерли. А парень, похоже, еще не столь испорчен... Хм. Может, самое время очнуться и соорудить недотрогу? Хотя, судя по обстановочке, «стройматериалы» у меня на руках явно не те. Да и роль коварной соблазнительницы навряд ли удастся с блеском.

Пальцы стража явно не тонкие, грубые, привыкшие держать сталь, а не стило. Воин.

Мои ресницы дрогнули. Я вздохнула чуть глубже, чем до этого, и медленно открыла глаза. Постаралась придать лицу выражение мечтательной полуулыбки. Признаться, больше всего этому мешали боль в руке, острые камешки, что впивались в лопатки, и затекшие ноги, которые начало нещадно колоть. Но я старательно изображала принцессу, проснувшуюся поутру на мягчайшей перине и пребывающую в ангельском настроении.

Сглотнула, искренне надеясь, что голос зазвучит чисто, без хрипа.

— Где я? Что со мной? — и одарила стража самой очаровательной улыбкой, какую смогла изобразить.

Юноша шумно выдохнул. Это стало для меня сигналом. Я поймала взгляд его глаз. Серые, с желтыми прожилками, они смотрели недоверчиво, настороженно.

Мой караульный оказался еще моложе, чем я предполагала. От силы лет пятнадцать. Хотя, может, он выглядел столь юным, потому что был драконом? Высокие скулы, на которых остались порезы от бритвы. Судя по

всему, матерая мужская щетина грозила ему еще не скоро, но приобщиться к утреннему ритуалу настоящих мужей пацану зело хотелось.

Я старалась, чтобы стражник не отрывал взгляда от моих глаз. Специально чуть задержала дыхание, чтобы на щеках проступил девичий румянец, который многие принимают за признак смущения.

— Вы пленница, — сглотнув, выдал юноша.

Я же про себя молилась. Во имя отступа красной строки, таймс нью романа и полуторного кегля! Ариал! Пусть эти двое — Умар и черноглазый — схватят вирус немоты, пока я пытаюсь очаровать стража.

Небо словно услышало мою молитву. В гроте (а, как показал беглый осмотр позиций, я оказалась именно в нем) стояла тишина, нарушаемая лишь размеренным плеском воды.

— Пленница... — протянула с едва заметным придыханием, глядя на парня снизу вверх. — Но моя совесть и помыслы чисты, поэтому я питаю надежду, что заключение не будет долгим и это недоразумение вскоре разрешится. Я верю в это так же, как в вашу честь и воинскую доблесть.

Юный страж сжал губы, что должно было свидетельствовать о его решительности и непреклонной воле. Но я поняла: нужно продолжать играть в благородную. Юношеский максимализм, гормоны... На любовь с первого взгляда я не рассчитывала, разве что на химию тел. Вот только мне бы вовремя вспомнить, что по химии в школе у меня вечно был триндец.

Вздохнула особенно глубоко. Так, что грудь коснулась нависшего надо мной юноши. Он вздрогнул, его дыхание участилось, а зрачок расширился. Запоздало почувствовала, что вырез платья основательно разорван и голую кожу щекочет прохладный воздух.

Страж выдохнул мне в лицо, и щеки отнюдь не в фигуральном смысле опалило жаром. Этот дракон пубертатного периода чуть не сжег мне брови огнем из своей глотки. Но я все так же мило и невинно улыбалась. Даже когда вчерашний обладатель подростковых прыщей словно бы невзначай навалился на меня и в живот уперлось его отнюдь не благородное намерение.

Все же ангельское терпение требует дьявольской выдержки. И я, все так же вздыхая и смущаясь, не прекращая смотреть стражнику в глаза, резко согнула колено.

От неожиданности юноша охнул и на миг растерялся. Этого хватило, чтобы ударить лбом ему в челюсть и одновременно согнуть второе колено. Обхватила парня ногами за талию и резко крутанулась. Плечо опалила боль, ожидаемая, обидная, но придававшая злости и сил. Я села на юношу верхом.

Выручило то, что руки мне сковали не за спиной, а спереди.

Не замечая одобрительного свиста черноглазого и смешков Умара, схватила ближайший булыжник. Небольшой, но увесистый голяк тюкнул стражника точно по темечку. Пугаться, что убила молодого дракона, было некогда. Руки сами лихорадочно обшаривали охранника, находящегося в отключке.

— Бесполезно, — прокомментировал драконоборец.

Выглядел Умар неважно — породистое лицо украшало созвездие кровоподтеков. Да и вся его одежда была в алых пятнах — свидетельство того, что так просто он в плен не сдался.

— Это еще почему?

— Ключи у старшего. Того, что ушел.

Я прошипела сквозь зубы. Да чтоб тебя! Мне рано умирать. Я, между прочим, еще Мендельсона не слушала, чтобы по мою душу уже Шопен играл.

Увидев на поясе стражника кинжал, потянулась к ножнам и достала клинок. Слишком большой. Взгляд скользнул по шее парня. Несколько то ли оберегов, то ли амулетов. Выбрала подходящий. Остроконечная металлическая звезда с торчащими лучами-спицами. Дернула, разрывая шнурок.

Замок на моих кандалах оказался примитивным, должна справиться. Благо за плечами был какой-никакой опыт. Дружба с дворовой шпаной, среди которой каждый третий — мастак по части простых замочных скважин, в кои-то веки оказалась полезной.

Запор поддаваться не спешил. Терпение и ласка. Ласка и терпение. Со скованными руками было жутко неудобно, но жить хотелось все больше.

Звук железа, звякнувшего о камень, удостоился отдельного комментария, причем от обоих зрителей практически одновременно:

— Ловко. А меня сможешь? — словно добрую подругу, спросил Умар.

— Талантливая воровка. Печать тоже умыкнула?

Я подкинула на ладони кинжал. В стали и ковке разбиралась мало, но то, как оружие перевернулось в воздухе и удобно легло рукоятью прямо в ладонь, без всяких слов говорило о его отличной центровке.

Киллер насторожился, почуяв неладное. Я же решила, что пара секунд — достойная плата за знание. А знать я хотела всего лишь одно: имя человека, возжелавшего себе в коллекцию голову Рааны, а заодно и ее печать.

Ведь этот черноглазый — не единственный взял заказ. Были еще и те

наемники, что напали на обоз.

Не улыбнулась, оскалилась. Затекшие ноги кололи тысячи иголок, возвещая о том, что кровоток восстанавливается. Зашипела, пошатнувшись, и двинулась к своему несостоявшемуся убийце.

— Ну привет, будущий труп, — поздоровалась с ним.

Видимо, очень радушно поприветствовала, так трогательно и душевно, что у киллера задергалось веко. Прикинула, как выгляжу: полоумная улыбка, крадущийся прихрамывающий шаг, нож в руке. Я бы тоже превентивно прильнула спиной к стене. Так, на всякий случай, а не потому, что струсила.

— Уважаемый драконоборец, а как вы считаете, может из металла вырасти что-то стоящее?

Умар, еще не познавший все выверты женской логики, на всякий случай решил поддержать светскую беседу чокнутых оттенков.

— Скорее всего, нет... — осторожно ответил он.

— А если посадить сталь в благодатную почву? Например, кинжал в печень чернокнижника? — С этими словами я уперла клинок в живот моего несостоявшегося убийцы.

В последний момент вспомнила, что предполагаемая «грядка» у людей все же справа, и нацелила острие туда. Надавила, медленно, но верно рассекая кожу, напрягшиеся и закаменевшие мышцы.

— Чего ты хочешь, ведьма? — Черноглазый был не дурак, и таким атавизмом, как гордое молчаливое благородство, не страдал. Еще бы. Имей он в арсенале сей существенный недостаток (при его-то профессии), уже давно стал бы рабочим материалом некроманта.

— Кто. Меня. Заказал. — Произнесла, чеканя каждое слово. Так, что сразу стало понятно: не шучу.

— От меня мертвого ты все равно ничего не узнаешь, — ухмыльнулся киллер. — Но если освободишь, то в более подходящей обстановке я...

Кинжал легко перевернулся в руке, совершив оборот на сто восемьдесят градусов, и впечатался наверху рукояти в диафрагму моего несостоявшегося убийцы, не дав ему договорить.

Черноглазый сдавленно охнул.

— Ответ неверный, — холодно прокомментировала я.

Тут подал голос Умар:

— Слушай... — Он наморщил лоб, словно воскрешая что-то в памяти. Вспомнил мое имя. — Лекса. Освободи меня, я даю слово, что помогу тебе и выбью из этого чернокнижника все. Сама ты только время потеряешь, а с ним и шанс спастись...

Умар сказал это в запале, судя по лицу драконоборца, он и сам не ожидал, что небо воспримет его фразу как клятву. Тело блондина окутало сияние. За божественным спецэффектом последовали возглас прославленного героя и глумливый смех черноглазого.

Я же прикинула, что вроде как уже ничего не теряю (куда уж больше-то?), и, шустро дойдя до прикованного к скале Умара, начала копать в замке на его кандалах. Дело оказалось увлекательным. Чтобы подбодрить меня, а заодно и ввести в курс дела, драконоборец, пока я возилась с импровизированной отмычкой, поведал: в этой пещере мы оказались не случайно. Именно здесь не действовала магия. Совсем. Как его, так и чернокнижника. Я не успела до конца освободить Умара, когда послышались шаги. Возвращался второй страж.

Киллер, не иначе как из лучших побуждений своей души (а известно, что у чернокнижников самыми лучшими и искренними считаются вредность, пакостность и злость), открыл рот, чтобы заорать и предупредить стражника, сорвав нам с Умаром так хорошо начавшийся побег.

Мне не оставалось ничего иного, как выступить на бис с проверенным ранее средством — булыжником. Камень смачно поцеловал башку киллера в районе выбритого виска.

Появившийся у входа в грот охранник застал милую картину: ведьма, вполне себе живая и почти здоровая, убивает внушительным голышом вроде как собственного поделщика. Недалеко от нее лежит... похоже, что труп молодого охранника.

— Ночь темна и полна ужинов! — выдала я и запустила свое единственное оружие в стражника.

— Дур... — только и успел дать лестную оценку моим тактическим действиям Умар, когда стражник, которому булыжник угодил прямоком в лоб, пошатнулся от неожиданности.

Я же поступила в лучших традициях испуганного тушканчика: кинулась прямоком под колес... в смысле на неприятеля. Увы, таран не удался: в последний миг я поскользнулась, и финишный метр проехала буквально на боку, ногами вперед.

Надо отдать должное провидению: упала как раз вовремя. Страж, оправдывая звание воина, замахнулся и метнул в меня топор. Наверняка тот самый, который еще недавно нахваливал. Вот только никто их нас, даже обидно звякнувшая о камень рядом со все еще прикованным Умаром секира, не ожидали от моей обуви такой подлянки.

Я так и проскользнула бы мимо охранника на манер взбесившихся

салазок, если бы в последний момент кинжал, все еще зажатый в моей руке, не чиркнул по ноге матерого стража.

Сталь с легкостью пропорол двунитку портов и ранила стражника аккуратно под коленом. Вот только во время этого маневра моя рука вывернулась, и пришлось отпустить кинжал, в противном случае кисти грозил вывих.

Я же, замедлив скольжение, проехала еще несколько локтей по гладкому, когда-то отполированному водой камню, который ныне напоминал монолитную плиту у входа в грот.

Не медля ни мига, откатилась в сторону. Вовремя. Там, где еще мгновение назад в сверхускоренном режиме рефлексировало о бренности бытия мое тело, сейчас обозначился метательный нож. Да чтоб его! Этот охранник что — укомплектован всеми видами холодного оружия, как цельная рота пехоты?

Выдохнула, пересилив боль, что так не вовремя резанула плечо, впилась раскаленными клещами в лодыжку. Перетерплю. Главное сейчас — выжить. А стенать и выть от этой самой боли буду потом.

Споро, на четвереньках, как полноприводный уазик, дала задний ход. Я шустро перебирала своими хваталками и бегалками, наблюдая, как рядом с моим носом то и дело высекает из гранита искры очередной метательный нож. Вот только промежутки между бросками становились все длиннее. Мой зад уперся в камень ровно в тот момент, когда здоровенное тело мужика покачнулось и с грохотом рухнуло на пол.

— Ик! — не поверила я своему счастью.

— Это был самый идиотский бой, который я когда-либо видел! — донеслось до меня из грота.

— Это ты не видел, как однажды нашего журнального фотографа Жеку несли пьяного драться... — произнесла я на полном автомате, еще не до конца осознав: я, несмотря ни на что, живая!

В углу озадаченно замолчали. Видимо, усиленно представляли описанную мной картину.

Наконец я пришла в себя. Благо этому процессу очень способствовала отрезвляющая боль.

— А что это с ним? — кивнула в сторону стражника, что так и не сумел насадить на нож добычу, которая для него оказалась слишком верткой, как и всякая уважающая себя журналистка: нас так просто, без рукавиц из дикобраза, не возьмешь.

— С ним случилась кровь чернокнижника. Она ядовита для большинства живых существ, ибо отравлена демонской сутью. Хотя, если

бы этот дракон был в истинном, а не человеческом облике, его бы не проняло...

— Что, пробовал? — уточнила я по профессиональной привычке задавать вопросы, а не сыпать ответами.

— И не раз. Как-то почти целого чернокнижника на это дело извел. Но для крылатой ящерицы и полкружки крови проклятого мага — что комариный укус. А в людском облике драконы почему-то предпочитают не воевать.

— А что с тем чернокнижником стало, у которого ты кровь брал? — Меня разобрал интерес. Хотя, может, приступ любопытства напал из-за дикого чувства голода, от которого кружилась голова?

Желудок заурчал, едва взгляд упал на кругляш копченой колбаски, сиротливо валявшийся на камнях. Ее, как и ковригу хлеба, и миску с кашей, принес старший охранник. Теперь же здоровенная опрокинутая миска изгваздала перловкой все вокруг. Заляпало даже две деревянные ложки, неприкаянно лежавшие у самого входа. Впрочем, на варево я и не претендовала.

А вот колбаска... Я подняла копченость, обдула с нее песчинки. Потом то же самое проделала с ковригой, памятуя, что быстро поднятое не считается уроненным. И вообще, пусть в этом гроте все будет, как в йогурте: если тут и обитает какая бактерия, то она непременно целебная.

С такими мыслями и вгрызлась в свою добычу.

— Ты что делаешь? — изумился драконоборец, видимо, решивший, что его единственный шанс на свободу сошел с ума.

— Заедаю стресс, — честно призналась я, занимаясь, впрочем, не только процессом захвата в плен калорий, но и ковыляя к Умару. Надо же освободить этого героя...

Увы, делать это, держа в одной руке колбасу, было жутко неудобно.

— Слушай, а может, ты сам? Ну, замок вскрыешь... Я пока поем. А то сейчас от голода в обморок упаду! — С такими словами я подняла с пола импровизированную отмычку, которую так неосмотрительно обронила рядом с сапогом Умара, когда потянулась за булыжником — лучшим средством для затыкания чернокнижных ртов.

Повертела спицу в руке да и вложила в ладонь драконоборца.

Прославленный герой последней войны с сомнением глянул на нечаянный презент, потом на меня, жующую кусок колбасы, и честно попытался поковыряться в замке.

Первой не выдержала я — отложила калорийную ароматную добычу:

— Ну кто так замки вскрывает! Ты же его не открыть пытаешься, а

закрывать. С твоим усердием сейчас внутри заклинит то, что даже заклинить не может! Да если бы твой отец к твоей матери подкатывал, как ты к этому замку, великий драконоборец Умар Ружримский до сих пор был бы в проекте!

Решительно отняла импровизированную отмычку.

Мы стояли близко. Дыхание блондина касалось моего уха, а вкрадчивый голос — сознания.

— Он сбежал. — Голос Умара казался таким непринужденным, я бы даже сказала, слегка заигрывающим, словно мы совершали послеполуденную прогулку в парке и вокруг нас не наблюдалось даже пробника мелкой неприятности.

— Кто? — не поняла я, впрочем не отрываясь от процесса взлома.

— Тот чернокнижник, кровь которого я брал для драконьих гарпунов. Удрал, когда шло одно из сражений. Наверняка точно так же отомкнул оковы и утек. И знаешь куда?

Знать мне не хотелось совершенно. То ли полусытое благодушие подействовало, то ли увлек процесс изнасилования замка спицей.

Мои нервы вопреки законам физиологии, похоже, решили реинкарнировать и сейчас давали о себе знать легкой дрожью пальцев, напоминая, что времени у нас в общем-то в обрез.

Зато Умара прорвало на поговорить.

Не дождавшись моего ответа, он продолжил:

— Представляешь, этот стервец сбежал. Причем в монастырь. И ладно бы в женский. Это я хотя бы понял. Так нет, в мужской! Даже постриг принял. А сейчас успешно продвигается по карьерной лестнице, стал старшим дланником той обители.

Только когда он договорил, дополнив свой рассказ смешком, я поняла, что так Умар пытался поддержать меня. Прославленный и бесстрашный герой, гроза драконов, боялся женской истерики. Надо полагать, небезосновательно. Видимо, все же сказывался опыт общения с женским полом. Или просто у драконоборца был весьма развит инстинкт самосохранения...

Лязгнул замок, оповестив о том, что Умар свободен. Но он отчего-то не спешил. Стоял рядом, чередуя шумные вдохи и выдохи. На миг даже показалось, что дышит не воздухом — мной.

Тонкие чуткие пальцы коснулись подбородка, заставив меня запрокинуть голову.

— Ты самая сумасшедшая девушка из тех, каких я встречал. Если только выберемся, знай, ты будешь моей. Не отпущу. Ибо второй такой же

чокнутой, как и я, в этом мире не встретить.

Захотелось ударить этого самодовольного мерзавца. Будь он хоть трижды герой и архимаг.

— Моей. Не любовницей. Не спутницей или подругой. Только женой. И это вовсе не из-за твоей змеи на шее. Это кнесс Верхнего предела ради печати готов продать душу ахинтам бездны... — Он оборвал сам себя.

Мне же захотелось съездить по этой наглой самоуверенной физиономии. Но слова порой жалят больнее кулаков.

— Твоей женой будет Ярика. — Я постаралась изобразить транс. Провидица я или нет? Ну хотя бы по легенде.

Не знаю, сошли ли мои выпученные глаза и окаменевшее лицо за пророческий экстаз пифии, но я честно старалась.

Пальцы на подбородке разжались. Умар шагнул в сторону, подобрал остатки моей колбасы.

Я подняла с камней оброненный в бою со стражником кинжал и облегченно перевела дыхание, но, как оказалось, рано расслабилась. Послышались бряцанье, а потом — чавкающий звук и хруст.

ГЛАВА 11, она же вопрос одиннадцатый: — На что вы готовы, чтобы добиться своей цели?

Оборачивалась медленно. Очень медленно, уже подозревая, что увиденное мне явно не понравится. Так и было. Вид отрубленных рук — это, я вам скажу, тот еще импрессионизм. Умар, в отличие от меня, не ограничился угрозами, а просто саданул черно книжника по запястьям топором, который обронил охранник.

От дикой боли мой убийца, который до этого мига пребывал в счастливой отключке после встречи с булыжником, пришел в себя. Но заорать на весь грот драконоборец черноглазому не дал — ловко засунув в рот... остаток колбасы. Гад. Я б ее и сама доела.

Умар аккуратно, не касаясь крови, извлек из кандалов кисти рук черно книжника, которые в отдельности от хозяина смотрелись жутко.

— Если хочешь вернуть их назад, советую ответить на ее вопросы, — последовал кивок в мою сторону. — Скажешь правду — верну, и ты еще успеешь их прирастить. Может, даже силы своей не потеряешь. Как тебе такой расклад?

Я сглотнула. Только сейчас до меня дошло, что, клянясь «вытрясти все», драконоборец говорил отнюдь не фигурально. С этого героического психа станется выполнить зарок и в прямом смысле «вскрыть» киллера.

— Поклянись, что сделаешь так, как сказал! — потребовал черноглазый.

— И не подумаю, — задумчиво рассматривая отрубленную кисть, ответил Умар.

Молчаливое противостояние длилось несколько мучительных секунд. Было видно, что черно книжник терпит из последних сил: на его лбу вздулись вены, на висках выступил пот, глаза, до этого казавшиеся чернильными, сейчас и вовсе напоминали две черные дыры, которые способны поглощать не только свет, но и материю.

— Вайнес. Она приказала мне изничтожить дочь кнесса, носительницу печати. Оплатила вперед, полновесным золотом и жизнями сорока своих слуг. Моя кровь — залог правдивости слов...

Слабое даже не свечение, появление ядовито-зеленого тумана, стало свидетельством: сейчас прозвучала своего рода клятва. Вот только имя

«Вайнес» не сказало ровным счетом ничего. Зато Умар подобрался.

— Зачем молодой жене кнесса смерть падчерицы?

— Не мое дело. Я взял деньги и силу.

— Клялся?

— Клятва чернокнижника заказчику? — Смеха не получилось, скорее рык, но даже я поняла, что парни с ядовитой кровью словами отнюдь не разбрасываются.

— Тогда забудь об этом своем заказе. Она моя. Считаю, что тебя перекупили, предложив гораздо большее, чем деньги.

Чернокнижник скривил губы, словно понял все, даже то, что не было произнесено вслух.

— Не сомневайся, драконоборец, я ценю свою жизнь и шкуру выше золота.

Тихо, крадучись, сделала шаг, второй... Оба, и чернокнижник, и Умар, не заметили, как я скользнула к выходу из грота. Последнее, что увидела, это темную, почти чернильную кровь, которая сочилась на камни из обрубков рук, когда Умар бросил кисти на грудь чернокнижнику. До слуха донеслось:

— Я свое слово держу. Держи и ты свои руки...

Выскочив наружу с так и зажатым в руке кинжалом, мазнула взглядом, лихорадочно осматриваясь. Вокруг лежали густые вечерние сумерки. В полумраке угадывалась дорога, она извивалась змеей меж уступов и вела вниз. Подняла голову. Выше был крутой склон. Справа гремел водопад. С другой стороны грота маячила пропасть. Или это небо? Скала так внезапно обрывалась в пустоту, что я утвердилась в своем предположении — мы на парящей твердыне.

Я уже не видела драконоборца, но его грозное: «Ты где?» — эхом разнеслось по стенам пещеры.

Эта короткая фраза придала мне небывалой прыти: я шустро начала карабкаться вверх, памятуя о науке улиц: бежать вниз всегда легче и быстрее, но ты виден преследователям как на ладони.

Когда драконоборец выбежал из грота, я уже распласталась над входом. Задержала дыхание и буквально слилась с камнями. Благо ночь была моей сообщницей.

Небо, особенно близкое, с невероятно яркими звездами и нереально большой луной, завораживало. Жаль только, что мне было не до романтики.

Послышались звуки шагов, а за ними и голоса. Они возвестили о незыблемой истине: если жизнь тебе кажется хреновой, то знай, есть еще и

продвинутый уровень — васоби. Специально для тех «любимчиков» судьбы, которые умудряются словить сверхконцентрированную порцию неприятностей.

В моем случае эта японская хрень выглядела как целая делегация, идущая по тропинке к пещере. Три факела освещали дорогу и семерых мужчин, причем трое из них явно были знатью. Парча и бархат плебеям и простым воинам не полагаются. Первым — роскошные материи не по карману, для вторых такая ткань вкупе с вычурной портновской работой — слишком дорогой и неудобный доспех.

Мне, затаившейся, как мышь, удалось разглядеть в щель между камнями... на миг показалось, что Брока. Но нет. Мой дракон не мог так исхудать, да и взгляд — потерянный, какой-то полубезумный. Сутулость... Нет, определенно не Брок, хотя похож как две капли воды. С идентификацией «клона» помог определиться венец. Витой обруч пускал блики, выдавая на раз, что помимо золота в нем как минимум с дюжину драгоценных камней.

Так вот ты какой, Вьельм... Ну будем знакомы. Надеюсь, что с твоей стороны заочно. Навсегда заочно.

Меж тем процессия приближалась. У входа в грот послышался шум. Судя по всему, это Умар увидел делегацию, ждущую встречи с пленниками, в том числе и с ним.

Пришлые тоже заметили силуэт на фоне черной пасти грота.

Блондин недолго думая решил не штурмовать вершину, как я, и не спускаться вниз, навстречу процессии, а, набирая скорость, промчался к водопаду и сиганул в воду в тот самый миг, когда в его зад полетели жужжащие стрелы и метательные ножи.

У меня же возник идиотский вопрос: они что, все тут с оружием ходят?

— Догнать! — рыкнул зычный голос.

Два дракона, на долю секунды опережая прозвучавший приказ, уже кинулись по следу Умара.

Энг чуть поддал газа, увеличив свою царскую скорость до легкой рысцы, и вместе с остальными охранниками весьма шустро достиг грота.

— Сбежали, — коротко, по-военному, отрапортовал один из стражей.

— Все? — искреннее удивление наверняка принадлежало Вьельму: были в нем знакомые нотки, такие же нет-нет, да и сквозили в интонациях Брока.

— Двое. Третий... ваше величество, вам лучше к нему не приближаться. Это чернокнижник, он в крови. В своей крови. Охранники...

один ранен, второй, судя по всему, отравлен.

— Грот Кеймар — надежнейшая из темниц для колдунов. Здесь сами камни высасывают их дар. Как? Как они могли сбежать отсюда? Вы заверили меня, что все трое ослаблены, а девчонка и вовсе на последнем издыхании. — В речи энга, когда он говорил, начали сквозить цыкающие, свистящие звуки. Видимо, так владыка выражал крайнюю степень недовольства.

— Мой энг... — подал голос дракон явно из приближенных владыки. Советник? Помощник? Одно точно — не воин.

— Милрад, план брата был сумасшедшим с самого начала. Я всегда это говорил, — недовольно выдохнул Вьельм. — Ему не удалось задуманное. А сейчас сбежали и те, кто мог дать ответы на наши вопросы.

— Но почему вы уверены, что пленникам известно об оружии, так легко убивающем драконов? — спросил Милрад.

— Тех, кто бесполезен, мой умирающий брат в плен не захватил бы.

При этих словах у меня в груди все оборвалось. А энг между тем продолжал:

— Жаль только, что сам Брок, надолго слегший от ран, не смог сообщить, какие именно вопросы стоит задавать в первую очередь. Но я верю в талант наших палачей.

— Светлейший энг, но ведь они сбежали, а брошенный узник вот-вот истечет кровью, — подал голос один из стражей.

— Чернокнижника вынести из грота, — потребовал энг. — Эти твари на удивление живучи, и едва священные камни перестанут блокировать его магию, он сам заживит раны. А девчонку и мага ты со своими кметями найдешь мне к рассвету. Иначе тебя и твоих воинов с обрубленными крыльями сбросят с твердыни. Мне не нужны стражи, которые не могут выполнить простого приказа.

Я чертыхнулась про себя. И это Брока я порой желала придушить? Да по сравнению с братом он просто чудо! А вот Вьельма мне захотелось расчленить с особой жестокостью.

И про «план», и про «в плен» я взяла на заметку, как и про «оружие, что так легко убивает драконов».

Стража, ринувшаяся за Умаром, не отвлекалась на поиски следов. Видимо, воины решили: мы с драконоборцем заодно и оба сиганули в хоть и не широкий, но быстрый поток, просто я — чуть раньше. Эта святая вера была мне на руку. Я слушала вкрадчивый, чуть цыкающий голос Вьельма, который то сулил кары своим стражникам, если они нас не найдут, то интересовался, не сдох ли чернокнижник.

— Что же это за оружие такое у кнесса Верхнего предела, что выжигает драконьи сердца? — остановившись прямо у входа в грот, практически подо мною, вслух задал вопрос энг.

Вьельм тут же удостоился глумливого смешка — это не удержался чернокнижник, руки которого и вправду начали приживляться. Темный маг пошевелил посиневшими пальцами. Ничего себе регенерация, не хуже драконьей! Вот только мне подумалось, что жуткая кровавая корка, которая оплела запястья черноглазого, исчезнет, но на руках на всю жизнь останутся уродливые шрамы.

— Это оружие самое честное, благородное и исключительно кнесское. Жаль, одноразовое... — хохотнул чернокнижник, заставив Вьельма подскочить, а трех охранников, оставшихся при энге, встрепенуться.

Сейчас драконы напоминали натянутые луки: одно неверное движение — и выстрелят-выплюнут, пригвоздят-испепелят.

Но обладателя розы ветров на виске это, кажется, ничуть не заботило. У меня даже создалось ощущение, что он забавляется.

— Сегодня удивительно красивая ночь... В такую ночь прекрасным девам обещают луну, обручальный пояс или как минимум еще одну скорую встречу... — Внутри меня все заледенело. Я прекрасно поняла, к кому обращается мой убийца. Только зачем — так? Мог бы просто меня выдать. Ан нет, играет в свою непонятную игру, в которой единственное, что я знаю точно, — рано или поздно мне каюк.

Уже сейчас, едва выбравшись из пещеры, начала ощущать все прелести клятвы, которую дала Раане: я задыхалась. Что-то незримое жгло шею, обхватив как удавкой. Причем изнутри я чувствовала жар. И он все усиливался.

Над головой плыли звезды, словно подтверждая: парящий оплот не застыл на одном месте, он движется. Клятва в груди и змея на шее горели, а в мозгу поселилась уверенность: мы удаляемся от цели, от этого долбаного Верхнего предела. А значит, я невольно нарушаю клятву. «Как и Брок», — пришло вдруг осознание.

Черноглазый, не подозревая об усиленной работе мысли в моей черепной коробке, продолжал, забавляясь и паясничая:

— Так вот, ночь настолько хороша, что располагает меня поделиться еще одним сокровенным знанием. На сей раз насчет чернокнижников. Тот дракон в облике человека, которому я обязан тем, что присутствую здесь... Он не дал мне очнуться и пошевелиться, пока не доставил в грот. Похоже, был в курсе, что чернокнижников нельзя оставлять со свободными руками хоть на сколько-нибудь приличное время. Теперь и вы обладаете этими

бесценными сведениями.

Едва договорив, черноглазый совершил молниеносный сложный пасс и... растаял чернильным туманом. В дымку, что еще секунду назад была человеком, влетело несколько языков пламени и один ядовитый плевок, от которого обуглились камни.

Это что, драконы не только огнем плевать могут? Да уж, знание из области физиологии ящеров, которое я приобрела доведком к основной информации, напомнило вишенку на торте, без которой десерт теряет половину своей холестериновой привлекательности.

По всему выходило: бежать мне отсюда надо срочно, иначе клятва, данная покойной Раане, сделает из меня качественный труп.

Змея, словно соглашаясь с таким ходом мыслей, ожила. Зашевелилась и зашипела. Или зашипела не она?

Я обратилась в слух. Внизу энг, все больше цыкая, отчаянно костерил охрану. Шорох повторился. Печать же, напротив, вновь стала металлом.

Я замерла. Казалось, даже сердце перестало биться. И тут мне на плечо легла рука, а вторая мозолистая ладонь мгновенно заткнула рот, не дав заорать. Первая мысль — всадить в напавшего кинжал, который все еще сжимала в руке. Кровь чернокнижника, что обагрила его острие, гарантированно даст летальный исход.

Остановил голос:

— Тсс! Это всего лишь я, — вкрадчивый шепот, ставший уже не просто знакомым, а родным, прозвучал в пяди от моего уха.

Брок!

Сейчас было не время и не место приставать с расспросами, поэтому молча кивнула, давая понять: я вменяема, орать не буду, отпусти.

Дракон тоже не стал щеголять красноречием, лишь отвел ладонь от губ и мотнул головой в сторону, мол, ползи за мной. Как он умудрялся бесшумно передвигаться и не бряцать при этом мечом, притороченным к поясу, — для меня осталось отдельной загадкой.

Делать нечего, я поползла, старательно изображая гадюку. Маячивший впереди зад так и напрашивался на то, чтобы его одарили отборной порцией яда. Вот почему мне порой кажется, что нас с этим драконом судьба свела с одной-единственной целью — чтобы мы раздражали друг друга? Ну не получается, чтобы один не бесил другого.

Нет чтобы спокойно жить, радоваться солнцу, ветру, этому долбаному звездному небу... Обязательно нужно, чтобы у кого-то из нас нервно дергался глаз, хотелось заниматься членовредительством или убивать. Порой без подобного чувства «взаимовзбешивания» наши отношения

казались мне какими-то неполноценными, что ли... Зато сейчас я ощущала, что этой самой полноценности — хоть ведром черпай: открутить дракону голову мне хотелось основательно.

Зачем он вообще приволок меня в эту пещеру? А если бы я не успела выбраться? Меня бы радушно пытал его братец? А вдруг вот сейчас мы выползем из-за угла, а нас поджидает дружески ощетинившаяся клинками стража?

Нет. Я отчаянно помотала головой, прогоняя мысли, весьма походившие на бред. Вот отползем на безопасное расстояние, и я все из Брока вытрясу. Выколочу, если надо будет, все ответы. Причем с особым пристрастием!

Только, как назло, ползти пришлось долго. Иногда замирать и, изображая двух игуан на выгуле, прижиматься животом к холодным камням. Порой шустро перебирать всеми четырьмя конечностями.

Я десять раз успела вспомнить об оставленной на привязи метелке. Один раз даже почудилось, что она отозвалась на мой мысленный зов ехидным скрипучим старческим голосом. Помотала головой: так и до галлюцинаций недолго.

Мы обогнули скалу и наконец-то остановились. Водопад и грот остались далеко позади, а над нами распласталось бескрайнее небо. В отличие от него площадка под ногами была метр на два. Огрызок твердыни, за которым — пропасть. Зато за уступом нас уже не смогли бы увидеть, да и услышать тоже. По ощущениям, от грота мы проползли едва ли не больше полукилометра.

Первое, что я сделала — сказала спасибо своему спасителю. От всей души сказала. Кулаком под дых. Несколько раз. Правда, била одной рукой. Вторая все еще сжимала кинжал.

— Это за то, что я очнулась в цепях.

Удар.

— Это, — еще удар, — за то, что меня мог убить твой чокнутый братец, попади я к его палачу! Это за то, — удар, от которого Брок вновь не отклонился, — что меня душит сволочная клятва...

При последних словах дракон с легкостью поймал мой кулак, уже занесенный для следующего «спасибо».

— Клятва? Клятва, как ты выразилась, душит меня. И это мне надо психовать и костерить одну дуру, которую оставили без присмотра всего на четверть веретена! Едва я взлетел над ристалищем, и... И что я увидел? Тебя среди толпы народа уже пытается убить вшивый чернокнижник, используя «пожирателя жизней». Что мне было делать? Мой собрат еще не

скинул с себя ружримскую сволочь, а надо было уходить. К тому же эти арховы выкидыши бездны, маги на метлах, умудрились зацепить меня заклинанием...

— А когда ты прилетел на твердыню, разве ты не мог...

— Я был слегка не в форме, — перебил дракон. — Едва приземлились — потерял сознание. Успел лишь сказать, чтобы тебя не трогали.

— Меня и не трогали: не насильовали и не пытали. Просто ждали, когда я очнусь. Или сдохну. Это как повезет! — Я сверкнула на дракона глазами и только сейчас заметила, что на его плече, на рубахе, проступает красное пятно.

Брок от моих слов, казалось, рассвирепел еще больше.

— Знаешь, Лекса, я крайне зол. — Он буквально дернул меня к себе. — И в первую очередь — на себя. И на тебя тоже. Ты человек. Я по определению должен тебя ненавидеть. И не могу! — Он выдохнул это признание, которое предназначалось то ли для меня, то ли для него самого. — С тобой как на вулкане. Я не знаю, чего от тебя ожидать в следующий миг. И... ты сводишь меня с ума. Я испугался, очнувшись сегодня вечером. Не за свою твердыню, не за жизнь. За тебя, чокнутая ведьма. За тебя.

Его губы коснулись моей шеи, заставили вздрогнуть всем телом. Кожа ощутила поцелуй, больше похожий на укус. Словно он не верил своим рукам и глазам. Не верил, что вот она я. Рядом. Живу. Дышу.

— Порой мне кажется, что я готов задушить тебя, настолько ты меня бесишь. Но уже которую ночь подряд мучаюсь совсем не от кошмарных снов. Наоборот, многое отдал бы, чтобы сны стали явью.

Последовавший поцелуй был красноречивее любых фраз. Сильный, яростный, горячий. Руки Брока прикосались, ласкали, провоцировали, изучали.

— Ты тоже порой дико меня злишь, — вырвалось у меня, едва мы оторвались друг от друга.

По шальной улыбке дракона я поняла, что на иной ответ он и не рассчитывал.

— Я рад, что мое чувство к тебе взаимно. Но как бы я ни хотел продолжить, надо все же уходить отсюда. Обними меня крепче за шею. Я добрался к этому уступу на руках, цепляясь за скалу. Тут отвесный склон. Он тянется около сорока локтей. Дракону — не подлететь, человеку — не пройти. Зато такой путь — самый короткий. И что важно — мало кто о нем знает.

Я сглотнула. Вверить свою жизнь Броку... Уже в который раз.

Небо на миг озарила вспышка: это осветил окрестности кто-то из драконов. Матерых драконов. Я увидела, как близка пропасть. Внизу, крошечные, неспешно плыли поля и леса, скрываясь иногда в сугробах облаков.

Мне стало не по себе. Почему-то в гроте я не испугалась столь сильно. Может, просто не успела? А сейчас... отчетливо поняла: я всего лишь женщина.

— Это дозорные. — Брок еще теснее прижал меня к себе. — Мы должны успеть перебраться. На той стороне начинается пологий склон. Главное — не бойся.

— Я не боюсь. — Постаралась, чтобы голос звучал уверенно, хотя на деле такой убежденности не было и в помине.

— Доверься мне и вытяни руки.

Я все еще держала в одной ладони кинжал. Пришлось, оторвав от подола лоскут, обернуть лезвие и спрятать оружие за голенище сапога. Лишь потом вытянула вперед руки, как и просил Брок. Дракон ловко поймал мои ладони и, скрестив их, связал своим поясом.

— Зачем?

Не ответив, Брок поднырнул под мою руку так, что теперь я оказалась у него за спиной, словно обнимала.

— Готова? — обернувшись, спросил несносный ящер.

Я хотела кивнуть, но с той стороны, откуда мы пришли, послышался шорох гравия.

Мы замерли на самом краю пропасти.

Из-за валуна вышли три дракона. Но, судя по маячившим позади них макушкам, численность делегации этой троицей не ограничивалась. Нацеленные на нас арбалеты красноречивее всяких слов предупреждали не делать глупостей.

Брок развернулся к стрелкам лицом, так, что я оказалась прикрыта его телом, словно щитом. Носки моих сапог едва доставали до земли, заставляя стоять почти на цыпочках. Пояс, оплетавший запястья, врезался в кожу. Крестовина меча, висевшего на поясе дракона, уперлась в бок. Ветер, который вольно и широко гулял на уступе, толкал в спину.

Последним вышел Вьельм. Сейчас, рассматривая его вблизи из-за плеча Брока, лишь подивилась тому, как могла их спутать. Да, лица похожи, но не более.

— Брат решил предать родину, идею, память павших соплеменников? Променять на человечку, обычную потаскуху и подстилку...

Я почувствовала, как тело, к которому я крепко прижималась,

напряглось.

— Поначалу, когда ты сумел освободить молодых драконов и принес этих троих сюда, я решил: тебе все удалось, план сработал... Но сейчас я вижу перед собой предателя! — Он обратился к воинам: — Девчонку на дыбу, а Брока... в темницу.

Я выкрикнула:

— Хороша же братская благодарность! Пока шла война, энг трусливо прятал голову в песке, а как настал мир — наиглавнейший спешит устранить того единственного, кто может помешать его величию!

Я намеренно была не только по самолюбию Вьельма, но и по эмоциям простых стражников. Мне и нужна-то была от силы минута. Старушечий смех уже звенел в ушах. И я не сомневалась — это моя метелка.

Лицо Вьельма пошло красными пятнами, его зрачки сузились, ноздри затрепетали. Да, мужик, если у тебя нет прививки от провокаторов-папарацци, то ведро валерьяночки организму, не подготовленному к черному пиару, явно не помешает.

— Девчонку — убить! — припечатал энг.

М-да, никакой тебе культуры общения с прессой. Ну раз «убить», то на прощанье хотя бы пару слов стоит сказать. Чтобы потомки меня запомнили, решила выразиться культурно, совсем как в книге отзывов:

— Ребята, я, конечно, благодарна вам за насыщенную анимационную программу и все такое... Но я бы предпочла отдохнуть на гетеросексуальном курорте, чтобы вокруг не маячили одни... — Драконы, удивленные и заинтересованные необычным сленгом, уставились на меня. Я же резко выдохнула Броку в ухо: — А теперь прыгаем!

Дракон оттолкнулся, кто-то из стражей заорал про смену ипостаси и что «сейчас они улетят».

Увы, если бы это было возможно, мы с Броком давно сделали бы и крылья, и ноги. Но клятва все еще не позволяла ящеру взлететь.

А вот моя шустрая и умная метелочка никому никакой такой ерунды не задолжала. Она подхватила нас, летящих камнем вниз.

Брок сдавленно охнул, вцепившись руками в черен. Чуть подтянулся, закинул ногу, пытаюсь сесть. Со мною за спиной это было проблематично. Метла крутанулась, подныривая под нас. И в этот момент справа плюнули огнем.

Как видно, просто так, без фаершоу, отпускать нас не собирались. Небо расцвело заревом. Еще один огненный залп подпалил нам бампер. В смысле, прутья метлы. Лететь, когда у тебя в прямом смысле горит то благородное место, где заканчивается спина, показалось столь фееричным,

что я бы в жизнь не решилась повторить подобный опыт.

Мы стремительно снижались. Я уже могла разглядеть верхушки елей, маячивших внизу. Как же оторваться от погони?

Брок схватил черен метлы, сдавил его, как Отелло шею Дездемоны, и с силой потянул на себя, стараясь выровнять. Я прижалась к его спине еще крепче, молясь и костеря все вокруг одновременно.

Все-таки дракон сумел вывести метлу из крутого пике. В отблесках пламени, которое извергали наши преследователи, сверкнула излучина реки.

— Снижаемся! — крикнул через плечо Брок.

Я выдохнула, зажмурилась и в следующий миг почувствовала, как мы на крейсерской скорости врезались в воду. Горящая метла радостно зашипела, меня перекувырнуло через голову, и я со связанными руками благополучно начала тонуть. Но упрямо затрепыхалась, пытаюсь вынырнуть.

Ненавижу воду! Ненавижу драконов! Ненавижу умирать!

Замолотила ногами, повторяя, что я не только девушка, слабое и беззащитное существо, но еще и журналистка. А от прессы просто так фиг избавишься, и какой-то простой речной водой представителю четвертой власти и второй древнейшей профессии на земле рот не заткнешь.

Вынырнула на поверхность, когда легкие начало основательно жечь изнутри. Вдох получился громким и судорожным. Но, думаю, никто из участников действия не обратил на это внимания. И Броку, и нашим преследователям было слегка не до этого: они сражались.

Вместо Брока посреди реки, которая вдруг стала значительно шире, появился здоровенный злой дракон. Да, взлететь он не мог, но это не мешало ему мастерски держать круговую оборону. Я же наконец смогла оглядеться: в небе летели три ящера, еще четверо шевелили крыльями в обратном направлении. То ли мчались за подмогой, то ли Брок уже успел подпалить им хвосты.

Метелка качалась на волнах и ненавязчиво дрейфовала в сторону камышей, как бы намекая: и мне след грести во все лопатки в том же направлении. Еще один мощный плевок Брока — и один из летунов вспыхнул свечкой. Истошно вереща, он начал судорожно метаться, перепутав землю и небо.

Оставшиеся два дракона атаковали слаженно. Вода вокруг Брока вскипела, но и ответ не заставил себя ждать. Мой ящер рыкнул так оглушительно, что, казалось, у меня лопнут барабанные перепонки. И это притом, что я стояла позади направленной звуковой волны, исторгнутой

глоткой ящера. А вслед за рыком из горла Брока ливанул даже не огонь, а плазма. Она ошпарила двойку летунов, заставив обратиться в бегство.

Едва стражи усиленно заработали крыльями в сторону твердыни, тело Брока пошло рябью. И вот уже в воде плескался человек. Хорошо прокопченный индивидуум в саже и дыму.

— Ты как? — оглядываясь, спросил мой дракон.

— Почти живая и даже немножко думающая.

— О чем? — плывя ко мне, спросил ящер ради того, чтобы что-то спросить.

— Что ничто так не сближает людей, как совместное спасение собственных жизней и ипотека.

Брок фыркнул, то ли от попавшей в рот воды, то ли от моей «гениальности».

— И-по-те-ка... это заем под проценты на покупку пещеры?

Признаться, я была удивлена. Надо же, запомнил. А ведь я лишь однажды упомянула сей стальной капкан банковских клерков, в нашу первую встречу, когда Брок пришел обвинить меня в том, что он мне должен.

— Ага, она самая, — пришлось подтвердить.

— Знаешь, я подумую над этой твоей «самой сближающей вещью»... Если она связывает двоих крепче брачных уз, то... — глубокомысленно протянул ящер, распутывая мне руки. — Но пока нам надо как можно быстрее уходить или уплывать отсюда. Дозорные улетели за подмогой и вот-вот вернуться.

Я потянулась за метелкой. Интересно, сможет ли она, погорелая, нас выдержать?

Как выяснилось минутой позже, летать она могла, но явно не очень хотела. Скрипела, взбрыкивала и всячески показывала, что если меня как пассажирку она нести готова, то вот дракона — нет. И все же уговорами и посулами мне удалось убедить летунью «взять на борт» нас двоих.

Мы уже скрылись в лесу, когда над рекой вновь вспыхнули зарницы: это подтянулась подмога. Мокрые, уставшие и слегка невменяемые, летели в паре метров над землей, под самыми кронами берез, среди которых нет-нет да и попадались колючие ели.

Направление, на удивление, выбрали единогласно. Меня как магнитом тянуло в одну конкретную сторону. Я даже знала, что ждет на финише: Верхний предел. Ощущать на себе все прелести отклонения от клятвы было внове и дюже неприятно.

Неосознанно прижималась к широкой и теплой спине дракона.

Измотанная, замерзшая, я жутко хотела спать. И все же любопытство оказалось сильнее:

— А почему так получилось, что от твоего дыхания разлетелись все дозорные? Они же, как и ты, драконы?

— А тебе бы хотелось, чтобы тебя поджарили? — В голосе Брока слышались усмешка и усталость одновременно.

— Вот ни разу не мечтала побывать на месте рака, сваренного заживо в собственной речке. И все же?

— Я не совсем обычный дракон. Мой дар оказался настолько сильным, что его приняло сердце парящей твердыни. Это не просто красивая формулировка. Это помимо прочего означает то, что мой огонь — самый яростный и жгучий.

— Яростный, сильный... Гораздо важнее, что сейчас ты просто большой и теплый! — Я обняла его чуть крепче, а потом незаметно для самой себя провалилась в сон.

На этот раз пробуждение было не столь пленительным, в смысле, не столь военнопленным, как предыдущее. Руки — не связаны, и я даже не на камнях. Но телу, которое целую ночь гарцевало верхом на метле, легче от этого не стало. Ломило все, даже пятки. Мышцу левой икры свела судорога, заставив вскрикнуть.

Брок, сидевший «у штурвала», вздрогнул и глянул через плечо.

Я осмотрелась. Леса давно не было. Кругом красовалась степь, а впереди и вовсе маячили горы.

— Где мы? — сама не узнала собственный сонный голос.

— На границе с территорией орков. К вечеру будем у ворот града кнесса Верхнего предела.

— Это в тех горах? — догадалась, сопоставив название «Верхний предел» и пики, что маячили на горизонте.

— В предгорьях, — поправил Брок. — Твердыня как раз удалялась от кнессских земель, так что нам повезло, вовремя сбежали. Еще немного — удавка клятвы могла посчитать, что шансов сдержать слово у нас практически нет, и начала бы выжигать изнутри.

— Так сильно отклонились от курса?

— Сильнее некуда. Мы летели в обратном направлении. Зато на метле смогли пролететь над топиями напрямую и срезать путь.

Метелка, словно почуяв, что говорят о ней, бедной, несчастной и обгорелой, замедлила ход, а потом и вовсе зависла в трех локтях над землей. Мы спешили.

— Скажи, это правда, что любому дракону, который войдет в ворота

крепости Верхнего предела, — я невольно сглотнула, — грозит неминуемая смерть?

— Да, — нехотя отозвался Брок. — Ни войти в ворота, ни перелететь через стену мы не можем. Это знание стоило трех оборванных жизней славных драконов.

Я закусила губу и задала вопрос, который уже давно меня мучил:

— А как тогда тебя хотели провести в клетке через эти ворота? Извини, но я не вижу особого смысла в том, чтобы тащить повозку с пленным через кнесские уряды, а потом созерцать, как его располовинивает при въезде в крепость...

— Владыка впаил свою печать над входом, чтобы защитить город и уряд от нас, драконов, но кнесс все еще управляет ею. Он просто приказал бы печати не карать. — Брок замолчал, а потом добавил: — Энпарс не смог бы удержаться и лично, с наслаждением, не отсечь мне голову.

— Смотрю, ты хорошо его знаешь.

— Как и он меня. Нам не раз приходилось сталкиваться на поле боя. А своих врагов нужно не просто знать, нужно сживаться с ходом их мыслей.

Увы, я сейчас если и могла думать схоже с кем-то, так это с черенком своей метелки: идей в голове не было ни одной.

— Отдохни немного, разомнись, а потом опять полетим. Я пока постараюсь добыть еду. — С этими словами Брок развернулся. Если бы дело было в лесу, он быстро исчез бы из виду, а так я созерцала его макушку еще добрых минут пятнадцать, пока ящер широким шагом рассекал ковыль. А потом... Я не уловила того момента, когда его спина вдруг исчезла. И ведь только-только была перед глазами, но стоило отвернуться на секунду, и дракон исчез, растворился в неизвестности, прямо как премия с карточки.

Делать нечего, пришлось «разминаться». Сначала распрямила затекшую спину, сделала пару шагов, разгоняя кровь в ногах. Лодыжка тут же отозвалась болью. Повращала запястьями, которые порадовали меня своим видом — круговыми следами-браслетами из содранной кожи. Плечо я решила не беспокоить: опухшее, жгущее при каждом касании, словно не пальцем трогала, а крапивой от души хлестала — оно и так давало о себе знать постоянно.

Брок появился так же внезапно, как и исчез. Гордый до невозможности, он держал за одну из задних лап уже обугленную тушку. Судя по хвосту, еще недавно это был тушкан. Правда, в отличие от земного собрата, этот оказался раз в пять больше.

— Извини, другой еды поблизости не было, — искренне сожалел,

возвестил дракон, словно ему было жутко стыдно за то, что при славном мече, имея в арсенале драконью ипостась, он сумел поймать лишь такую добычу.

Ели быстро. Мясо, совершенно несоленое, оказалось удивительно хорошо прожарено. Я даже посмотрела на дракона под другим углом.

— Чего? — насторожился Брок.

— Тебе никто не говорил, что ты отличный повар? В смысле хорошо готовишь, жаришь... Подумай, какие перед тобой открываются перспективы: ты мог бы быть лучшим поваром всех кнесских урядов.

Ящер закашлялся.

— О да, — кивнул он, не переставая активно работать челюстями. — После верховного главнокомандующего драконьих войск это громадный шаг вперед по карьерной лестнице.

Так мы болтали, стараясь ерундой и незначущими разговорами отогнать черные мысли. А я в который раз подивилась особенности человеческой природы: чем мрачнее времена, тем светлее люди. Тем больше смеха, чувств, искренности, словно у нас в подсознании заложено: тьма боится света, радости, надо жить ими, пока есть возможность, гореть и зажигать других и рассеивать этим светом тьму.

Под конец Брок развеселил меня случаем из своего детства, когда он только учился летать. Я смеялась так, что согнулась пополам. И тут же пришлось схватиться руками за бок.

— Что там у тебя? — насторожился дракон.

— Доброта, отзывчивость и доверчивость.

— В смысле? — не понял Брок.

— Ну, это обычно они выходят мне боком.

Ящер облегченно выдохнул.

— Лекса... — Всего одно слово, а сколько в нем тепла и заботы, которые окружали, обнимали, заставляли верить!

— Летим дальше? — нехотя выдавила из себя вопрос.

Дракон кивнул. Взобравшись на метелку, которая была крайне недовольна и выразительно скрипела, мы двинулись в сторону Верхнего предела.

Солнце припекало, вокруг парило, обещая к вечеру дождь, а то и грозу. Море ковыльной степи под нами шумело, неторопливо перекатывая свои золотистые волны. А я все мучилась вопросом: как? И наконец, кажется, нашла решение. Правда, сначала стоило проверить...

До Верхнего предела мы и вправду добрались к вечеру. Обогнули деревеньку, разросшуюся до городка у южных ворот крепости,

остановились под одной из стен. Ее основательная кладка в четыре человеческих роста, гладкая, серая, без слов говорила: просто так не перелезть. Караульные на самой стене хоть и не расхаживали каждую пару минут, но все же присутствовали.

Стоя у каменной преграды, я уже добрых пять минут препиралась с драконом.

— Давай режь. — Я была непреклонна.

— Из этого ничего хорошего не выйдет, — упрямо мотнул головой Брок.

Пришлось самолично поймать прядь его волос. Потянулась за кинжалом, что так и квартировал за голенищем моего сапога. Не успела. Брок горестно вздохнул и с выражением на лице «да отвяжись уже!» махнул пальцем. Острый драконий коготь чиркнул по волосам, отсекая прядь.

— То, что нужно, — воодушевилась я.

Оседлав метлу, с зажатым в зубах клоком волос начала взлетать над стеной. Уже достигла зубцов, когда заметила караульного. Зависла, пригнувшись и спрятавшись за зубцом. Едва звук шагов удалился, я решила.

Вечерело, красный закат багровел на шапках ледника. С гор дул поночному прохладный ветер. И посреди этого неспешного величия природы — я верхом на метле перелетаю стену.

С волосами Брока не происходило ровным счетом ничего. Даже когда я благополучно приземлилась на другой стороне. К счастью, мое десантирование осталось незамеченным — я нырнула как раз меж сараем и стеной.

Выплюнув изо рта волосы Брока, внимательно их осмотрела. Ничего. С ними не произошло ровным счетом ничего. Хотя это часть дракона. По идее, ее должно было рассечь. Но, может, у заклинания другой принцип и оно реагирует только на полноценную особь, а не на ее запчасти? Или все дело в моей печати? Вдруг она, как тогда в истории с клеткой, просто не дает хода охранному заклинанию?

Выглянула из-за укрытия. Увы, двор уже не был пуст. Рядом с сараем стояли двое и трепались о высоком и духовном: о пиве и рыбалке. Пришлось ждать. А потом еще ждать, пока караульный вновь пройдет по стене. Вернулась я, когда небо уже вызвездило. Дракон изрядно нервничал, хотя старался не выдать своих переживаний. Но его поджатые губы, бисеринки пота на висках, кулаки, которые он то разжимал, то сжимал до белых костяшек, говорили сами за себя.

— Если бы ты не вернулась через пару вздохов, наплевал бы на все и полез по этой стене.

— Я тут, но тебе все равно придется лезть, — пожала плечами. А потом протянула раскрытую ладонь, в которой красовался пучок волос Брока, целый и невредимый.

Дракон лишь хмыкнул, соглашаясь. Да, был еще один вариант, при котором ящер войдет в город и исполнит клятву, вот только вряд ли после этого проживет долго: я могла ввести его как пленного. Дескать, ведьма захватила дракона. Пошлите весть кнессу, ведь владыка наверняка обрадуется такому подарку судьбы... Но Брока в этом случае наверняка ждал бы лишь эшафот. Так что дракон решил рискнуть.

Перелетели мы через стену на удивление легко и быстро, как раз между смен караулов. То ли стражи не рассчитывали на наглость ведьм, шныряющих через их каменный забор туда-сюда, то ли расслабились после заключения мира... В любом случае нам здорово повезло.

Едва мы приземлились внутри крепости, я решила уточнить:

— Скажи, а этот Энпарс, он знает, как ты выглядишь в человеческом облике?

Брок, не задумываясь, решительно произнес:

— Нет. Моего дракона он знает как облупленного, но людской ипостаси кнесс не видел ни разу. Узнать меня могут только те, кто вез в клетке.

«А они мертвы», — это осталось несказанным, но я и так поняла все без лишних слов.

— Тогда представишься моим охранником. Я отдам печать, и мы оба освободимся от клятв. Ты, как и обещал, приведешь меня к кнессу Верхнего предела, я, как и клялась, доставлю змеюку владыке.

Брок ничего не сказал, но что-то в нем незримо изменилось, словно он покрылся броней, ощетинился и приготовился к бою. Вот только с кем или с чем?

Метелку, как бы мне ни хотелось забрать ее с собой, я взять все же не решилась: мало ли что? Поэтому спрятали ее на крыше сарая.

Путь к северной башне, где жил кнесс со своими воинами, удалось узнать у пойманного за локоть постреленка, который несся с рогаткой наперевес по своим исключительно важным пацаньим делам.

Едва подошли к дверям, дорогу нам заступили два доспеха. Вернее, внутри лат наверняка скрывались люди, но эту пудовую амуницию — мечту собирателя металлолома — я воспринимала как набор железяк. Один из закованных в броню стражей махнул алебардой перед нашими носами.

— Куда? — раздалось из-под забрала.

Эхо отразилось от шлема, придав человеческому голосу металлического гула и сделав звук не имеющим ничего общего с простой людской речью.

— К кнессу! — прорываться на интервью мне было не впервой. Жаль только, что тут не работали магия заклинания «Статья двадцать девятая Конституции РФ о свободе слова» и артефакт в виде пресс-карты. — Прибыл посланник с печатью для уважаемого господина Энпарса.

Я почувствовала, как меня словно просканировали взглядом. Впрочем, алебарду подняли. Один из доспехоносцев развернулся и чеканным лязгающим шагом пошел в башню. Я искренне понадеялась, что он отправился докладывать кнессу о свалившейся на того радости. Ждать пришлось долго. То ли гонец по пути заржавел, то ли я так сильно устала, что для меня минуты превратились в часы.

Брок тихо, на ухо, осведомился:

— И что у тебя запланировано дальше?

— Встреча с этим самым Энпарсом и передача печати, — тоже шепотом ответила я.

— А если он не пожелает с тобой встретиться? — вкрадчиво уточнил дракон.

— Ну что же, это меня огорчит, но не остановит, — оптимистично уверила я Брока.

Второй алебардодержатель, оставшийся бдеть за входом и нами, выразительно хмыкнул, и перешептывания пришлось прервать. Наконец вернулся его железный сотоварищ и возвестил: «Светлейший кнесс соблаговолит принять прекрасную кнессу Раану». Поправлять его, что никакая я не Раана и уж точно ни разу не кнесса, не стала. Зачем? Еще возникнут лишние вопросы. А мне бы побыстрее сдать эту то ли рептилию, то ли амулетистое украшение с шеи на шею и уйти отсюда. Желательно подальше и побыстрее. О том, что будет после того, как я выполню клятвенное обещание, думать не то чтобы совсем не хотелось... Нет. Просто я боялась надеяться на наше с Броком совместное будущее, хотя именно этого отчаянно желала.

Мы с драконом шли по узкому гулкому коридору, в конце которого нас ждал еще один караул. На этот раз в легких доспехах.

Чадающие факелы на стенах под низким сводчатым потолком освещали ровно столько пространства, чтобы оставался немалый простор для теней, которые порой плясали на лицах воинов. И тогда мне казалось, что передо мною не люди, а монстры с человеческими телами.

Нас взяли в кольцо. Семеро воинов — видимо, кнесс ценил свою жизнь.

В зал мы вошли в окружении этих милых ребят, исключительно в дружеских целях наставивших на нас арбалеты. Ах да, единственное оружие, что было при нас, они тоже отобрали. Кинжал, который мне удалось добыть в гроте, и меч Брока теперь держал в руках один их стражей.

Остановились в центре зала. Я украдкой огляделась: серые каменные стены, гобелены, которые уже успела моль — продегустировать, а пыль — припудрить, высокие узкие стрельчатые окна, украшенные мелкой мозаикой цветного стекла, камин, где горели здоровенные поленья и краснели угли — вот так выглядела скромная обитель кнесса, объединившего под своей властью большую часть уделов.

Три дюжины широкоплечих мужей сидели на лавках, жутко напоминавших церковные, и трапезничали. Я не могла подобрать другого слова. Добротный длинный стол, один для всех, простая, но сытная еда: запеченные овощи и куски жареного мяса, здоровенные кружки с пенными шапками — все это никак не тянуло на классический ужин в ресторане. Только на вечернюю трапезу. Во главе стола восседал молодой воин. По левую руку от него — седой старец в рясе, а по правую — дева исключительной красоты.

Брок при взгляде на нее сбился с шага, словно увидел призрака. Мне почудилось, что дракон на миг даже закаменел. Но нет, его губы почти беззвучно прошептали: «Марна».

ГЛАВА 12, она же вопрос двенадцатый: — Как вы относитесь к политике сдерживания?

Признаться, я не поверила своим ушам. Марна? Та, которую он любил? Ящерица, что вышла замуж за его брата и вроде как умерла? Да из-за ее гибели практически и началась война между людьми и драконами. А она сидит подле кнесса? Да быть такого не может! Но, судя по всему, эта блондинка с удивительно нежной, светлой кожей, большими искренними голубыми глазами, исключительно правильными чертами лица — и есть внезапно воскресшая покойная.

Между тем Брок словно воды в рот набрал. Да и сама красавица вдруг побледнела и, схватившись за руку кнесса, наклонилась к нему, пытаясь что-то прошептать на ухо. Но владыка лишь скинул ее изящную тонкую кисть со своего запястья и впился взглядом в меня.

Правитель Верхнего предела изучал, раздевал взглядом, препарировал. А у меня под его взором во рту стало тесно от зубов. Я почувствовала, что передо мной хищник, который думает: сожрать сейчас или пока пусть живет? Меня это злило до бешеного желания вцепиться в кнесскую глотку. И вроде — с чего бы?

Красивое породистое лицо владыки, обласканное лучами солнца до бронзового оттенка, волевой подбородок, чувственные губы и решительный разлет бровей — не мужчина, а мечта любой девушки пубертатного возраста. Добавить к этому чуть вьющиеся каштановые волосы до плеч и глаза оттенка темного шоколада — и портрет сердцееда готов. Но тем не менее этот красавец мне претил.

Пауза затягивалась, а я не желала начинать первой. Хотя бы оттого, что понятия не имела, как нужно приветствовать этого кнесса. В зале повисла давящая тишина. Если поначалу еще были слышны шепотки и пересуды, то сейчас все присутствующие уставились на нас. Не только мужи, но и девы, что сновали с подносами еды, будто замерли, жадно вслушиваясь в звенящую пустоту звуков.

Первым молчание нарушил Энпарс:

— Признаться, я представлял себе будущую невесту немного иной. Вестник описывал тебя как красавицу, сравнимую ликом с солнцем, да послы всегда склонны приукрашивать внешность дев, которых сватают. Но

в этот раз посланец изрядно солгал. Ты, Раана, не похожа на солнце, ты и есть солнце. Такая же огненная.

Вступительная речь кнесса не подкачала.

Я перевела было дыхание, готовясь произнести ответный спич: «Я малость не ваша невеста, вот возьмите от настоящей Рааны гостинчик, а я отчаливаю!» — но кнесс продолжил:

— Я рад, что тебе удалось спастись. Не чаял увидеть тебя живой после того, как мои дружинники принесли горестные вести. Мой отряд направился встречать свадебный обоз, но не успел ровно на один день. Когда же воины вернулись и сообщили мне, что тело кнессы Рааны обезглавлено, я просил Многоликого лишь об одной милости: чтобы произошло чудо, ты осталась жива и сохранила печать...

И тут я решила перебить местную монаршую особу, больно уж повод был подходящий:

— Светлейший кнесс, дело в том, что Многоликий услышал вашу мольбу...

Отвечать «тыканьем» поостереглась. Хотя, насколько я успела убедиться, в этом мире вассалы не заморачивались светским «вы» по отношению к сюзеренам, даже если первые годились в сыновья, а то и во внуки вторым.

— Дело в том, что Раана предстала перед Многоликим лично, а меня послали, так сказать, ей на замену. Поэтому печать я вам принесла, но вот в невесты... Увы... — Я выразительно развела руками.

— Печать при тебе? — С лица красавца-кнесса сразу же исчезла приветливость, он требовательно добавил: — Покажи.

Я уже потянулась к вороту, но змея ожила и заскользила по моей шее. Сероузорная вынырнула из горловины сама. Ее голова оказалась под моим подбородком. Язык змеи трепетал, словно пробовал на вкус ложь и лицемерие, щедро разлитые в воздухе.

Брок стоял, глядя в одну точку. На нее — Марну. А моя душа наполнялась тоской. Все же я успела поверить. Зря.

— И правда печать, — полетел по рядами воинов тихий гул.

Кнесс же, встав, решительным шагом пересек зал, остановился напротив меня. Змея зашипела, словно почувствовала его приближение.

— Действительно, печать равнинников. — Энпарс смело протянул руку, схватил сероузорную за горло, но она обратилась дымом, и в следующий миг я почувствовала на шее привычный холодок металла. — Гримк, посылай летуна с вестью, что кнесс Энпарс принимает присягу уряда равнинных земель и дарует им свое покровительство.

Человек, что стоял в углу, в тени, при этих словах встрепенулся и исчез в боковой двери. Светлейший хапнул мою руку и, подняв ее высоко над нашими головами, обернулся к воинам:

— Братья, злой рок отнял у меня дочь Олруса Раану, но Многоликий не покинул нас и сохранил кнесскую печать. Ее носительница и станет моей женой.

Три дюжины глоток дружно рявкнули «ура», отчего я едва не получила контузию.

— Зачем женой? — Я попыталась вырвать свою руку из стальной хватки. Куда там.

— А ты предпочитаешь, чтобы тебе отсекли голову? — вкрадчиво поинтересовался Энпарс.

— Н-н-нет... — пролепетала сдавленно. — Но как же...

— Печать покидает шею своего владельца в двух случаях: если передается тому, кто одного рода с ее носителем, или если умирает хозяин. Ты мне понравилась, так что радуйся великой чести...

Мой мозг лихорадочно заработал и я вспомнила, что это не первая печать, которую кнессу передали как плату за защиту от драконов.

— А как же предыдущие?.. — Я не договорила, но Энпарс все понял.

— Со мной до этого не сговаривался светлейший Олрус — правитель равнинных земель. Остальные были более покладисты. Одни кнессы принимали меня в род названным сыном, и их печать перетекала ко мне, другим же я становился побратимом. А вот твой старик Олрус решил, что его дочь достойна большего, чем стать мне девятой сестрой. Кнесс равнинников потребовал, чтобы Раана стала моей женой. А печать, которую он передал с нею, — залогом мира и моего покровительства.

— И что мешает мне сейчас назваться вашей сестрой?

— Я, — нагло усмехнулся светлейший. — Названую сестру в постель уложишь, но жену — приятнее.

Я похолодела. Если этот кнесс запросто способен жениться, то и избавиться от супруги может так же легко. Так что свадьба — всего лишь фарс. Может, он и убил бы меня прямо сейчас, но если до отца Рааны, Олруса, дойдет слух о том, как «приданое» перекочевало к «жениху» — старик может обозлиться... А так Энпарс получит печать чуть позже, зато с удовольствием.

Вокруг раздавались радостные крики «жена!», и даже Марна криво улыбалась, хоть и согнула в тонких пальчиках вилку, когда на весь зал прогремел голос молчавшего до этого момента Брока.

— Светлейший владетель Верхнего предела волен выбирать себе в

жены люблю, но есть еще и право, что древнее самих кнесских родов — право священного поединка за свою женщину. И я заявляю при всех, что бросаю тебе, кнесс Энпарс, вызов на поединок за мою нареченную. На мечах, в кругу, где сам Многоликий ведет клинок в бой.

Брок подошел ко мне, взял вторую мою руку, чтобы ни у кого в зале не осталось сомнений: вот она, причина, по которой пришлый вызывал правителя на поединок. Но смотрел он при этом на Марну. Драконица хищно улыбнулась.

А мне стало нестерпимо обидно вот так стоять посреди зала и ощущать себя лишь поводом для того, чтобы скрестились мечи. И я поняла: нет для женщины роли противнее, чем роль ширмы.

Брок бредил Марной, когда умирал, бредит и сейчас... Как бы мой провожатый ни уверял, что я ему небезразлична, его взгляд выжигал все надежды, оставляя на сердце рубцы.

Некоторых отчаяние ввергает в пучину апатии, когда даже мыслить — непосильный труд. Увы или к счастью, я страдала другой крайностью: чем мне хуже, тем лучше я соображаю.

Но почему для того, чтобы понять, на что ты способен, насколько силен, нужно оказаться в ситуации, когда быть сильной — для тебя единственный выход, чтобы выжить?

Мозг буквально вскипел, а мозаика, до этого разрозненная, начала складываться в картину... Вот Брока везут к кнессу. Пленного. Но, как показало сражение в излучине реки, когда нас преследовали, — победить этого ящера не под силу даже его крылатым собратьям, причем скопом. Закономерный вопрос: как тогда людям удалось заточить Брока в клетку? Вывод напрашивался сам собой: потому что он это позволил. Зачем? Судя по всему, дракон не видел иного способа проникнуть в Верхний предел. Посыльных, чтобы перелетали через стену с его волосами и тестировали охранную систему, у моего провожатого не было, как и кнесской печати, что защищала бы и маскировала от охранного заклинания.

Ну вот Брок и добился своей цели — проник к кнессу и бросил ему вызов под личиной простого смертного. Сдается, что эту личину он выбрал не просто так. Чтобы Энпарс принял бой. Вряд ли кнесс вышел бы на открытый ратный поединок с драконом. Ведь он даже не маг. Вопрос номер два — как же кнесс сумел победить в войне? — я пока отложила.

Итак, цель дракона стала понятна: добраться до Энпарса, убить главного врага и тем самым обезопасить твердыни. Или все же Брок знал, что тут его ждет Марна, и пришел за ней?

Я закусила губу: а не все ли мне равно? Главное — отдать печать

кнессу, как я и обещала.

— А если дева не желает этого поединка? — встряла, пытаясь выдернуть обе руки из мужских кандалов.

— А деву и спрашивать не станут, — почти хором ответили кнесс и дракон.

На мне клинками скрестились взгляды этих двоих, а потом Энпарс, выразительно посмотрев на Брока, бросил:

— Да пусть свершится бой, что нас рассудит.

Кнесс был уверен в своей победе. Высокий, широкоплечий, в полной мужской силе — супротив грязного оборванца с рассеченной скулой он выглядел как профессиональный боксер против обычного трудяги с завода. Вот только в этом случае внешность была обманчива.

Я посмотрела на шею, точнее, на ключицы владыки, и мои глаза расширились от удивления: там, где у меня обреталась тонкая змейка, у Энпарса шею обвивала здоровенная анаконда шириной в ладонь. Я сглотнула. Пригляделась внимательнее.

Отчего она показалась мне абсолютно неживой? Если только так можно говорить о металле.

— Владыка, ночь же уже на пороге, — подал голос кто-то из воинов.

— Верно, — поддержал его старец в рясе, что сидел за столом по левую руку от кнесса. — Светлейший Энпарс, божий суд не вершится при свете луны, его должны благословить лучи восходящего солнца.

Зал загудел полусотней голосов. Не каждый день владыке, сильнейшему из воинов человеческих урядов, бросает вызов босяк.

— Закон божьего поединка между воинами, что решили скрестить мечи на суде, отстаивая свою правду и свое право, гласит, — возвестил местный дланник, — что перед сражением ночь надобно провести в молитвах и покаянии.

Все одобрительно загудели, принимая правоту слов этого провайдера Многоликого. Броку и Энпарсу пришлось согласиться. И если первого отвели в подземелья — подумать о брennom и собственной глупости, то второй, не оглядываясь, удалился в свои покои. Правда, перед этим отдал распоряжение служанкам увести меня в комнату и подготовить к завтрашней свадьбе.

О Марне, казалось, все разом забыли. Я бы с радостью присоединилась к этим «всем», но прожигающий взгляд голубых глаз чувствовала хребтом до тех пор, пока не вышла из зала.

Пока мы со служанкой поднимались по узкой витой лестнице, я усиленно размышляла. Мне не хватало нескольких кусочков, чтобы

картина полностью сложилась.

Прислужница, что шла впереди, неся масляный светильник, была не молодой и не старухой: первая седина успела слегка тронуть ее густые русые волосы. Чуть сгорбленная спина женщины без слов говорила, что руки ее хозяйки не боятся работы. А вот столь ли проворен язык провожатой — мне еще предстояло выяснить.

Я словно невзначай оступилась и охнула. Прислужница инстинктивно обернулась.

Так, теперь нужно поймать ее взгляд, застенчиво улыбнуться и посетовать на свою неловкость и усталость. Все это у меня получилось практически само собой.

Разыгранные неуклюжесть и смущение возымели эффект: у служанки разгладились поджатые губы, в глазах промелькнула тень сочувствия, словно она хотела помочь, подать руку, но не сделала этого.

Не помогла, хотя и хотела... Значит, пока я для нее не друг, зато уж точно не враг, что уже хорошо. Для этой женщины я была пришлая, от которой неизвестно чего ждать. И все же мимолетный жест, когда рука прислужницы на миг метнулась мне навстречу, сказал о многом: жалость не чужда моей провожатой. Следовательно, я буду давить на сочувствие, как соковыжималка на лимонную цедру, выдаивая досуха.

— Прости, — жутко хотелось добавить «те» той, что старше меня, но я понимала: госпожа не должна выкатить служанке. К тому же какое «вы»? Мне нужно стать к ней как можно ближе, так сказать, расположить к себе информатора за шестьдесят секунд. Поэтому — фамильярность мне в помощь! Я продолжила: — Право, неловко, что напугала, но дорога была долгой и опасной...

Я нарочно недоговорила. Хотела пошатнуться еще раз, но потом прикинула, что грохнуться в обморок гораздо эффективнее.

Прицелилась, развернувшись здоровым боком, и полетела лицом вперед. Провожатая оказалась сердобольной, правда, где-то глубоко в душе. Головой о ступеньки я все же тюкнулась, но удостоилась причитаний. Ничего не значащие фразы «ну как же так!» и «что скажет владыка» перемежались с более интригующими «сейчас же вся в синяках будет... как же завтра ее на алтаре кнесс перед всеми... снимет с молодой жены золототканое покрывало и увидит, что Ульма не уберегла!».

На миг мне и вправду захотелось потерять сознание от безумной усталости, но я волевым усилием отогнала эту мысль.

— Все в порядке, — слабый голос даже не пришлось изображать.

— Напугалась же я, госпожа. — В словах служанки сквозил упрек с

оттенком облегчения. — Уже скоро дойдем, совсем немного осталось.

Она и правда не солгала. Несколько витков лестницы, что я преодолела, опираясь на ее руку, — и мы оказались на верхнем этаже, практически под крышей башни. Темный коридор едва ли мог похвастать десятком дверей. Стены в отблесках сажи от чадящих факелов — это все, что я успела заметить, прежде чем оказалась внутри своей опочивальни. Или все же тюрьмы? Толстые стены, надежные двери и прочные решетки определенно служили одной цели — безопасности. Вот только моей или от меня?

Служанка тут же начала хлопотать: нашла в недрах сундука чистую одежду, расправила кровать. Когда я заикнулась о «помыться», Ульма тихонько вздохнула и сообщила, что скоро все принесет.

Ее «принесет» слегка озадачило. По наивности полагала, что меня отведут куда-то вниз, где есть бочки с теплой водой.

Я осталась одна. На миг силы покинули меня, и я буквально упала на край расстеленной кровати. Он нее пахло затхлостью и плесенью, балдахин явно претендовал на звание «почетный пылесборник года», но тем не менее перина была мягкой, а постельное белье — чистым.

За окном послышался волчий вой, протяжный и обреченный. Сребророгий, только-только народившийся месяц заглянул в стрельчатое окно. Его свет, чуть приглушенный пламенем трех свечей, неровными узорами лег сквозь решетку на пол.

От созерцания ажуря, что соткал на полу месяц, меня оторвал звук ударившей о стену тяжелой двери. На пороге появились сразу несколько служанок. Две несли ведра с водой, от которых шел пар, Ульма же держала в руках корыто. Последнее было торжественно поставлено на пол посередине комнаты. В него тут же выплеснули ведро воды.

Я озадачилась способом помывки, но все оказалось просто: нужно было встать ногами в это самое корыто, затем присесть, намылиться, смыть с себя пену и окатиться вторым ведром воды. Вот такая вот походная ванна. Единственное «но»: мне не дали это сделать в одиночестве. Не то чтобы я сильно смущалась. В старых общежитиях (а пока я училась, комнату пришлось менять раза три) не было отдельных душевых, но все же...

Едва сняла платье, как удостоилась слаженных охов: распухшая лодыжка меркла по сравнению с синюшным плечом, кучей синяков и ссадин, разбросанных по всему телу. Зря Ульма так переживала насчет отметин после обморока — на общем фоне они явно терялись.

Зато мыли меня осторожно. А потом, когда две девушки унесли корыто с водой, я смогла исполнить и вторую свою мечту: поесть. Ужин, что

появился сразу после «ванны», оказался сытным и простым: кусок пирога, вяленое мясо и кружка сбитня.

Служанки, поклонившись, ушли, в комнате осталась только Ульма. Она мазала меня заживляющим кремом. Пах он отвратно, зато приятно охлаждал кожу. А еще у крема был один неоспоримый плюс: втирался он долго, поэтому за лечебным процессом удалось разговорить служанку.

Начала я издалека, посетовала на войну и идущие рука об руку с ней голод и разруху. Ульма вздохнула и поведала весьма интересную вещь. Оказывается, голод и мор грозили жителям Верхнего предела еще до начала войны: с гор, что подпирали облака, начал спускаться ледник. Его жадные языки съедали поля и пашни, обрекая на голодные зимы, которые становились год от года все более лютыми.

А соседи, что жили чуть ниже, в долине, граничившей с горянами, не желали потесниться. Так было при старом кнессе. Но он умер, и на его место пришел Энпарс. Молодой владыка получил свой уряд разрушенным и озлобленным. И тут грянула война с драконами — тварями, что огненными камнями падали с небес, выжигая все окрест.

Лишь кнесс Верхнего предела сумел отстоять свой уряд, спасти жителей. Видя такое, под знамена Энпарса потянулись соседи, до этого гордые и заносчивые. А за ними — и те, кто не граничил напрямую с Верхним пределом.

Равнинники потеснились, и обитатели предгорий смогли спуститься в долины, распахать тучные поля, засеять их зерном. Сейчас Верхний предел — самый большой уряд, и его границы все продолжают шириться. Разрастаются владения Энпарса без междоусобных войн.

— Вот и после вашей свадьбы к уряду кнесса прибудет, — неспешно текла речь Ульмы, пока она втирала крем в мою ногу.

Служанка сама, кажется, не заметила, как рассказала мне о многом. Но на то я и была журналистка, чтобы уметь выразительно слушать. Диктофон, который я под видом амулета, охраняющего от злых духов, вновь надела на шею после омовения, усердно работал, записывая каждое слово.

В моей голове все крутились слова чернокнижника про оружие, которым были побеждены драконы. «Самое честное, благородное и исключительно кнессское. Только одноразовое», — так заявил мой несостоявшийся убийца, прежде чем исчезнуть. А что может быть самым кнесским, если не...

— Сколько побед одержал Энпарс над драконами? — перебила я Ульму, вещавшую о том, какой их кнесс замечательный и как хорошо

живется при нем горянам.

— Восемь. — Кажется, служанка обиделась. Причем вовсе не из-за того, что я ее перебила, а потому, что не знала известного всем.

— А сколько кнессов отдали ему свои печати? — вновь спросила я.

— Семь, — уже чуть медленнее протянула Ульма, словно сомневаясь в моем уме.

Меня так и подмывало задать главный вопрос: а можно ли с помощью печати убить дракона? Но, если озвучу его сейчас, готова биться об заклад, что об этих моих вопросах служанка обязательно доложит Энпарсу.

Ульма уже заплетала мне косы, когда я незаметно выключила диктофон, нащупав кнопку под нательной рубахой. Мне надо было хорошо все обдумать.

А еще без оружия я чувствовала себя неуютно. Хоть что-то самое завалящее... Но у меня отняли даже кинжал. Хотя... попытка не пытка.

— Могут ли мне вернуть кинжал, который забрали стражи? Он — единственная память об отце! — Я состроила самое жалостливое выражение лица.

Ульма поджала губы, но все же обронила: «Если владыка позволит», — и удалилась.

Выпроводив служанку, я легла. Но в горизонтальном положении мозги растекались, а сон, наоборот, активизировался. Так дело не пойдет! Откинув одеяло, встала. Потом моя нежно любимая и обожаемая паранойя нашептала, что кто-то может следить за мной в замочную скважину. Я решила задобрить свою шизу и свернулась на постели, изобразив подобие спящей. Потом снова встала.

Чувство тревоги не покидало. Я знала, что лучше всего успокоит не таблетка и даже не жидкость для снятия стресса, что плещется в бутылках с маркировкой сорок градусов. Нет. Вернейшее средство для умиротворения — кинжал, который отобрали на входе. Только клинок дарил мне — успокоение, а моим врагам — возможность упокоения.

Пока же я кончиками пальцев нервно выстукивала дробь по подоконнику. А если женщина на нервах, даже жнецам смерти лучше отойти в сторонку и не заслонять собой ее цель. Моей задачей стало вернуть кинжал. За этим я и пошла. На цыпочках подкралась к двери, налегла на нее. Та хоть и с неохотой, но подалась и заскрипела бы, если бы я не успела ее остановить.

Вышла из спальни, тихонько двинулась вниз. Я так увлеклась, прислушиваясь к шорохам и шепоткам уснувшего замка, что спустилась на этаж ниже, в подземелья, где царили сырость и спертый воздух. Уже хотела

уйти, даже развернулась, когда услышала разговор. Невнятный. Ведомая журналистским чутьем, направилась на звук. Не зря.

— Оставьте нас, — приказал властный женский голос.

— Владыка не велел от него отлучаться, — нехотя возразил бас.

— Ты. Перечитай. Мне? Советнице кнесса? — Она говорила, словно клеймо выжигала: четко и точно припечатывая каждое слово, как раскаленное тавро.

— Так сегодня вы, госпожа, советница, а завтра после свадьбы еще неизвестно, как обернется... — В мужском голосе звучало сомнение.

За его уважительным «советница» я без труда разобрала иной статус — «любовница». Марна? К этому разговору явно стоило прислушаться. Рука рефлекторно сжала диктофон, нащупала кнопку.

— Есть вещи неизменные. Например, мудрый совет. Молодая жена, говорят, слаба здоровьем. А горы не терпят слабаков. Долго ли проживет эта пришлая? Подумай. Я же никуда не денусь...

— Хорошо, но только недолго, — с облегчением сдался охранник.

Лязгнул засов и послышались приближающиеся шаги. Вжалась в стену, а потом рука нащупала нишу, в которую я и шагнула, сливаясь с сумраком.

Охранник прошел мимо. Его сапоги загромыхали по коридору, по ступеням.

Я же кошачьим шагом двинулась вперед.

— Ты пришел сюда ради меня? — Сейчас голос Марны был нежным и чарующим.

Я высунула нос из-за угла. Красавица стояла посреди камеры, Брок сидел на охапке соломы. Ничем не скованный, спокойный и даже расслабленный. Его меч лежал рядом с ним. Значит, дракона и вправду оставили здесь лишь на ночь перед поединком.

— Как ты тут оказалась? — вместо ответа спросил Брок, внимательно глядя на свою бывшую невесту.

— Я стала бескрылой.

Марна присела рядом на грязную прелую солому, не побоявшись испачкать бархатное платье. Взяла его руку в свои ладони. Дракон не отдернул. Они молча смотрели друг на друга, а я кусала губы, считая секунды. На седьмой она заговорила:

— В день свадьбы я поняла, какую ошибку совершила. Я всегда любила тебя, но мой отец... Ему нужен был наследник, сильный дракон, что поделится своим даром с сердцем моего оплота, позволив тому парить, а не спускаться год от года все ниже к земле.

Она заплакала. Не навзрыд, до красных опухших глаз и шмыгающего носа, а красиво, когда по щеке катится одинокая слеза. Марна все правильно рассчитала. От такой женской влаги мужчины не бегут, а наоборот, прижимают к своей груди, чтобы утешить. Хотя и этого драконица дожидаться не стала — прильнула к Броку сама.

Обняла его шею, доверчиво заглянула в глаза.

Ее голос звучал горным ручьем, а история в лучших традициях вирусной рекламы вызывала живой отклик и сочувствие.

Со слов Марны выходило, что ее отец повелел ей выйти замуж за энга оплота Огня Небес, потому как он — сильнейший из ныне живущих драконов и точно не откажет в просьбе, какую традиционно во время свадьбы озвучивает жениху молодая невеста. А прошение-то малое: поделиться своей силой с сердцем оплота Звездных Ветров — родиной Марны. Но в первом совместном полете, когда новоиспеченные супруги летели крылом к крылу, драконица узнала: на самом деле не Вьельм отдал часть себя сердцу своей парящей твердыни, а его брат Брок.

— Надо мне было слушать не отца, а свои чувства, — как по нотам говорила Марна.

Но самое противное было даже не это, а то, что Брок ей, кажется, верил.

— И вот тогда я от отчаяния спустилась слишком низко. А потом, — она все же всхлипнула, — на меня обрушилось заклинание такой силы, о которой я и не подозревала. Тело охватил огонь. Я не смогла его сбить и камнем рухнула вниз. Мне повезло: горная река, что текла по порожистым уступам, оказалась хоть и холодной, но глубокой. Она-то и приняла меня в свои воды, правда, уже в человеческом облике. Я была без сознания, когда кто-то из крестьян выловил мое тело из потока. В полубреду слышала, как меня куда-то везли на телеге. Я мало что тогда запомнила. Лишь ясное небо, искрившееся синевой над моей головой. И как его окрасил во все цвета пламени Вьельм. Он выжег несколько деревень и один выселок. Словно обезумев, спалил все вокруг. А потом прилетели другие драконы. Их огонь сжег моих спасителей. Пламя убило бы и меня, если бы я не была драконом. Но хуже всего то, что безумие Вьельма отняло жизнь у того, кому я оказалась должна. Теперь я не в состоянии вернуть долг, мой дракон, придавленный тяжестью невозвращенного скульда, не может взлететь в небо.

— Почему же ты не направила вестника? Не дала понять моему брату, что жива? — Брок не упрекал, просто спрашивал, а сам гладил ее волосы.

— Когда я оправилась после падения, уже шла война, гибли драконы.

Меня душила жажда мести. Мои сородичи умирали по вине Энпарса. А я не какая-то слабая человечка, которая прогибается под любого, кто сильнее, и забывает, что значат род и долг, едва переступит чужой порог. И пусть все, и кнесс в том числе, думают, верят, считают меня человеком, но в душе я все еще крылата! — Она сжала кулачок и запрокинула голову, глядя в глаза Брока. — Владыка Верхнего предела нашел оружие, что способно пробивать наши шкуры, словно стрела — листы пергамента. И я поклялась себе, что узнаю секрет кнесса и уничтожу его во что бы то ни стало. Задуманное мне удалось.

Дракон затаил дыхание, а я, кажется, уже знала, что услышу дальше.

— Это печати.

— Печати? — неверяще переспросил Брок. — Их же нельзя использовать как оружие. Само существо артефакта противится этому. Печать — залог не только силы правящего, но и мира, стабильности. Когда Энпарс впаял свою печать в ворота, чтобы оградить город от проникновения драконов — это одно. Дар Многоликого способен защищать. Но боги заповедали не использовать их творение как оружие.

— Это если ты не обратился к чернокнижью, — шмыгнула носом Марна. — Правда, когда печать используют в темных ритуалах, она сгорает. Вот почему Энпарс заставлял соседей склониться перед ним и принимал вассальные клятвы. Вместе с присягой на верность правитель Верхнего предела требовал отдать ему и символ кнессской власти. Оттого каждая победа в битве — это чья-то сгоревшая печать.

И как у нее получалось быть красивой даже в слезах?

— Зачем он на это пошел? Сила печати спасает от неурожая и засухи, с ее помощью можно остановить мор и заставить склонить горячие головы тех, кто решит затеять бунт, — казалось, Брок не мог поверить очевидному.

— Энпарс тщеславен, — пропела Марна. — А сейчас он сжег последнюю печать — кольцо тритона, что отдали ему болотники. Владыке понадобилась очередная. Только отец Рааны не пожелал стать простым вассалом, а захотел быть равным и просватал свою дочь за Энпарса. Но я верю, что завтра ты одержишь победу...

— Подожди. А как же та печать, что впаяна над воротами в крепость? Я сам видел, как два месяца назад перед заключением мира она не дала войти в цитадель Рейнху и располовинила его.

— Это еще один секрет Энпарса, как и фальшивый полз на его шее, он лишь выглядит амулетом, а на деле — простой кусок металла. Так вот... Над воротами нет никакой печати. Это обман. У кнесса есть слуга — талантливый некромант. Все те драконы, что в облике людей якобы

входили в ворота, были уже мертвы. Их ловили и показательно доставляли к воротам, чтобы люди видели, как охраняют крепость кнесс и сила его печати. Стадо верило своему пастуху и буквально боготворило его.

Марна позволила себе мимолетную презрительную улыбку.

— Но почему ты сама не убила Энпарса, когда узнала обо всем? — подозрительно спросил Брок, и драконица отпрянула с видом оскорбленной невинности.

— Когда кнесс приблизил меня к себе, он потребовал дать клятву, что я не причиню ему вреда. Моя рука не может подняться против Энпарса.

Марна продолжала играть роль несчастной, но не сломленной мстительницы, я же узнала и увидела достаточно. А смотреть, как шуршащая ткань сползает с ее плеча, оголяя нежную кожу... Увольте меня от созерцания последнего женского довода. Я не была наивной, чтобы не понять: сейчас Марна предложит Броку себя и ее тело щедро расплатится в этой сделке.

Зато я, кажется, все поняла, ребус оказался разгадан.

Выключила диктофон. Тихо, крадучись, растворилась в тени. По лестнице поднималась привидением, но, когда оказалась у себя в комнате, с шумом бухнулась на постель. Подтянула колени к подбородку, обняла подушку, уперлась лопатками в спинку кровати и просидела так до утра. Встретила рассвет с абсолютно сухими глазами.

Я выживу. Не сломаюсь, чего бы мне это ни стоило. И пусть я всего лишь пешка, но и пешка, знающая расклад, способна победить королеву.

Вот только партия, как показали события, начала разыгрываться задолго до моего появления в этом мире.

Первый ход судьбы, которая играет белыми фигурами. И сразу ферзем.

С гор начал спускаться ледник, и молодому кнессу, едва-едва получившему власть и печать, грозило полное разорение его маленького уряда. На соседей войной не пойдешь: они сильнее и будут стоять за свои земли до конца.

Ответный ход черным конем Энпарса.

В голову кнесса приходит гениальный план: ослабить приграничных соседей войной, но не с собой, а с драконами. Решение дерзкое, и владыка ставит на карту все, что имеет: собственную власть. Он обращается к чернокнижникам (а иначе почему мой несостоявшийся черноглазый убийца в курсе, что можно обернуть силу печати в смертельное заклятие?), и его печать становится оружием.

Энпарс нападает на дракона, который спускается слишком низко к земле. Причем делает это не на территории собственного уряда. Владыка Верхнего предела убивает драконицу на глазах крылатого соплеменника. Возможно, повод для войны был бы недостаточным, если бы этой убитой не оказалась юная жена энга парящей твердыни — Вьельма.

Молодой вдовец в ярости от потери любимой и заливает все огнем. Ему отвечают человеческие маги, еще не знающие, что послужило причиной гнева дракона. Начинается война.

Еще один ход судьбы.

Фортуна, играя белыми, уходит в оборону и отнимает у Энпарса его печать в первой же серьезной битве с драконами. Ящеры не разбирают, кто из людей виновен, и жгут всех подряд. Но кнессу удается главное — полностью отбить атаку и сохранить свои земли, в то время как у соседей сгорают целые города. Вот только правителю Верхнего предела для сохранения достигнутого нужна новая печать.

Ответный ход черных. Ладья.

Энпарс убеждает сопредельников, что сможет защитить их, но требует подчиниться, встать под его знамена и в качестве гаранта верности — отдать печать. Те нехотя, но подчиняются. Владыка медленно, но верно расширяет свои земли. Его Предел процветает, в то время как не желающие подчиниться уряды полыхают в огне.

Энпарс становится героем, сумевшим не только объединить разрозненные уряды, но и положить конец кровопролитной войне.

Белой королеве шах и мат.

Хитрая комбинация была разыграна кнессом вовсе не из-за тщеславия, как утверждала Марна. Нет. Владыка пытался спасти свой народ. За счет смерти других? Ну, не он первый, не он последний. А что до того, что его забота о жителях собственного уряда оплачена кровью соседей, — в политике не бывает всеобщего блага.

Я могла понять и Марну, которая продала себя в жены сильнейшему из драконов ради того, чтобы ее оплот и дальше мог парить в небесах. Наверняка она изначально планировала использовать Брока и через него подобраться к Вьельму, считая энга сильнейшим. Что же, прогадала. Но какая, по сути, мне разница?

Скорее уж мне есть дело до мачехи Рааны, Вайнес, которая приказала меня убить. Полагаю, она просто не желала лишаться всего, что имеет жена

кнесса. Ведь едва я передам печать Энпарсу, не будет больше уряда равнинников. Будет вотчина владыки Верхнего предела. А чтобы удержать собственную местечковую власть, все средства хороши.

Я усмехнулась. Отличная могла бы получиться статья из всего этого. Но главное слово здесь — могла бы.

Передо мной, далекой от всей этой политики, цель стояла весьма прозаичная — просто передать печать кнессу и после этого убраться побыстрее и подальше. А раз без свадьбы этот процесс невозможен, то...

Я закусила губу: свадьба состоится, если кнесс останется живым после поединка с Броком. Душа разрывалась на части, но внешне я была спокойна. И когда поутру Ульма со служанками зашли ко мне в комнату, я уже сидела на кровати живой каменно-невозмутимой статуей.

Прислужницы внесли тончайшую, белую, расшитую золотой нитью нательную сорочку с длинным рукавом и покрывало. Свадебный наряд, как пояснили они.

По словам Ульмы, дланник сочетает нас браком сразу же после боя. То, что в поединке победит кнесс, ни у кого не вызывало сомнений. Так и должно быть: народ верит в абсолютную силу своего вождя, и никак иначе.

Я скалилась пластиковой улыбкой, пока на моей голове сооружали венец из кос, одевали, прятали лицо и тело под покрывалом, концы которого волочились по земле. Все это время я изображала подобие радости. Лишь когда ткань совсем меня скрыла, маска слетела. Из прежних вещей на мне остался лишь диктофон, висевший на шнурке на шее — защитный амулет, как я гордо отрекомендовала его служанкам.

Скрипнула дверь, впуская в комнату кнесса. Служанки тут же исчезли. Я стояла посреди спальни столбом.

— По обычаю, я должен тебя спросить во время свадьбы, но предпочту сделать это не на виду у всей толпы, поскольку молодые девы не всегда благоразумны в своих просьбах. Твое желание?

— Что? — не поняла я.

— Каково твое желание невесты?

Мне вспомнилось, как о чем-то подобном вчера в подземелье упоминала Марна. Что же мне попросить у будущего супруга? До одури захотелось крикнуть: «Забери печать безо всякой свадьбы и отпусти меня живой». Но, увы, эта моя прихоть была из разряда несбыточных.

— Пусть вернут мне кинжал, что отобрали вчера. Это память об отце, и я хотела бы ее сохранить.

— Что ж, у моей будущей супруги весьма разумное и умеренное

желание, — усмехнулся Энпарс. — Если и дальше станешь меня так радовать, я буду милостив.

Не сказав больше ни слова, кнесс развернулся и вышел.

Через несколько минут мне принесли кинжал, с которым я не пожелала расставаться. Выпроводив всех служанок, привязала его к запястью. Похоже, в этом мире единственная моя опора — это я сама.

Мне было больно. Не телу, душе. Она звенела тысячью осколков, и я шла по ним босая. Но это в мыслях, а наяву — спустилась по лестнице, пересекла зал и очутилась на улице, где шумела толпа. Ткань, сквозь которую проникал свет, отчасти позволяла видеть происходящее.

Площадь. Еще вчера здесь была деревянная мостовая, застеленная досками, а сегодня... Зачищенный до земли круг, в котором босиком переминался с ноги на ногу кнесс и неподвижно стоял Брок.

«Чтобы судили земля и небо», — пронесся по толпе шепоток.

На бой пришли поглазеть все, от мала до велика. Как же! Сам кнесс скрестит меч с пришлым оборванцем, что посмел бросить вызов древних.

Меня обшаривали тысячи взглядов, ведь под свадебным покрывалом скрывалась причина этого вызова. Вот только эти тысячи ошибались. Брок бился — за своих сородичей, Энпарс — за власть. И оба, сами того не подозревая, за Марну. А я... Я была лишь поводом, ширмой.

Мой взгляд упал на драконицу. Та гордо стояла на возвышении рядом с помостом, украшенным цветами. Прямая спина, откинутые назад золотистые волосы, которые целовал ветер, — настоящая кнесса, полная величия и уверенности.

Народ толкался на площади, лузгал орехи, жевал пряники и переваривал новости, перетирая их на языках который раз подряд. И тут раздался удар колокола. До этого шумная площадь затихла, и старческий голос с первых слов набрал небывалую силу.

Это был не дланник, что сидел вчера по левую руку от кнесса. Сегодня вещал старец с окладистой густой бородой и высохшим лицом. Его лысый череп обтягивала пергаментная кожа. Глубокие морщины на лбу старика, выцветшие до белесого радужки глаз — все это заставляло невольно уважать того, кто, по ощущениям, был даже не ровесником века, а старшим братом пары столетий.

— Право на поединок за свою нареченную столь же древнее, как и сам род людской. И если двое мужей хотят получить одну и ту же деву, то должны сразиться за нее перед очами Многоликого, на голой земле, она приглядит за честным судом, не даст свершиться кривде и подлогу.

Старец говорил долго, с расстановкой, чтобы все и каждый услышали.

Не только народ на площади, но и Многоликий, чье царство на небесах, и Мать-земля, и Хозяин вод, и Владыка огня — для них, а не только для людей, вещал дланник.

— Каждый из вас еще может отступить от девы, — увещевал сребробородый. — Если так, пусть тот, кто отдает свое право, выйдет из круга.

Энпарс упрямо мотнул головой, а потом посмотрел на меня. Хотя я и стояла, укрытая с макушки до пят покрывалом, но все равно от его взгляда будто плетью хлестнуло. Брок даже головы в мою сторону не повернул, лишь перехватил меч поудобнее.

— Что ж, раз так, пусть победит сильнейший!

Едва отзвучали последние слова дланника, как камни круга налились светом и жаром, заставив самых любопытных зрителей, которые подошли вплотную, отпрянуть.

Секунда оглушительной тишины — и зазвенела сталь.

Энпарс атаковал первым, не рубящим верхним, а боковым ударом. Он не стал красоваться, здраво решив, что глупость пришлого оборванца, посмевшего перейти ему, владыке, дорогу, должна быть наказана. Кнесс мастерски владел мечом, в каждом его ударе чувствовались и опыт, и немалая сила. И все же он с трудом оборонялся, поскольку Брок оказался и гибок, и ловок, несмотря на его обманчивую внешность неуклюжего угрюмца. Дракон постоянно менял тактику, наплевав на все мыслимые правила боя, отводя удары и словно бы играя со смертью.

Они оба были сильны, и их бой напоминал диковинный танец под жуткую, но в то же время прекрасную песнь стали. Эту первобытную музыку, от которой в жилах стыла кровь, слушали все и каждый, порой забывая дышать.

Выпад Энпарса. Узкое лезвие его меча змеей скользнуло рядом с лицом дракона, едва не оставив на скуле кровавый росчерк. Брок отпрянул, но не от испуга, а чтобы нанести свой удар. Рубящий, сильный настолько, что принявшая его сталь клинка владыки заискрила. В какой-то миг я подумала, что одно из лезвий не выдюжит и переломится.

Но Энпарс держал удар. На его шее вздулись вены, на висках выступил пот, мышцы застыли буграми. Два зверя в людских шкурах, которые решили поговорить на языке мечей, вели сейчас свой диалог. Взгляды, оскалы, рычание.

Владыке удалось отвести удар, и уже в следующий миг он взвился в прыжке. Бил с разворота.

Брок отступил на шаг. Его тело — уставшее, с ссадинами и

кровоподтеками, старыми белесыми шрамами — было почти обнажено. Лишь набедренная повязка, как и у Энпарса, которая мало что скрывала: обычаи в этом мире соблюдались вплоть до мелочей, таких, как одежда. Все, как заповедано богами и далекими предками.

Кнесс радовал девичьи взгляды литыми мышцами, поджарым телом, на котором война тоже успела оставить свои метки.

Я неотрывно смотрела на этих двоих, то сжимая кулаки, то кусая до крови губы. Мое сердце пропустило удар, а потом забилось быстро, заполошно и часто, когда Энпарс, словно решив, что игр достаточно, коротко замахнулся, целя в бок противника. Брок в последний момент принял удар на лезвие меча, и в тот миг, когда кнесс распрямылся, дракон ловко ушел вниз, выскользнув из-под его руки. Потом быстрым точным ударом, словно не мечом, копьем, достал Энпарса.

Сталь вошла в грудь владыки ровно наполовину. Последнее, что я запомнила, это удивленный стекленеющий взгляд кнесса. Он так и не успел понять, что проиграл.

Тишину, воцарившуюся на площади, можно было резать ножом. Вязкая, давящая, предгрозовая. Ее рассек голос, показавшийся мне раскатом грома:

— Небо изъявило свою волю.

Еще раз вспыхнули ярким светом камни. Старец шагнул в круг, склонился над телом, а потом протянул руку к здоровенной металлической змее, что украшала шею Энпарса. И в этот миг его лицо посерело, словно дланник узрел то, что страшнее собственной кончины.

— Кнесс мертв и... его печать тоже. — Голос седобородого казался потеряннным. — Она недвижима... пожелала умереть вместе с хозяином.

«Ее и не было. Это просто кусок железа, который кнесс носил для отвода глаз», — мысленно заорала я, уже готовясь к тому, что меня начнет душить неисполненная клятва. Кнесс мертв, и банально некому вручать мою змеевну!

На лицах зрителей проступали растерянность и испуг. Лишиться кнесса — это беда, но все когда-то рождаются и потом умирают. Но потерять печать!

И тут Марна крикнула. Звонко, отчетливо:

— Кнесс умер, но по закону древних тот, кто бросил правителю вызов и сумел победить, сам становится вожаком. А что до печати... На пришедшей невесте она есть, вполне живая...

Все взоры обратились на золотоволосую деву. Ту, что дала надежду. Марна сейчас была подобна богине, которая улыбалась и словно сияла

изнутри теплом. А я поняла: она все рассчитала. Заранее и хладнокровно.

Над толпой тем временем неслось:

— Кнесс!

— Кнесс!

— Кнесс!

Все склоняли головы перед тем, кто убил их правителя: ведь только Броку теперь по воле Многоликого дозволялось взять в жены ту, которая носила на шее печать. А это значило, что лишь победитель может стать не только кнессом, но и владельцем артефакта, дарящего плодородие и процветание всему народу.

Жар, что начал сдавливать грудь, отступил.

Меня буквально вытолкнули к Броку. Иди, мол, выходи замуж.

Дракон, не глядя, взял меня за руку и повел. Как я чуть позже сообразила, к тому самому помосту, украшенному цветами. На струганых досках в центре находился белый камень, покрытый белой же простыней.

Меня словно перемякло. В голове отчетливо зазвучали слова дракона: «А ваши кнессы и вовсе не знают, что такое стыд: берут своих жен первый раз на глазах всей толпы, едва отзвучат слова брачной клятвы».

Не хочу! Не хочу быть овцой на заклании! А оттого, что меня разыграли втемную, становилось вдвойне обидно. Сейчас я отдам печать, а завтра молодая жена станет молодым и перспективным трупом.

Едва меня похоронят, Брок возьмет себе в супруги новую. На этот раз ту, которая ему любя и под стать — Марну. Видимо, вчера все же стоило остаться в подземелье и, как это ни противно, дослушать все до конца.

Но ничего.

Брок, хоть уже и исполнил клятву, привел меня к кнессу, вряд ли обернется крылатым ящером на глазах всей толпы... Не рискнет пустить дракону под хвост столь изящную партию. А мне терять нечего.

Улыбнулась отчаянно и бесшабашно — была не была. Сыграем.

Дланник читал слова клятвы, которые повторяли я и Брок. Местный священник резал нам руки ритуальным ножом, бубнил что-то про верность и почтение. А я отсчитывала секунды.

— Теперь ты, дева Лекса, жена при муже, люби его и почитай как главного своего заступника...

— Мы уже супруги? — перебила я дланника на полуслове.

Он запнулся от такой наглости и набрал воздуха в грудь. Явно не для того, чтобы коротко ответить «да» или «нет».

— Я спросила.

— Лекса... — вмешался Брок, почувывая неладное.

— Да, — опешил от моего напора старец.

— Прекрасно. — Я скинула покрывало, заставив толпу зрителей ахнуть в очередной раз. Схватила Брока за руку и для верности вслух приказала печати: — Ползи.

Змеевна на моей шее ожила, правда как-то нехотя. Ее тело, обвивая мою руку, начало струиться и за пару ударов сердца перетекло на запястье Брока.

Дракон, да и все вокруг, замороженно смотрели на живую печать — надежду Верхнего предела.

Мне только это и требовалось. Едва змеевна обвила руку Брока, как я отпустила его запястье, резко развернулась, разбежалась и прыгнула в тот самый миг, когда метелка просвистела над головами зрителей.

Удар о черенок получился знатный, но я так поднаторела в заскакивании на свой транспорт, летящий на полном ходу, что еще пара раз — и смогу получить корочки почетного джигита.

Вслед мне понеслось знакомое до боли:

— Лекса!

Но я даже не обернулась.

Каждый получил свое. Я — жизнь, Брок — власть и мир между драконами и людьми, а супербонусом отхватил себе еще и Марну. Ту, которой бредил.

Вот теперь, когда мы с ящером узнали друг друга поближе, — самое время послать друг друга подальше. Это я и сделала с превеликим удовольствием. Правда, летела, не разбирая дороги. Как позже выяснилось — в горы: туда, где водятся неприятности и тролли.

О последних я узнала, как переборчивый мужик, что ищет жену методом тыка, — напоровшись. Причем влетела в живую каменную глыбу на полном ходу.

Вот почему я никогда не могу побыть одна? Ко мне постоянно приходят то аппетит, то неприятности, а то и вовсе закадычный друг — полный капец. Сегодня явно был день именно его визита.

Метелка ударилась череном о грудь тролля. Я слетела с нее, умудрившись, как кошка, перевернуться в полете. Приземлилась, упала плашмя на бедро и тут же крутанулась, уходя от здоровенной лапищи с кулаком, что решила меня припечатать.

Сломанная метла валялась в паре метров от меня, но уже была бесполезна: на такой не улетишь. В своих же бегательных способностях сильно сомневалась. И тут я озверела: суметь выжить в водовороте интриг, уйти от всех наемников, что охотились за моей головой, сдержать клятву,

которая могла меня угробить, сбежать с собственной свадьбы и в результате быть раздавленной каким-то троллем?

Местный Кинг-Конг взревел от досады и ударил себя лапой в грудь, когда я в очередной раз ушла из-под его удара, ящерицей обогнув валун.

Здоровенная патлатая башка с маленькими глазками, короткая толстая шея, желтые клыки — все это вызывало желание убратся отсюда подальше, а не за здоровенный камень, ставший мне временной защитой.

Еще один удар. Я вновь отскочила, понимая, что еще немного — и окажусь в западне: в паре метров от меня маячил обрыв.

Запястье кольнуло, словно кинжал напомнил о себе. Я ухватилась за призрачный шанс. Да, этой открывалкой для консервов мне тролля не убить... Если только воткнуть острое в глаз.

Напружинив ноги, оттолкнулась от земли, взяла разгон с места. Прыжок. Я на валуне. Еще один — очутилась на уступе, вровень с башкой тролля. Повернула в руке кинжал, перехватывая поудобнее. Основанием ладони нечаянно надавила на камень, расположенный в крестовине. И тут меня ждал сюрприз.

Клинок резко удлинился, превратился в меч, и весить стал соответственно. Я, до этого балансировавшая на краю уступа, качнулась вперед. Меч потянул меня вниз, прямиком на тролля, что несся тараном. Мне оставалось лишь одно: попытаться удержать эту орясину горизонтально.

Троль напоролся на острое сам, в лучших традициях шашлыка. Покачнулся, а затем стал медленно падать. И я, все еще висевшая на мече, упала вместе с ним. Благо оказалась сверху, иначе эта туша меня запросто расплющила бы.

Первое, что сделала, осознав, что мне все же удалось спастись, — рассмеялась. Истерично, захлебываясь. Успокоилась с трудом и, похлопав тролля по груди, на которой все еще сидела, произнесла вслух:

— Да уж, я, возможно, не та самая еда, которую ты, дорогой монстр, искал, но я та самая, на которую ты нарвался.

Троль, знамо, ничего не ответил. Я сползла с убитого и, хромая, побрела к одной из елок. Больше спешить некуда. Стоит сесть и отдохнуть. Потом — попытаться починить метлу. А дальше... дальше осень, а за ней зима. Светлый день сменится ночью. А мне надо жить. Просто жить. Пусть уже не в двадцать первом веке техногенного мира, а здесь...

Рука неосознанно потянулась к единственной вещи, которая осталась у меня из той, другой, только моей реальности. И тут диктофон пиликнул. Жалобно. Я достала его. Аккумулятор садился.

По щекам побежали слезы. Злые, горькие, отчаянные, беззвучные. Решительно стерла их рукавом. Взгляд упал на экран. До полной разрядки — еще пара часов записи. Отложить? Растянуть агонию или...

«Для начала стоит рассказать немного о себе...» — с этих слов начала свое последнее интервью.

Я говорила и говорила. Слезы уже не бежали по щекам, глаза успели высохнуть от малодушной влаги. Солнце клонилось к закату. Огонек на диктофоне мигнул последний раз, сохраняя запись, и потух. Навсегда.

— Удивительная история. И ты сама удивительная. — От этого голоса я вздрогнула.

И, наверное, буду содрогаться всегда, если мне удастся выжить.

Чернокнижник. Мой личный кошмар.

Медленно обернулась. Он стоял, прислонившись к одной из елей. Все такие же черные глаза, выбритые виски. Новый шрам рядом с татуировкой розы ветров.

— Будешь убивать?

— Сначала хотел, но теперь передумал.

— Интересно почему? — Я почувствовала, что вот сейчас перешагнула ту грань, за которой уже не существует страха.

— На тебе уже нет печати, но ее сила словно пропитала тебя. Именно благодаря этой силе ты так легко управляешься с одной из самых норовистых метел. Но это пока. А потом... Кто знает, может, этот дар угаснет. Или наоборот, вырастет, сделав тебя одной из самых сильных ведьм, которых знал этот мир. Ты не слышала, что сильнейшие колдуньи всегда были пришлыми из других миров?

Я помотала головой: с чего бы?

— Пока ты рассказывала о себе своему странному артефакту, у меня было достаточно времени, чтобы изучить тебя уже без фона печати. И, честно скажу, ты меня заинтересовала.

Я скептически изогнула бровь:

— Честность и прямота — непозволительная роскошь. Неужели чернокнижники — такие транжиры?

— Нет, мы скряги. Но я вижу перед собой будущую ведьму. И я хочу, чтобы эта ведьма стала черной.

— Зачем?

— Видишь ли, Лекса. — Он произнес мое имя легко, без запинки, словно не раз говорил его про себя. — Демоны хмерны очень жадны до душ. И щедро награждают тех, кто приводит под их покровительство наделенных даром. Особо бездна любит ведьм и готова одарить их силой,

требуя взамен лишь служения. Черная ведьма — та, с которой приходится считаться даже кнессам. Свободная. Независимая... Подумай.

Вот теперь я верила: чернокнижник честен со мной. Он не скрывал своей выгоды, если я соглашусь, и сразу обозначил цену: свобода и независимость, что дарует статус черной ведьмы, в обмен на ее душу...

После того как со мной поступил Брок, внутри поселился холод, я знала, от него не спастись в горячей ванне или под пледом, его не растопит жар печи. Словно у меня враз выгорели все провода, что отвечали за свет и тепло. Это умирала моя душа. Так что, чувствую, хмерны бездны скоро потеряют ко мне интерес: нечего будет заполучать.

— У меня есть время подумать?

— До первого снега, — улыбнулся чернокнижник, словно я уже согласилась. — А чтобы лучше размышлялось, позволь предложить уединенное место, где будут только ты и твои мысли.

— Что это за место? — Я уже перестала удивляться.

— Не все ли равно, главное, что тебя там не побеспокоят.

Он подошел ближе и протянул мне руку. Я заколебалась. Встала и, обойдя чернокнижника, наклонилась за метелкой. Не следует бросать тех, кто был верен тебе до конца. Потом подошла к троллю. Не с первого раза, но все же сумела правильно нажать на камень в крестовине. Меч вновь превратился в кинжал.

Мой нехитрый скарб был собран.

Потом я вложила руку в открытую ладонь чернокнижника. Что ж, если те, кому я верила, предали меня, то почему бы тому, кто хотел меня убить, не помочь мне?

Клубы черного тумана окутали наши тела, и в следующий миг я уже стояла на берегу. Море неспешно катило свои свинцовые воды, перешептываясь с галькой, выстилавшей пляж.

— Вот твой дом. — Чернокнижник указал на одинокую хижину, приютившуюся у скалы. — Я приду с первым снегом. За ответом.

Темный маг, как истинный искунитель, не давил, требуя определиться немедленно, но так верно подталкивал к нужному ему ответу... Будто знал, что время нашепчет мне те слова, что выгодны его темному божеству.

Оглянулась на свое жилище: фундамент из крупной гальки и зеленая двускатная крыша, на которой дерн чувствовал себя вполне вольготно. Вот оно, мое временное пристанище — еще не такое ветхое, чтобы развалиться от сильного ветра, но уже повидавшее изрядно штормов. Дом одиноко стоял на каменном уступе, обещая покой.

Когда я обернулась, чтобы спросить у чернокнижника, есть ли

поблизости хоть одна живая душа, то увидела только клубы черного тумана, которые пронизывающий ветер рвал в мелкие клочья.

Я поежилась и, покрепче прижав к себе метелку и кинжал, побрела к своему новому дому.

Два месяца спустя

Лето на побережье оказалось вовсе не знойным, скорее слегка прохладным. Я научилась разводить огонь в печи, добывать рыбу. В кадушках, оставленных прошлыми хозяевами, под гнетом томились капуста и моченые яблоки. В подполе — морковь, репа и брюква, а в сундуке — одежда.

Я узнала о наглости диких коз и коварстве морских ветров. Но самое главное — научилась понимать и принимать себя в этом мире.

Чернокнижник не соврал — здесь меня действительно не беспокоил никто. Ну разве что рокот волн, когда море ярилось. Что же до одиночества... Я не стремилась его преодолеть, скорее наслаждалась им. Оно стало для меня уютным, больше никого не хотелось пускать в свою жизнь. Но так же я понимала, что рано или поздно мне придется столкнуться с людьми. Или с троллями. Или с драконами. Хотя о последних старалась не думать. Особенно об одном.

Увы, нельзя всю жизнь прожить в одиночестве, как бы этого ни хотелось. Но еще больше я не желала вновь становиться пешкой. Мысли все чаще возвращались к словам чернокнижника: «Что ты теряешь?»

Это утро ничем не отличалось от других. Разве что туман был плотнее обычного. Я вышла на порог с ведром в руках — недалеко от дома тек ручеек, спускавшийся с горы. Он был неширокий, но когда-то заботливые руки сделали запруду, сложили камни лоханью, и теперь я там каждое утро набирала воды.

Заперла дверь, чтобы не выстудить избяное тепло, обернулась и замерла.

Посреди тропки сидела рыжая лиса. Откормленная, уже без пятен плечи на шкуре. Она уместилась на заднице, обвив себя хвостом, и облизывалась, глядя на меня с хитрым прищуром.

Поставила ведро на землю. Осмотрелась. Но плотный туман играл против меня.

— Выходи, Йон. — Мой голос показался чужим.

Зашуршала галька и из тумана шагнул перевертыш. Все такой же. Время его ничуть не изменило. Ну разве что еще сильнее загорел.

— Выглядишь разочарованно, — вместо приветствия выдала я. Лицо Йона посмурнело.

— А как мне еще выглядеть, прошерстив вдоль и поперек пятнадцать кнесских урядов? Я, между прочим, один из лучших поисковиков равнинных и горных земель, и то не смог взять твой след. Он оборвался рядом с телом мертвого тролля, словно его кто смел. Сейчас и то наткнулся на тебя случайно, просто почуял за несколько полетов стрелы.

— Зачем было вообще искать? — Я не собиралась приглашать Йона на порог. Не стоит вносить в мою новую, устоявшуюся жизнь что-то из прошлого. А шкура был тем самым прошлым.

— Мне-то незачем. А вот один дракон как с цепи сорвался. Хотя какой он сейчас дракон — кнесс! — Йон хохотнул. — Собрал под собою все уряды, объединил. А люди и не подозревают, что правит ими (причем справедливо правит!) дракон.

Я стояла, скрестив руки на груди, и молчала.

— Брок просил найти тебя.

— Скажи, что не сумел выполнить просьбы. — Я сглотнула.

— Поздно... — с каким-то особым садистским наслаждением выдал шкура. — Веретено назад я послал ему вестника. И, судя по тому, что я слышу, он уже здесь.

Лично я не уловила ни звука. Но это было ровно до того момента, когда огромные крылья разорвали покрывало тумана в клочья. На землю опустился дракон.

Несколько ударов сердца — и перед нами уже стоял Брок. В отличие от Йона он изменился. Появилась новая морщина на лбу, черты лица словно заострились.

— Спасибо, побратим, — кивком головы Брок поприветствовал оборотня, а потом впился взглядом в меня.

Я молчала. Дракон тоже. Йон, переступив с ноги на ногу, начал тихо уходить во вновь сгущающийся туман. Лиса нехотя последовала за ним.

А мы все и стояли друг напротив друга. Наконец я прикрыла глаза, выдохнула.

— Почему ты молчишь? — Всегда решительный Брок сейчас, судя его голосу, был растерян.

— Подбираю слова, — не стала кривить душой.

— Какие?

— Преимущественно цензурные и без проклятий. Но пока в моей будущей речи лишь запятые.

Я все так же стояла с закрытыми глазами. Не видеть. А лучше еще и не

слышать. Забыть.

Руки, что легли на плечи, заставили вздрогнуть. Я напряглась, замерла.

— Я не уйду, пока ты не выслушаешь меня до конца. — Дракон просил и требовал одновременно. — Скажи, почему ты сбежала?

Вроде бы простой и короткий вопрос, от которого разбилась стена, что держала мои чувства в узде.

— Потому что ненавижу. Ненавижу тех, кто говорит, что любит, а потом предает. Использует. Скажи, долго вы с Марной смеялись надо мной в том подземелье, накануне боя? Это ее идея — объединить все уряды под тобой, сделать тебя кнессом всех человеческих земель? Для чего...

Я недоговорила. Меня буквально смяло штормовой волной. Поцелуя не было. Губы впились в губы, требуя, клеймя, утверждаясь. Словно Брок просто устал слушать и ждать.

Он отпрянул так же внезапно, заставив меня пошатнуться, а в следующую секунду мой кулак врезался в его скулу.

— Ненавижу тебя, ненавижу!

— Знаешь, это взаимно!

Я опешила.

— Ты хотя бы можешь себе представить, каково это — когда та, которая говорила, что любит тебя, сбегает сразу после обручения? Не сказав ни слова, исчезает. А ты сходишь с ума, потому что кроме нее тебе никто не нужен.

— Как же! Марн...

— Не было у меня ничего с женой брата. И быть не могло! — Брок встряхнул меня за плечи. — Мне поклясться своей жизнью, чтобы ты поверила: я не брал ни одну женщину после тебя. Так вот, если моего слова тебе мало, то я клянусь!

Брок не просто лучился, он сиял, и этот свет почти обжигал.

Я подавилась вдохом. Вздрогнула. По горлу прокатился ком, рухнул в живот и скрутил все внутри в тугий узел.

Дракон же, словно не обращая внимания на то, что небеса приняли его клятву, продолжал:

— Да, в ту ночь, в Сейринк... Лекса... Я не железный и далеко не праведник, скорее уж наоборот.

— Поэтому решил повторить все на бис перед толпой? Закрепить брак, так сказать, как истинный кнесс? — Я припомнила белое полотно на камне алтаря, что должно было служить своеобразным японским флагом для всех зрителей.

— Нет, я бы просто отнес тебя на руках в башню. Но ты не смогла

довериться мне даже в этом. А объяснять тебе посреди людской толпы, что происходящее — всего лишь часть плана, — извини! Не место и не время! — В словах Брока звучала ярость.

Но я тоже кипела от злости. Мы оба клокотали и готовы были взорваться. Куда исчез расчетливый манипулятор, что сумел разыграть сложнейшую партию до конца? Почему мой мозг отказывался соображать рядом с этим мерзавцем? Неужели я все равно его люблю? Несмотря ни на что?

Сейчас мы напоминали оголенные провода.

— Ненавижу! — простонал Брок. — Ненавижу тебя за то, что до одури люблю и ничего не могу с этим поделать.

Его воля и самоконтроль полетели к чертям. Я почувствовала это каждой клеточкой тела.

Больше разговоров не было.

Когда Брок схватил меня, я попыталась его оттолкнуть. Слабо, скорее борясь с собой, чем с ним. И даже это сопротивление далось мне безумно тяжело. Тело, как оказалось, не забыло его прикосновения, ласки, поцелуи.

Я не помню, как мы оказались в доме, на кровати. Внутри все горело огнем.

Брок придавил меня своим телом, буквально впечатал в простыню, продолжая целовать. Это казалось сплошным сумасшествием. Одно помешательство на двоих, когда на пол летит одежда, сливаются стоны и хрипы, тело сжимают сильные руки, словно заявляя о своем праве на обладание.

Я больше не сопротивлялась. Не хотелось игры, томительных ласк. Мне нужен был Брок, нужен до боли. Слияние тел. Слияние душ.

Его шепот:

— Ты мне необходима, бездна ведьма, просто необходима.

Мой срывающийся хриплый, безумный крик:

— Брок!

Его толчки, мои ноги, обвивающие его поясницу, губы, что распухли от поцелуев, но все никак не могли остановиться, ногти, впившиеся в спину и расчертившие ее новыми шрамами, — мы брали друг друга, пили, не замечая ничего вокруг.

Мы потерялись во времени и пространстве, и ни один из нас не хотел возвращаться из этого небытия.

Уже под вечер, когда дракон нежно обнимал меня за плечи, думая, что я уснула, до моего слуха донесся шепот:

— Как же я ждал тебя... Моя несносная рыжая, моя любимая...

Это признание заставило открыть глаза.

— Брок, — протянула я сонно, — а не было ли еще чего в том молоке в ночь на Сейринк?.. Ведь ты же меня ненавидел.

— А не было ничего тогда, — огорошил меня дракон.

От такого заявления слетели остатки дремы. Я даже села, в последний момент поймав край одеяла, что норовило сползти вниз, оголив грудь.

— Как не было, ты же сам признался утром...

— Если бы ты знала, каких усилий мне стоило остановиться тогда, сколь велико оказалось искушение... — Брок притворно вздохнул. — Ты была такая желанная, яркая, близкая, я уже почти сорвался, но понял: не хочу так, в дурмане и беспамятстве. Я желал видеть твои глаза, не затянутые поволокой макового молока, знать, что ты отдаешься мне по собственной воле, а не из-за действия отвара. Лекса, между нами не должно быть ничего и никого. Только ты и я.

Я ничего на это не сказала. Зато сделала: поцеловала.

Брок, как истинный командующий, провел контрнаступление, и в результате поцелуй перешел в иную, горизонтальную плоскость.

— Искусительница... — простонал мне в губы дракон. — Рыжая несносная ведьма, в которую я влюбился, когда поймал с того злополучного дерева.

— Когда требовал, чтобы я приняла долг? — уточнила лукаво.

— Да, — усмехнулся дракон. — К слову о долгах. Ты не хочешь мне прямо сейчас кое-что отдать?

— Мм? — Я удивленно изогнула бровь.

— Супружеский долг, например... За лето по нему накопились изрядные проценты.

Нет. Это не дракон. Это еврей с крыльями!

— Скряга! — в шутку попыталась укусить этого еврейского дракона.

— Нет. Просто я очень рачительный кнесс, мечтающий о маленьких рыжих дракончиках...

А я поняла: даже потеряв голову от любви, этот хитрый манипулятор умудряется плести свои интриги. В моем случае — привязать к себе как можно крепче. Что ж, в кои-то веки я была совсем не против.

ЭПИЛОГ

Я сидела у окна, глядя вдаль. Весна — самое время начать новую жизнь. Особенно когда она, эта жизнь, так и просится наружу.

— Потерпи еще немного, — положила руку на живот.

Словно в ответ, ладонь пнули изнутри. Не сильно, но ощутимо. Прошло чуть меньше восьми месяцев после нашего с Брокком выяснения отношений. Невольно улыбнулась. Это сейчас все кажется простым и понятным, а тогда... Страсти бушевали долго. Брок не единожды клялся, и не только в любви.

Я действительно ушла из подземелья раньше и не увидела, как дракон отклонил щедрый дар Марны. Зато именно он убедил ее, что после победы нужно провозгласить его новым кнессом. «Чтобы ты смогла передать печать правителю Верхнего предела. Иначе неисполненная клятва выжгла бы тебя». На мое риторическое: «Получается, ты использовал Марну!» — мой дракон лишь пожал плечами и ответил, что не более, чем она его, подбираясь к Вьельму.

К слову об энге: тот остыл и изменил свое мнение о брате. Ныне правитель оплота не считает Брока предателем. А уж когда Брок вернул ему его жену... Марна отчаянно сопротивлялась, но поделаться ничего не смогла. И я ее понимала: не больно-то воспротивишься, если тебя хватают здоровенные когтистые лапы дракона и, не особо церемонясь, тащат в облака, на парящую твердыню.

Супруг, вновь обретший жену, посчитал за лучшее обеспечить ее безопасность. Полную безопасность. Теперь Марна была скорее пленницей, чем хозяйкой в замке энга. Единственное, что ей осталось, — это смотреть через зарешеченное окно на то, как ее родная твердыня медленно, но верно опускается все ниже, становится все меньше и меньше, постепенно истаивая.

А вот Йон о безопасности своей рыжей спутницы не заботился никак. Хотя исправно кормил ее, холил и лелеял, но не желал отвечать на ее матримониальные чувства. Я даже как-то в шутку обронила, что она обидится и уйдет когда-нибудь в лес к лису, который оценит ее по достоинству. Как в воду глядела.

Скоро не только я смогу ощутить все прелести материнства, но и у рыжухи появится свой выводок пушистых коlobков. Правда, до этого приплода я все же подозревала в Патрикеевне оборотня, хоть и не совсем

правильного...

Когда же, вздохнув, поведала Йону о своем разочаровании, шкура меня огорошил: Рыжая-таки была перевертышем, только наоборот. Звериная натура главенствовала и в образе лисы, и в облике, что отдаленно напоминал человеческий: с руками, покрытыми шерстью, короткими пушистыми ногами и лицом, которое выстилал густой пушок. Но, даже будучи почти очеловеченной, рыжая не разговаривала, а тьякала. Альнуры, а именно к такой разновидности оборотней относилась Патрикеевна, были скорее животными. Своей звериной сутью лисица тянулась к более сильному, Йону, как к тому, кто даст ей отменное потомство.

Вот только шкура отчего-то быть племенным производителем маленьких лисят не захотел. «Я все-таки человек. Даже в звериной шкуре мыслю не как животное, полностью сохраняю разум. И детей, своих волчат, хочу от человеческой женщины», — заявил мне блохастый. Впрочем, не только на словах Йон предпочитал девиц. Он засматривался, да и не только засматривался, на каждую симпатичную мордашку и практиковался в упражнении «как стать отцом». Видимо, боялся в ответственный момент зачатия сплеховать и загодя оттачивал мастерство.

А вот Умару оттачивать данное умение более нужды не было: Ярика Ружримская отстала от меня ненамного, и сейчас носила под сердцем первенца прославленного дракоборца. Все же дочь торговца оказалась девой весьма целеустремленной, оттого семейное счастье настигло прославленного героя, как тот ни сопротивлялся.

Я так ушла мыслями в себя, что не сразу заметила вестника: полупрозрачная стрела, на древко которой был прикреплен миниатюрный свиток, лежала на подоконнике.

Развернула, сломав сургуч. Витиеватый почерк (явно писца) гласил:

«С прискорбием спешу сообщить моему владыке, что я, ваш верноподданный наместник Олрус, нынешней ночью овдовел: скончалась моя супруга, Вайнес. Она умерла во сне. Ее тело превратилось в тлен за считанные веретена, и маг утверждает, что виною тому — чернокнижное заклинание. Прошу вас, правитель Верхнего предела и всех кнесских урядов, о помощи в поисках виновника.

Ваш верноподданный,

наместник равнинного уряда Олрус».

Я несколько раз перечитала письмо. Несложно было догадаться, кто стоит за смертью мачехи Рааны: сговоры с чернокнижниками просто так не проходят.

Брок должен вернуться вечером, к ужину. Тогда и отдам ему послание. Уже хотела отойти от окна, когда на подоконнике появилась короткая записка, словно выжженная на дереве:

«Мой дар тебе, ведьма. Пусть ты и отказалась от моего предложения, но я все равно буду ждать согласия».

Едва прочла, как руны испарились, словно их и не было.

Дверь скрипнула, заставив меня вздрогнуть. На пороге стоял Брок. Улыбающийся, счастливый, в пыльном дорожном плаще.

Я улыбнулась в ответ, а в душе воцарилась уверенность: Брок сумеет защитить меня и наших детей. Грубой ли силой, хитростью ли, но защитит. Всегда. Потому что любит. А любящий дракон способен на все, и даже больше.

notes

Примечания

1

Стихотворные тексты в романе принадлежат автору.